У1(57.2)(062)

ИЗВѢСТІЯ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціею дѣйствит. члена Отдѣла Н. Н. Агапитова.

1948 91

Томъ XV. NN 5—6.

1884 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

1. **Я. П. Дуброва.** Поѣздка въ Монголію въ 1883 году; главы X—XIII 1
2. **П. Гороховъ.** Юрюнгъ-Уоланъ. Якутская сказка. Часть I-я 43
3. **Таблицы** наблюденій метеорологической станціи при Иркутской Учительской Семинаріи за 1884 годъ (Октябрь, Ноябрь и Декабрь) 61
4. **Протоколы** Распорядительнаго Комитета и Общаго Собранія 73

Иркутскъ.

Печатано въ Типографіи И. И. Синицына.

1885.

2287 (XV, 5-6) рф

+2287 (XV, 5-6)

1348

ИЗВѢСТІЯ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

1884 годъ. Т. XV NN 5—6. Декабрь.

ГЛАВА X.

Мигунскій хашунъ.

ОТЪ НАЯТЪ-МОДОНЪ ДО ОЗ. ЭРХИЛЪ-НУРЪ, ДОЛИНА ОЗЕРА.

Читатель, конечно, помнитъ, что на границѣ Мигунскаго хашуна мы были задержаны такими непредвидѣнными, но всесильными для путника обстоятельствами, какъ внезапный дождь, а затѣмъ и градъ, почему и вынуждены были, по-мимо своихъ плановъ, остановиться на ночлегъ въ долинѣ р. Наятъ-модонъ. Хотя послѣ полдня 12 числа горизонтъ было и прояснѣлъ, но это, какъ въ послѣдствіи оказалось, «сущій обманъ» и ненастье не мало таки помучило насъ... Около шести часовъ вечера подулъ сѣверо-западный вѣтеръ; вслѣдъ за нимъ небосклонъ началъ заволакиваться тучами и мы, привыкши къ измѣнчивой атмосферѣ Монголіи, съ увѣренностію ожидали дождя и притомъ дождя продолжительнаго, такъ какъ тучи медленно, грозной массой, все болѣе и болѣе сгущаясь, омрачили наконецъ горизонтъ и загрязнили его синеву... Огненной змѣйкой блеснула вдали молнія... Тучи показались еще мрачнѣе... За молніей послышался отдаленный, глухой, какъ-бы сердито предостерегающій гулъ рокочущаго грома... Тучи показались грозными... Невольная дрожь прошла по тѣлу... Одиночество, въ далекой, дикой, безлюдной равнинѣ показалось сильнѣе... Но вотъ послышался предвѣстникъ бури отдаленный, подавляющій все, тяжелый, не опредѣленный шумъ,—шумъ ужасный, потому что вблизи, вокругъ, царитъ мертвая глухая тишина, заставляющая нервы усиленно работать—въ ожиданіи чѣмъ разразится страшная сила, скрывающаяся въ медленно будто приближающемся шумѣ... Невольно озираешься на тонкія пелены своей палатки, прикрывающей драгоцѣнность путника—провизію и защищающей его самаго... «Да выдержитъ-ли она»? Устоитъ-ли эта былинка передъ силой, обращающей въ щепки вѣтви вѣковыхъ деревьевъ, силой—срывающей деревья какъ какую нибудь соломинку. Ну что будетъ, если сокровище путника палатка—обратится въ никуда не нужныя клочки?... Мысли эти, одна другой мрачнѣе подавляютъ всѣ другія чувства. Подъ давленіемъ этихъ опасеній за цѣлость своего «жилища», ожидая приближенія бури, не прячешься въ палатку, а напротивъ, не знаешь за что и взяться, лишь бы помочь ей выдержать напоръ дикой не сокрушимой силы.... Приближеніе бури, точно освѣщая ей путь, сопровождала все чаще и чаще ослѣпительно сверкающая молнія... рокотъ грома усилился... перешолъ въ оглушительный, приводящій въ дрожь трескъ.... легкій вѣтерокъ, предвѣстникъ бури, пригнулъ верхушки травы, всколыхнулъ бока палатки.... тучи, еще болѣе сгустившись, омрачились... поднялась пыль... секунда.... и все завыло на тысячи ладовъ.... Страшна буря въ монгольскомъ плоскогоріи.... Ураганъ пронесся... закапалъ дождикъ, а за нимъ тучи начали разряжаться частымъ крупнымъ дождемъ.... проливной дождь шелъ всю ночь... не утихъ и къ утру....

13 Іюля. Дождь идетъ.... Пасть не перемежаясь, цѣлый день. Нигдѣ ничьего, даже на самыхъ отдаленныхъ частяхъ горизонта не видно свѣтлаго пятнышка—сплошь грязно... Палатка промокла...

2287 (15, 5-6)

Фонд редких книг и рукописей

изъ боковъ ея льетъ вода,... Книги, бумага отсырѣли... заниматься ничѣмъ нельзя и я лежу на боку, прикрывшись кожей, провелъ весь день; дождь не утихаетъ. Чертъ возми—что то будетъ завтра? Сегодня же—это, такъ сказать, первая послѣдовательно и притомъ продолжительно мучившая насъ непріятность... Были холода—ничего! все-таки можно было ѣхать; шелъ снѣгъ, дождь, но не долго, и хоть по-немногу, да все-таки позволялъ двигаться впередъ. А то вдругъ цѣлыхъ полтора сутокъ киснуть подъ дождемъ, безъ толку лежать, ничего не дѣлать, никуда не двигаться, да и на завтрашній день не имѣть надежды?! Темно... уже 9 часовъ, а дождь все продолжаетъ идти. Свинцовыя тучи, невидимому, и не думаютъ очищать небосклона... темень кругомъ непроглядная... одолѣваетъ тоска и благодѣтель морей не приходитъ на помочь изможенному путнику... Какъ ни стараешься о чемъ нибудь думать, чтобы развлечься—напрасно... Всѣ усилія сосредоточиться на одномъ чемъ нибудь—ни къ чему... тоска и мокрота. Да неужели и завтра, злая мачиха—погода заставитъ отлеживать бока?... Почти у цѣли своей поѣздки... Еще одинъ бы переѣздъ и мы были бы у береговъ оз. Эрхилъ-нуръ, а затѣмъ и Делгиръ-мурина. Но нѣтъ—сиди и не смѣй двигаться. Досадно... Лучше бы это противное ненастье настигло насъ у береговъ Делгира-мурина. Тамъ, говорятъ, много кочуетъ монголовъ,—значитъ было-бы дѣло—писали-бы хоть сказки монгольскія. Тутъ же изволь быть съ глазу на глазъ со Степаномъ, изъ котораго давно уже выжато все, что только лишь онъ зналъ; и говорить съ нимъ рѣшительно не о чемъ. Ругать погоду?—Да это я и безъ его участія усердно исполнялъ. Хаданъ же, еще со вчерашняго дня, не смотря на ненастье, уѣхалъ съ семействомъ на поклоненіе Гыгену. Онъ не хотѣлъ пропустить случая—воздать почитаніе земному божеству, такъ какъ божество это намѣревалось недѣлю пробыть въ Биттысскомъ даданѣ. Въ юртѣ же Хаданъ, за его отъѣздомъ, осталось маленькая дочь да ребенокъ—мальчикъ, а съ ними ничего не столкуешь. Сидѣть въ юртѣ безъ хозяевъ не хотѣлось,—тѣмъ болѣе, что юрта, какъ и палатка наша, давала течь; къ тому же Урго (дымовое отверстіе) было закрыто и по юртѣ носился удушливый, смердящій дымъ аргала, стѣсняющій дыханіе и выжимающій изъ глазъ слезы.

14 Іюля. Опять всю ночь шелъ дождь, впрочемъ, маленькій и въ пять часовъ утра стихъ. Густой массой нависшія тучи и не думали расходиться; къ тому же дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ и клубился туманъ. Въ общемъ—состояніи погоды вовсе не говорило о томъ, что сегодня половина іюля. Напротивъ, день сегодняшній скорѣе напоминалъ собою самую скверную, осеннюю погоду съ ея ненастьями. Въ 8 часовъ утра опять пошелъ дождь. Кажется и сегодня намъ не суждено выѣхать, и навѣрное опять будемъ мокнуть, если только по вчерашнему будетъ идти дождь ливнемъ. Въ ожиданіи такой далеко-таки непріятной перспективы, я, отъ безделья, началъ разсматривать карту С. З. Монголіи, составленную поручикомъ Рафаиловымъ; меня заинтересовало узнать, какъ въ ней обозначены границы Мигунскаго хошуна. Искалъ я, искалъ этотъ хошунъ—нѣтъ нигдѣ—да и только. Судя же по географическому положенію, какое долженъ занимать этотъ хошунъ, я догадался, что Мигунскій хошунъ и есть именно то мѣсто на картѣ г. Рафаилова, которое съемщикъ очертилъ неправильнымъ параллелограмомъ и въ центрѣ его поставилъ цифру «28». Посмотрѣлъ въ «условные знаки». Тамъ подъ этимъ номеромъ написано «Уар-гуни». Откуда взялъ такое названіе картографъ—Бурханъ недехе (богъ знаетъ). Что же касается границъ,—какъ всѣхъ хошуновъ, такъ въ частности и Мигунскаго, обозначенныхъ на картѣ, то это, съ позволенія сказать, просто ни больше, ни меньше какъ упражненія г. поручика въ искусствѣ проводить косыя, ломаныя, кривыя и всякія другія линіи. Впрочемъ, оно и естественно—такъ какъ, какимъ образомъ можетъ быть съемка произведена вѣрно, когда для такого, требующаго точности дѣла, употреблялся единственный инструментъ—грязный палецъ монгола*), указывающій г. Рафаилову направленія теченій рѣкъ и пограничныя линіи. Въ Дархатахъ я лично знаю монгола-составителя карты для одного изъ нашихъ ученыхъ

*) Само собою понятно, что я имѣю въ виду вѣсть, нанесенныя на карту, на основаніи такъ называемыхъ, разспросныхъ свѣдѣній.

Монголъ этотъ, какъ разсказывалъ онъ самъ, на вопросы ноена считалъ своею обязанностію отвѣчать на все утвердительно, хотя бы это была и чистѣйшая ложь. Быть можетъ съемка того пути, по которому проходилъ самъ г. Рафаиловъ и сдѣлана вѣрно—въ этомъ я не позволяю себѣ ни на ёту сомнѣваться, но что касается нанесенія на карту «разспросныхъ свѣдѣній» и свѣдѣній, основанныхъ на водящемъ по пространству пальцѣ номада, то въ достовѣрности и согласіи съ дѣйствительностію такихъ чертежей, позвольте усумниться. На это я имѣю основаніе—и вотъ оно: Орошеніе Дархатской равнины мнѣ хорошо извѣстно. Это же самое орошеніе на картѣ П. А. Рафаилова до неузнаваемости невѣрно изображено. Названіе рѣкъ искажено, перепутано; становыя рѣки обращены въ притоки, и наоборотъ, правые притоки обращены въ лѣвые; рѣки, текущія съ сѣвера, перенесены на западъ и т. д. Обо всемъ этомъ мы намѣрены представить самый подробный отчетъ въ своемъ описаніи Дархатской равнины. Впрочемъ, о достоинствѣ карты сдѣлалъ отзывъ самъ Григорій Никол. Потанинъ, сказавши въ 1881 году, что «въ настоящее время карта эта уже устарѣла» (XV ст.) и что «много, конечно, слѣдуетъ ожидать невѣрностей и мелкихъ пробѣловъ. Отъ себя мы добавимъ, что карта требуетъ не «пополненія недостающихъ свѣдѣній», а радикальныхъ измѣненій, и этого мы вправѣ ожидать отъ г. Рафаилова, занятаго, по словамъ Г. Н. Потанина, «составленіемъ новой карты сѣверо-западной Монголіи»—(Н. ст. XVI).

Дождь проливается... карта г. Рафаилова размокаетъ... авось когда либо она пригодится?! Сложилъ и ее, упряталъ, а самъ, защищаясь кажаномъ отъ дождя, злился, злился и безъ конца злился... «Да що маешь діяты?!

15 Іюля переходъ до оз. Эрхиль-нуръ. Вчера только лишь къ десяти часамъ вечера кое какъ прекратился дождь. Утромъ же, хотя горизонтъ и не очистился совершенно отъ тучъ,—солнце все таки выглядывало изъ за грязныхъ обрывковъ тучъ. Дождавшись поры, когда солнце обсушило насъ, мы, послѣ двухъ томительныхъ дней, проведенныхъ въ палаткѣ плохо защищавшей отъ дождя, наконецъ тронулись въ дальнѣйшій путь.

Отъ Наятъ-модонъ,—мѣсто нашей послѣдней стоянки,—дорога къ оз. Эрхилъ-нуръ идетъ сначала плоскогорьемъ; затѣмъ небольшой подъемъ на дабанъ *Шолутей* (каменистый). Дабан-шолутей угломъ, съ запада, врѣзался въ рѣчную систему р. Делгир-муринъ и выдѣлилъ изъ нея р. Ара-*Шолутей*, составляющую притокъ р. *Иш*. Рѣка Шолутей каменистая; вѣроятно отъ того получила такое свое названіе, что горы, окаймляющія ея русло, обнажены и представляютъ изъ себя обвалы и большія розсыпи камней. Миновавъ верховья Ара-шолутей, мы перешли чрезъ верховья же другой рѣки именно: *Убур-шолутей*. Хотя дорога отъ р. Ара-шолутей до *Убур-шолутей* и идетъ по прямой линіи, но эта послѣдняя рѣка впала не въ р. *Иш*, а лѣвымъ притокомъ уже въ р. Делгир-муринъ. Спускъ съ вершины Убур-шолутей пологъ, но каменистъ и по склону его залегли подземныя массы, съ неправильнымъ наслоеніемъ, сѣраго гранита. Русло р. Убыр-шолутей, вдоль прорѣзывающее спускъ, безводно, каменисто и не широко. Спустившись съ горы, мы, послѣ самаго не продолжительнаго перехода, оставили долину рѣки Убур-шолутей, уходящую на юго-западъ; поднялись на невысокій и пологій дабан, покрытый уже лѣсомъ, и спустились по горному не широкому ущелью *Шобутей* (имѣющее птицъ), по дну котораго течетъ р. Шобутей же. Здѣсь мы, въ своемъ описаніи, нѣсколько остановимся и выяснимъ точное географическое положеніе мѣстности, начиная отъ Хитей-гола. Это необходимо вслѣдствіе того, что у Г. Н. Потанина допущены неточности въ сообщеніяхъ объ этой же мѣстности.

На 267 стр. уважаемый путешественникъ пишетъ: «На югъ отъ озера (Кагъ-нуръ), далѣе тѣхъ высотъ, которыя ограничиваютъ его котловину, виднеется округленная, съ рѣдкими пятнами снѣга вершина горы Ээрцыкъ, изъ которой вытекаетъ рѣка Китынъ-голъ; гора эта лежитъ нѣсколько сѣвернѣе Монхын-олы; въ вершинахъ Китынъ-гола есть переваль въ долину р. *Шиботу*, вытекающей изъ Монхынъ-олы». Что Хитей-голъ (а не Китын-голъ) дѣйствительно «вытекаетъ изъ вершины горы Ээрцыкъ»—это совершенно вѣрно; но ошибочно показаніе, по которому будто-бы съ вершины Хитей-гола есть

перевалъ въ рѣку Шобутей (а не «Шиботу», какъ назвалъ ее Г. Потанинъ)—такого перевала не существуетъ. Да и сама р. Шобутей вытекаетъ вовсе не изъ горы Манхынъ-ола. Сообщающій ученымъ свѣдѣнія объ этой мѣстности, перепуталъ дѣйствительное топографическое положеніе этого раіона. Съ вершины Хитей-гола есть дѣйствительно перевалъ, только не въ долину р. *Шобутей*, а къ берегамъ р. Ара-*Шолутей*, притоку *Иги*. Изъ долины этого притока р. Иги, въ свою очередь, есть перевалъ въ Убур-Шолутей—притокъ, какъ было отмѣчено, р. Делгиръ-муринъ. Затѣмъ уже идетъ спускъ по упомянутому нами выше горному ущелью - *Шобутей*. А такъ какъ мы уже нашли, что р. Шобутей беретъ начало съ изголовья ущелья, называемаго также Шобутей, то, отсюда, само собой понятно, что изъ вершины горы Манхынъ-ола беретъ начало не р. *Шобутей*, а р. *Убур-Шолутей*, текущій въ р. Делгир-муринъ. А что именно Убур-шолутей вытекаетъ изъ Манхынъ-ола *), а не Ара-шолутей или же р. Шобутей— это ясно, кромѣ показаній монголовъ, еще и потому, что вершины горъ, служащія началомъ истоковъ для только что упомянутыхъ нами рѣкъ, ни чуть не возвышаются надъ остальною группою горъ и совершенно плоски; тогда какъ гора Манхынъ-ола, изъ которой беретъ начало Шобутей гораздо выше уровня окружающихъ горъ.

Еще необходимо исправить одну ошибку. Хитей-голъ—не притокъ Билтыса, какъ сообщено Гр. Н. Потанину, а Делгиръ-мурина. Верховья Мусу-туруна, какъ было уже сообщено, служатъ водораздѣльнымъ хребтомъ, и Хитей-голъ протекаетъ гораздо южнѣе Мусу-туруна.

И такъ, значитъ, номадъ, сообщающій географическія свѣдѣнія Гр. Н. Потанину, пропустилъ упомянуть о существованіи р. Ара-Шолутей и Убуръ-шолутей и вмѣсто ихъ сообщилъ о р. Шиботу, не вѣрно показавъ, что она беретъ начало изъ вершины г. *Манаха-ула*. Между другими вершинами горъ, верховье Шобутей, какъ мы уже замѣтили, представляетъ изъ себя впадину, горное сѣдло «улай-эмелъ», какъ говорятъ монголы. Проходъ по ущелью Шобутей ведетъ въ долину оз. *Эрхилъ-нуръ*. Правая сторона ущелья Шобутей, или точнѣе, сѣверный склонъ его изголовьевъ, заросшій не толстымъ лиственикомъ, покатѣе и ниже, чѣмъ противуположный бокъ ущелья. Дно ущелья, какъ мы уже знаемъ, прорѣзываетъ русло рѣки Шобутей. Въ лѣсу, покрывающемъ сѣверный склонъ, мы, начиная отъ русской границы, въ первый разъ встрѣтили *шаазгай* (сороку). Кромѣ сороки, присутствія никакихъ другихъ пернатыхъ не было замѣтно; между тѣмъ, названіе ущелья—Шобутей (отъ шобу птица) говоритъ о томъ, что тутъ должны водиться птицы—ужь не сорока ли попала въ честь,—какъ рѣдкая птица.

Замѣчательно, что не смотря на то, что сряду въ теченіе двухъ дней, не переставая, лилъ дождь, грязи, какъ въ ущельи, такъ равно и въ раньше пройденномъ нами мѣстѣ, вовсе не было. Это объясняется характеромъ глинисто-песчано-каменистой почвы и покатостію мѣстности. Тоже обстоятельство, что ручьи не были наполнены водой—свидѣтельствуетъ о томъ, насколько земля была до дождей суха. Лужи вигдѣ не было видно; замѣтна только лишь влажность почвы, какъ на ровныхъ мѣстахъ, такъ и по склонамъ ущелья.

Ущелье идетъ зигзагами; спускъ по нему пологъ и дорожная протопка прилегаетъ къ сѣверо-восточному склону. На срединѣ спуска примкнуло устье ущелья же, а чрезъ двадцать саженей другое; оба идутъ съ сѣвера, называются также *Шобутей*; имѣютъ русла въ данное время наполненныя сточной водой; въ остальное же время ручьи эти безводны, какъ и русло центральнаго ущелья, по которому мы спускались. Вверхъ по обѣимъ этимъ ущельямъ нѣтъ прохода. Саженяхъ въ пятидесяти отъ устья втораго боковаго ущелья—вышло третье, но уже не съ сѣвера, а съ запада, и съ такимъ же названіемъ—*Шобутей*. Въ вершинѣ русла, прорѣзывающаго дно этого ущелья, бьютъ подземные ключи; но вода этихъ ключей теряется между каменьями русла и не доходитъ до соединенія устья съ русломъ главнаго ущелья. Вверху, подъемомъ по ущелью, идущему съ запада, есть перевалъ въ лѣтнія коченья,

*) Собственно говоря слѣдуетъ писать не „Монхын-ола" а Манахай-ула. „Манаха"—такъ называютъ монголы бѣлый матоваго цвѣта, камень, употребляющійся на трубочные мундштуки; „Ула" же значитъ высокая гора.

разбросанныя по низовьямъ долины р. Шолутей. Послѣ получасоваго перехода ущельемъ, это послѣднее постепенно начинаетъ расширяться, обращаясь въ довольно широкій горный распадокъ. Какъ по ущелью, такъ равно и по образовавшемуся изъ него горному распадку, забѣгая даже на отвѣсныя склоны, растетъ прекрасная трава. Травяной коверъ испещренъ цвѣтущими злаками. Между горъ, составляющихъ уже бока распадка, есть много ущелій, но подъемовъ по нимъ, какъ говорятъ монголы, нѣтъ. Между прочимъ, одно изъ этихъ ущелій, идущее съ сѣверо-востока, отличается отъ другихъ шириною своего дна и называется *Дунду-шобутей*. Не доѣзжая ста сиженей до соединенія устья Дунду-шобутей съ долиной распадка, по которому мы ѣхали, видны остатки китайскихъ городищъ, по распланировкѣ своей похожія на тѣ Кергесе-чило, какія мы встрѣтили въ долинѣ р. Билтысъ. Главныхъ кучъ въ раіонѣ городища я насчиталъ до семи; одна изъ нихъ, лежащая на юго-западной окраинѣ, отличается отъ другихъ высотою кучи камней и величиною ограднаго своего круга.

Дунду-Шобутей въ началѣ своего устья и нѣсколько дальше вверхъ представляетъ изъ себя широкій распадокъ и, насколько охватитъ глазъ, каменистый и обнаженный отъ древесной растительности; бока же его почти отвѣсны и до самыхъ вершинъ совершенно обнажены. По распадку Дунду-Шобутей есть подъемомъ дорога и ведетъ она въ долину р. Ара-Шолутей, а затѣмъ къ берегамъ р. Иги. У самаго устья р. Дунду-шобутей, нагорной площадкѣ, стоитъ зимній хашанъ. За устьемъ Дунду-шобутей, долина распадка р. Шобутей (по которой идетъ нашъ путь) начинаетъ обращаться въ довольно широкую равнину, въ центрѣ которой находящееся русло рѣки, имѣетъ, благодаря двухдневному ненастью, текущую воду. Горы, служащія окраиной правой стороны равнины, понижаются, округляются и пріобрѣтаютъ мягкое очертаніе формъ своихъ изголовьевъ и въ тоже время обнажаются отъ лѣса, который, разбившись на отдѣльныя небольшія кучки, покрываетъ только горныя ложбины.

Чрезъ версту разстоянія отъ Дунду-шобутей съ сѣверо-востока же вышло еще устье распадка, называемое *Додо-шобутей*. Распадокъ этотъ широкъ, какъ и вообще—съ русломъ, покрытъ лѣсомъ и съ дорогой ведущей переваломъ чрезъ вершину въ долину р. Ара-Шолутей. На лѣвомъ берегу устья видны остатки китайскихъ городищъ такого-же типа, какъ и въ Дунду-шобутей.

Отъ Додо-шобутей, дальше, лѣсъ, по обѣимъ горнымъ бокамъ равнины, совершенно прекращается, равнина становится все шире и шире; по пастбищамъ равнины мы увидѣли большой табунъ, въ нѣсколько косяковъ, лошадей исключительно бѣлой масти. Табунъ этотъ заставилъ насъ предположить, что вблизи гдѣ нибудь должно быть кочевье. Дѣйствительно вскорѣ мы примѣтили ютящіяся у подошвы горы на возвышенной трехъугольной площадкѣ лѣваго берега р. Шобутей три бѣлыя юрты. Желая сдѣлать привалъ, мы подъѣхали къ этимъ юртамъ и, между прочимъ, узнали, что это Урто, вторая станція отъ Билтыскаго караула къ ставкѣ Мигунскаго князя. Такъ какъ р. Шобутей наполняется водой только въ ненастье, а въ остальное время въ руслѣ ея нѣтъ ни капли воды, то близь станціи вырытъ „худукъ,—колодецъ, или вѣрнѣе, какъ сказалъ-бы малороссъ «*Крыныця*», т. е. небольшая, не глубокая, круглая яма, безъ сруба и другихъ существенно необходимыхъ принадлежностей колодца - журавля, блока и проч. «У крыныци» на разстояніи другъ отъ друга, вбиты четыре *будин*,—кола, аршина въ два вышиной надъ уровнемъ земли; между кольями протянутъ волосяной арканъ. Вдоль этого аркана, арканами же за шею привязано десятка два молоденькихъ жеребятъ—это для того, чтобы жеребята не случались съ матками и не высасывали ихъ, такъ какъ молоко кобылъ играетъ въ экономіи монголовъ большую роль: изъ него они приготовляютъ тарасунъ, арцу и кумысъ. Жеребцы (азарга) замѣчательно хорошіе пастухи; они стерегутъ кобылицъ, не позволяютъ имъ разбродиться по степи и не допускаютъ къ жеребятамъ; точно также азарга извѣстнаго косяка хорошо знаетъ своихъ кобылицъ, ревниво оберегаетъ ихъ, не позволяетъ имъ перебѣгать въ другой косякъ и за обладаніе кобылицами вступаетъ въ жестокую борьбу съ чужими жеребцами.

Начиная отъ колодца, дороги расходятся: на юго-востокъ, подъемомъ на гору идетъ дорога въ Богдо-курень (Урга, Да-курень тожь), а на югъ къ р. Делгир-муринъ, куда и цѣль нашей поѣздки.

Чрезъ четверть часа ходу, считая отъ колодца, равнина Шобутей широкимъ устьемъ входитъ въ степь *Эрхи-нури-хундой*. Степь эту перерѣзываютъ три дороги: a) на югъ въ Делгиръ-муринъ; b) на востокъ, спускомъ съ горы дорога въ Богдо-курень и c) на сѣверъ въ Хатхульскій караулъ къ южному концу озера Кубсгула. Въѣздъ въ степь съ сѣвера загораживаютъ остатки китайскихъ городищъ,—и только лишь миновавъ китайскія городища, открывается видъ на степь во всемъ ея объемѣ.

Эрхилъ-нури-хундой залегла широкой полосой отъ сѣверо-востока къ юго-западу. На юго-западномъ концѣ ея расположено большое съ пологими болотистыми берегами озеро *Эрхилъ-нуръ*; юго-западнымъ же концами своими промыкаетъ къ подошвѣ горъ. Именемъ этого озера и названа степь. Горы, окаймляющія степь съ сѣверо-востока, отдѣляютъ ее отъ береговъ р. Иги. Между же горами, идущими вдоль юго-западной окраины степи, изъ группы другихъ вершинъ выдѣляется одна болѣе высокая и, точно колпаками, покрытое густымъ рослымъ лиственичнымъ лѣсомъ, который, впрочемъ, до подошвы горы не простирается. Бросающаяся въ глаза своей зеленой покрышей среди остальныхъ обнаженныхъ горъ особенность этой горы подмѣчена монголами и они въ своихъ легендахъ упоминаютъ объ этой горѣ, какъ избраннымъ мѣстѣ *Буреи-ханомъ* для охоты за изюбрями, которыхъ, къ слову сказать, и теперь не мало водится въ этой горной тайгѣ. Именемъ Хана-намады назвали и самую гору. Подъ числами своего дневника «8 Сентября» Г. Н. П. упоминаетъ объ этой горѣ и называетъ ее *Буренъ-хаиръ-ханъ* (наши курсивы). Вставки г. Потанина «хаиръ» въ названіи горы мнѣ не приходилось слышать отъ монголовъ. Путешественникъ такъ описываетъ эту гору: «она была покрыта вчерашнимъ снѣгомъ; въ ущельяхъ(?!) былъ видѣнъ лиственичный лѣсъ уже съ пожелтѣвшей хвоей.... Буренъ-хаиръ-ханъ, судя по цвѣту обнаженій, состоитъ изъ известняковъ, на вершинѣ перевала встрѣчены выходы гранита».

Эрхилъ-нури-хундой (хундой собственно и значитъ небольшая степь) покрыта хоть невысокой, но густой травой, преимущественно волосцемъ (хякъ) и пыреемъ; цвѣтущими же злаками не особенно богата; мною собрано только пять разновидностей флоры. По степи вездѣ снуютъ важно, точно насмотру шагая, стаи журавлей (тухурё); много также разбросано тарбаганьихъ поселеній, что свидѣтельствуетъ о сухости почвы; и дѣйствительно Эрхилъ-нури-хундой, кромѣ озера, стоящаго на юго-западномъ концѣ ея, не имѣетъ другихъ орошеній. Ни зимнихъ (убыл-зонъ), ни лѣтнихъ (загалунъ) кочевьевъ по всей степи не замѣтно. Удивившись этому, я спросилъ случайно ѣхавшаго съ нами монгола: «что за причина, что никто не кочуетъ въ этой сравнительно обширной и обильной кормомъ равнинѣ»? Изъ объясненій номада пришлось узнать, что Эрхилъ-нури-хундой, имѣющая всѣ удобства роскошнаго пастбища, *есть собственность Мигуней хашуни-носа*, князя, управляющаго Мигунскимъ хашуномъ. Въ степи въ этой бродятъ зимою многочисленныя стада князя, питаясь богатымъ подножнымъ кормомъ, и никто другой, подъ страхомъ наказанія, не имѣетъ права пускать свой скотъ въ эту *собственность князя*. Условія Эрхилъ-нури-хондой таковы, что она даже въ самый худшій засушливый годъ имѣетъ кормъ, который, притомъ, скоту зимой не трудно добывать,—такъ какъ постоянные вѣтра раздуваютъ и сносятъ снѣгъ съ ея площади. Это то, т. е. удобства пастьбы, и соблазнило Гуна присвоить себѣ Эрхилъ-нури-хундой, какъ исключительно ему принадлежащую собственность. Такимъ образомъ и на этой далекой окраинѣ Монголіи у номадовъ ея начинаетъ уже создаваться понятіе о правахъ индивидуальной собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушаться строго общинное владѣніе землей. Тотъ же Мигуней гунъ (Мигунскій князь), въ хорошую пору года пасетъ свои стада на общинныхъ пастбищахъ, вытравляетъ ихъ; мало этого, выбравъ лучшій кусокъ изъ всего раіона общинныхъ владѣній, присваиваетъ его исключительно себѣ; бережетъ его на время безкормицы, не пускаетъ туда стадъ общинниковъ; и, пользуясь правамъ сильнаго, попираетъ обычное право, и

властно, не терпя никакихъ аппеляцій съ чьей либо стороны, говоритъ: «это мое»! не смѣй пользоваться или, иначе, запорю». Замѣчателенъ фактъ, что разные власть имущіе «князья и другіе ноены Монголіи» начали, только лишь въ сравнительно недавнее время, присваивать себѣ исключительное право на владѣніе извѣстной частью земли,—и именно случилось это послѣ учащенно усилившихся падежей на скотъ, а главнымъ образомъ, послѣ расширившейся въ послѣднее время внѣшней торговли. Вопросъ этотъ имѣетъ особенную важность и мы о немъ будемъ говорить въ особомъ изслѣдованіи «обычнаго права монголовъ на владѣніе отдѣльными земельными участками». Теперь же скажемъ, что по разсказамъ монголовъ лѣтъ десять тому назадъ не было случаевъ захвата земель. Въ теченіе же этого періода власти монгольскія начали постепенно выраждаться въ бывшихъ нашихъ помѣщиковъ со всѣми ихъ крѣпостническими инстинктами и тенденціями. Князья и тайджи, т. е. дворяне, пользуясь наравнѣ съ другими общинной землей, въ тоже время позволяютъ себѣ выдѣлять изъ нея лучшіе куски, захватываютъ ихъ въ свою пользу, закрѣпляютъ за собой и строго слѣдятъ, чтобы никто другой не пользовался будто бы ихъ собственной землей. За нарушеніе же правъ на землю, присвоенную безъ какого бы то ни было согласія общины, строго наказываютъ. Кромѣ присвоенія земли—Гуны и Тайджи сгруппировываютъ возлѣ себя голытьбу и обращаютъ ее въ даровыхъ слугъ, рабовъ; пользуясь даровыми трудами рабовъ, князья и тайджи считаютъ своею обязанностію только лишь кормить ихъ,—жалѣютъ же дать клочекъ кожи или какой нибудь обносокъ одежи, но за то бьютъ ихъ палками и плетьми за неточное исполненіе своихъ приказаній и за ущербы *по скотоводству* въ случаѣ пропажи скота*). Если какой нибудь счастливый случай не откроетъ глаза номадамъ, не натолкнетъ ихъ на путь активнаго сознанія своихъ правъ, если культура не прійдетъ извнѣ на помощь—номады не въ далекомъ будущемъ непремѣнно обратятся въ рабовъ и господъ, община распадется, богачи сдѣлаются крупными собственниками, захвативъ лучшія земли, а бѣднота, таковъ вездѣ ея удѣлъ, или вовсе останется безъ земли или въ ея распоряженіи будутъ одни лишь горы, кочки и болота. Въ Тункинскомъ краѣ были уже случаи захвата общинной земли въ собственность одного лица, напр. тайши Хомакова; но бурятъ теперь образумились,—и большую часть земель, присвоенныхъ Хомаковыми и его дѣтьми безсогласія на то общины, отобрали, вновь обратили ее въ общинное пользованіе и раздѣлили между всѣми своими членами на общемъ съ другими угодьями основаніи. При чемъ нужно сказать, что община достигла этого не безъ тяжебныхъ дѣлъ. Но хватятся ли въ пору за умъ номады Монголіи?.. Если же пройдетъ *«земская давность»*, захватчики *укоренятъ* свое право, возведутъ его въ государственный принципъ, народъ освоится съ этимъ правомъ, подчинится ему какъ тяжелой, но неизбѣжной необходимости.—Если все это будетъ допущено въ молчаливомъ терпеніи бѣдъ и скорбей, тогда будетъ поздно и община не будетъ уже имѣть силъ отобрать то, что ей когда то принадлежало de jure и захвачено не законно и выступитъ тогда на очередь мучительный, кровавый аграрный вопросъ. На сторонѣ же сформировывающихся теперь въ Монголіи собственниковъ, какъ водится, капиталъ и власть... Скорѣй бы пришла помощь. Дѣло еще можно поправить... Судя по тону розсказа монгола про Эрхилъ-нури-хундой у монголовъ есть уже отчетливое сознаніе, такъ сказать, *убыточности* интересовъ общины, какую терпитъ она отъ того или другаго исключительнаго захвата извѣстной части угодьевъ. На вопросъ мой: «почему никто изъ монголовъ не рѣшается поставить юрты въ Эрхил-нур-хундоѣ»?—спутникъ мой разсказчикъ лаконически отвѣтилъ «зон-айна» т. е. *общественники боятся*. Отвѣтъ этотъ, не смотря на свой лаконизмъ, вполнѣ ясно иллюстрируетъ какъ настоящее положеніе дѣла, такъ равно и неизбѣжно ожидаемый исходъ его въ буду-

*) Эйріе въ своемъ трудѣ „Жив. Пут. по Азіи" на 33 ст. III тома пишетъ, что будто бы у монголовъ есть невольники или рабы, происходящіе отъ плѣнныхъ, а большею частію отъ преступниковъ, закабаленныхъ въ рабство вмѣсто ссылки. Это настоящіе помѣщичьи крестьяне. Быть можетъ Эйріе и правъ относительно Монголіи, примыкающей къ собственному Китаю, но что же касается окраины сѣверной Монголіи, то у номадовъ ея, нѣтъ этой категоріи рабовъ.

щемъ, а это будущее въ скоромъ времени породитъ истыхъ крѣпостниковъ и при нихъ рабовъ. Какъ только лишь Монголія оставитъ кочевой образъ жизни, то слѣдующій строй жизни непремѣнно выльется въ гнусную форму—съ одной стороны барства въ самыхъ его широкихъ же размѣрахъ, а съ другой—безвыходной кабалы.... Опять повторяемъ, скорѣй бы проникнули европейскія идеи въ эту далекую страну и не позволили бы ей повторять горькія тяжелыя историческія ошибки строя общественной жизни человѣческой!

«Въ прошломъ году, продолжалъ свой разсказъ номадъ, одинъ китаецъ вздумалъ было остановиться въ Эрхилъ-нури-хундой для поправки истощенныхъ своихъ верблюдовъ, да и то, когда узналъ объ этомъ Гунъ (князь), собственникъ (еджинъ) выгналъ его оттуда. Если уже китайцу не позволено было стоять съ верблюдами въ степи, то намъ и подавно», заключилъ свои сообщенія номадъ.

А хороша Эрхилъ-нури-хундой—привольна для скота? спросилъ я своего собесѣдника.

«Бури сайханъ, има-сеотой! Малъ-аду хезешигулутсу уве»! т. е. «Очень хороша. Вотъ какъ хороша (причемъ показалъ приподнятый вверхъ палецъ): скотъ,—лошади никогда не бываютъ голодными».

Разговаривая съ номадомъ объ условіяхъ скотоводства и цѣнности хорошихъ пастбищъ, мы подъѣхали къ сѣверо-восточному берегу о. Эрхилъ-нуръ. Я зачерпнулъ изъ озера воды и хотѣлъ было напиться, но монголъ удержалъ меня, сказавъ, что вода горько-соленая и послѣдствіемъ пріема бываетъ поносъ и сильно растраивается желудокъ, даже переваренная она не теряетъ своего слабительнаго свойства. Отъ этого же монгола я узналъ, что во время волненій валы Эрхилъ-нура выбрасываютъ на берегъ *«косыйнъ»*, т. е. пѣну; пѣна же эта, высохши, обращается въ дабаса (соль), выступаютъ также крупинки соли и въ жаркій лѣтній день; но что ни люди, ни скотъ не употребляютъ воды изъ озера, скотъ же любитъ лизать соленую землю береговъ его.

Разсматривая очертаніе береговъ озера, вспомнилось мнѣ, что г. Рафаиловъ на чертежѣ своей карты придѣлалъ къ сѣверному концу озера безъимянный коротенькій хвостикъ, долженствующій, вѣроятно, изображать истокъ озера—или же какую нибудь рѣку, впадающую въ него; но ни того, ни другого я не замѣтилъ. Устье р. Шобутей теряется въ Эрхилъ-нури-хундой и далеко таки не доходитъ до озера. Не довѣряя себѣ, я спросилъ у монгола—не знаетъ ли онъ какого нибудь стока изъ озера:

«Эрхилъ-нури холай-уветей; Хана-шиги-уветей»! отвѣтилъ монголъ (Эрхилъ-нури не имѣетъ горла (истока); нигдѣ не имѣетъ). 1877 года 9 сентября у оз. Эрхилъ-нуръ былъ Г. Н. Потанинъ и сдѣлалъ подробное описаніе его окрестностей, почвы, растеній, такъ что мы для полноты даннаго нами описанія рекомендуемъ развернуть 260 стр. труда ученаго и поинтересоваться его описаніемъ Эрхилъ-нура.

Высота оз. Эрхилъ-нура по барометрическимъ опредѣленіямъ Потанина и Рафаилова равняется 5,100 ф.

Отъ оз. Эрхилъ-нура уважаемый Г. Н. Потанинъ отправился въ Хатхульскій харулъ къ южной оконечности оз. Кубегула.

Послѣ осмотра озера, мы направились прямо на югъ и вошли въ устье распадка *Уланъ-хапсагай-булукъ* (Уланъ-красный,—хапсагай-узенькій, булукъ ручей); распадокъ этотъ нѣсколько шире, чѣмъ Шобутей, и вѣроятно, тотъ самый, который Г. Н. Потанинъ имѣлъ въ виду, говоря, что «восточную часть котловины Эрхилъ-нури-хундой ограничиваютъ на сѣверѣ горы, которыя нашъ вожакъ назвалъ Хапсагай и Шарь-дальнъ» (261). Г. Н. назвалъ долину озера «окруженною со всѣхъ сторонъ горами» (260). Дополнимъ же это сообщеніе перечисленіемъ названій вершинъ горъ съ ихъ распадками. На сѣверѣ лежащая возвышенность называется *Шарь-дальнъ*, на востокъ Уланъ-Хапсагай, направо отъ дороги въ Делгир-муринъ, кромѣ Уланъ-хапсагай-булука, вышло еще и другое устье распадка *Ара-хундой*, верховья котораго на юго-западѣ. По Ара-хундою есть дорога въ Джазасакскій Хашунъ, гдѣ есть курень съ живущимъ въ немъ гыгеномъ. Налѣво отъ Уланъ-хапсагай булука вышелъ распадокъ *Кукшолутей* (съ синими камнями); выше его *Хуху-хапсагай* (синій-узкій) и рядомъ съ этимъ послѣднимъ

Тумусъ-Хонхо (Тумусъ собственное имя; Хонхо колокольчикъ). По этимъ распадкамъ проходитъ дорога къ берегамъ р. Иги и въ кочевья Урянхайцевъ, что за Хатхульскимъ карауломъ.

У входа въ устье Уланъ-хапсагай-булукъ встрѣтились съ нами три монголки, возвращающіяся изъ Джаазасакскаго куреня, куда онѣ ѣздили на поклоненіе Гыгену. Номадки разодѣты были все въ яркаго цвѣта шелковыя дыгылы; у франтихъ волоса эсенились, отъ толсто намазанной листвяничной смолы. Смола эта любимая помада у номадокъ, онѣ перетапливаютъ ее съ бараньимъ жиромъ и этимъ составомъ, точно густой смолой, мажутъ волоса.

Монголки, изъ трусости предъ незнакомыми оросами, были молчаливы и никакъ не могъ я вовлечь ихъ въ разговоры; такъ что, потерявъ всякую надежду узнать отъ нихъ что нибудь о Джаазакскомъ Гыгенѣ, мы простились съ «амазонками монгольскихъ степей» и начали дѣлать переходъ въ верховья Уланъ-хапсагай-булукъ. Подъемъ безлѣсенъ и до того пологъ, что почти не замѣтенъ; вдоль подъема проходитъ русло ручья; почва каменисто-песчаная, усѣяна дресвой по берегамъ русла, которое безводно, каменисто, широко и мѣстами заросло сорными травами - полынью (Умыхей-шаральжи) и Лебедой (Зуйленъ-шаральжи); трава по прибрежьямъ русла рѣки растетъ превосходная. Встрѣтивъ въ Эрхилъ нури-хундой хорошую траву, я подумалъ, что это случайное явленіе, какъ и въ Мусу-турунѣ; проѣхавъ который, мы опять или чуть ли не обнаженными, выжжеными солнцемъ мѣстами--такъ до верховьевъ р. Шобутей; отъ этого же пункта и дальше—все лучшая и лучшая трава. Это обусловливается болѣе благопріятными атмосферическими явленіями, въ данной мѣстности, но не характеромъ почвы также каменистой, какъ и вездѣ по окраинамъ сѣверо-западной Монголіи. По разсказамъ монголовъ, въ описываемой нами мѣстности, дожди начали идти ранней весной, а главное то, что не было прошлый годъ засухи.

По мѣрѣ отдаленія отъ устья, распадокъ Уланъ-хапсагай-булукъ становится все выше и выше; русло углубляется и жмется лѣвымъ своимъ берегомъ къ подошвѣ горъ, а дорога всходитъ на косогоръ... Было уже поздно. Солнце закатилось, да и мы притомились; и послѣ получасоваго перехода, считая отъ начала устья распадка, оставили дорогу, спустились съ косогора къ берегу рѣки, къ мѣсту, гдѣ, по словамъ бывшаго съ нами монгола, были подземные ключи и расположились, говоря по тункински, «на ночевку».

У ключа мы увидѣли три небольшія, въ аршинъ вышиной, конической формы кучи; сложены эти кучи изъ мелкаго камня. Кучи расположены подъ острымъ угломъ, направленіе котораго лежитъ къ ключамъ. Близь ключей стоитъ русанъ; но у обитателя этого русана, Жамсарай Норбоева, мы не могли добыть дровъ, по той простой причинѣ, что у него и признака ихъ не было. За то Норбоевъ посовѣтовалъ намъ съѣздить на указанное имъ мѣсто и взять изъ Хашана одну жердь, что мы и сдѣлали. Съ нашей стороны было неприлично брать жердь изъ чужой огороди,—это было равносильно воровству. Но чтобы дѣлать? Аргала нигдѣ вокругъ не было, не примѣтно нигдѣ было и дѣсу; самъ же Норбоевъ, имѣя всего имущества только одну собаку, разводилъ огонь, тамъ гдѣ раздобывалъ себѣ пищу—небольшой запасъ его аргала, курящійся въ русанѣ, намъ совѣстно было брать у этого нищаго. За чаемъ я освѣдомился у Норбоева о значеніи кучъ, что близь ключа, и узналъ, что это жертвенники, поставленные по слѣдующему случаю. Въ началѣ іюля мѣсяца вода перестала бить изъ ключей. Одинъ изъ ламъ, имѣющихъ «*Зада*»*), т. е. чудодѣйственный камешокъ, обладая которымъ по своему произволу можно вызывать дождь и снѣгъ, когда вздумается, такъ вотъ лама вновь вызвалъ водные ключи къ дѣятельности и въ благодарность за это приносилъ близь этихъ ключей жертву Лу**) (Лу-еу-такилъ-тахиха), для чего и поставилъ три жертвенныхъ обо (кучи).

*) Что такое „зада" смот. подробное описаніе ея, сдѣланное Гр. Н. Потаниномъ въ его очеркѣ, помѣщенномъ въ „Рус. Богат." за 1881 годъ подъ заглавіемъ „Побѣдка" въ Дархаты.

**) Лу—миѳическое чудовище, производящее громъ и молнію и запрудывающее вершинами рѣкъ и ихъ теченіемъ. Чудовище это можетъ по своему произволу висушить рѣку и наполнить ее водою, можетъ также посылать дождь, градъ, снѣгъ и всякую непогоду.

Осматривая кучи, я на одной изъ нихъ, именно составляющей основаніе трехъугольника, нашелъ двѣ каменныхъ плитки, на плоскости которыхъ вырѣзаны какіе-то знаки. Плитки эти я взялъ съ собою и впослѣдствіи передалъ въ Музей В. С. Геогр. Отдѣла. (Рисунки этихъ изображеній приложены въ концѣ).

Осмотрѣвъ обо, я пошелъ знакомиться съ жилищемъ Норбоева—русаномъ.

Какъ извѣстно, монголы живутъ въ войлочныхъ юртахъ,—имѣть юрту—завѣтная мечта кочевника; не смотря на простоту устройства послѣдней и сравнительную ея дешевизну—далеко не каждый монголъ имѣетъ это первобытное жилище. Многіе изъ нихъ, обездоленные судьбой-мачихой, буквально не имѣютъ никакого пристанища. Бѣднякъ нищій, считаетъ себя счастливымъ, если у него есть хоть какая нибудь возможность пріютиться—не говоримъ уже въ юртѣ, а просто въ какой нибудь конурѣ. Въ одной изъ такихъ конуръ—нищій монголъ по имени Жамсарай Норбоевъ—и жилъ. Опишемъ его жилище. Если я назову конуру Норбоева, даже въ худшемъ смыслѣ слова, жилищемъ человѣка, то и то не будетъ вѣрно. Ни подъ какое понятіе о жилищѣ эта конура не подходитъ. Представьте себѣ воткнутыхъ въ землю три тонкихъ палки вышиной аршина въ два съ половиной. Верхніе концы этихъ палокъ соединены вмѣстѣ и связаны ремнемъ, такъ что образовался конусъ,—площадь котораго, въ діаметрѣ, не болѣе сажени. На этотъ конусъ съ боковъ набросано до десяти жердей,—все это съ наружной стороны, за исключеніемъ входа, покрыто клочьями перетившаго войлока, собраннаго по дорогамъ и близь кочевьевъ зажиточныхъ монголовъ. Войлочные эти выброски кой-гдѣ сшиты, а то просто поддѣты за кору и сучья жердей. Само собой разумѣется, что дыры вездѣ свѣтятъ. Вотъ и все устройство конуры и это есть жилище разумнаго существа,—человѣка и даже носитъ спеціальное названіе—конура эта по-монгольски называется *«русанъ»*. Русанъ ни отъ вѣтру, ни отъ дождя, ни отъ холода не защищаетъ; только лишь во время лѣтняго зноя онъ могъ бы представлять изъ себя холодокъ, но и этого нѣтъ. Хозяинъ русана, имѣя *«ымрэ»*, т. е. обиталище, по традиціи, не считаетъ возможнымъ внѣ своего жилища, около него разводить огонь—иначе *«заяша»*—духъ огня—будетъ сердиться за то, что хозяинъ, не разводя огня въ русанѣ, тѣмъ самымъ какъ бы выживаетъ «Заяша» изъ дому и вообще не относится къ нему съ должнымъ почитаніемъ. Какъ зло суевѣріе вмѣшивается въ жизнь. Боясь мести Заяша, суевѣрный номадъ, раскладывая огонь внутри русана, живетъ точно въ какой нибудь коптильнѣ;—хорошо лѣтомъ—бѣднякъ можетъ сидѣть у порога своего русана и не оскорблять Заяша, а хоть съ утра и до вечера, въ угоду ему, коптить свой русанъ. А зима? Тутъ уже помимо всякихъ традицій, просто изъ нужды согрѣть свое голое тѣло, обитателю русана нужно поддерживать огонь въ очагѣ и самому сидѣть среди облаковъ ѣдкаго удушливаго дыма! Вѣдь бѣднякъ и зиму проводитъ въ русанѣ! Дивиться надо, какъ можетъ организмъ человѣка переносить такія удобства жизни, жить при такихъ не человѣческихъ, даже и не скотскихъ условіяхъ; дивиться надо, какъ бѣднякъ номадъ не околѣваетъ въ длинную, холодную, лютую сѣверную зиму. Впрочемъ, послѣднее часто случается, и въ понятіяхъ монголовъ не служитъ чѣмъ нибудь изъ ряда вонъ выходящимъ,—не есть не нормальное явленіе, позорное для общества и человѣка культуры. Найдетъ трупъ собака, съѣстъ его и дѣлу конецъ; другой же бѣднякъ заберетъ клочья русана погибшаго хозяина, прикроетъ ими свой и, влача жалкое существованіе, будетъ апатично ждать такой же участи.

Въ такомъ то русанѣ живетъ Жамсарай Норбоевъ и при томъ не одинъ, а съ пятнадцатилѣтнимъ своимъ сыномъ. Сквозь дымъ, застлавшій всю внутренность русана, я, при входѣ въ него, ничего не могъ разсмотрѣть; щемящая боль отъ ѣдкаго, вонючаго дыма заставила болѣзненно закрыть глаза. Интересуясь же по-ближе ознакомиться съ этой злой пародіей на жилище человѣка, я попросилъ Норбоева угасить огонь. Но долго пришлось ждать возможности войти въ русанъ съ открытыми глазами. Наконецъ дымъ вышелъ, далъ возможность и дышать свободно, и схотрѣть. Что же я увидѣлъ? По срединѣ площади русана три камня, стоящіе ребромъ во-

кругъ очага; на камняхъ обломокъ чугуннаго котла— и больше ничего! Даже обрывковъ, тряпокъ, лохмотьевъ—этого богатства нищихъ не было у бѣдняка. Площадь внутренности русана до того мала, что владѣлецъ его, ложась, не могъ растянуться во всю длину своего корпуса, а чтобы лечь долженъ былъ представить изъ себя полукругъ, только маленькій сынъ Норбоева, повидимому, могъ спать въ растяжку. Самъ Норбоевъ почти голъ. По верхъ тѣла его, вмѣсто одежи, были набросаны обрывки тарбаганьихъ кожъ; обрывки эти, слабо напоминая покрой дегыла (верхній халатъ), кое какъ сшиты между собой и покрывали тѣло только до колѣнъ. Само собой понятно, что ни рубахи, ни штановъ, ни сапогъ, никакой самой существенно-необходимой принадлежности костюма у Норбоева не было. На головѣ же, замѣняя шапку, торчалъ клочекъ войлока. Такъ же былъ *одѣтъ*, если можно употребить это слово, и его сынъ. Вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что тѣло Норбоева и его мальчика, вмѣсто одежи, было покрыто толстымъ слоемъ грязи, къ тому же все было изможено гнойными отвратительными струпьями, слишкомъ ярко говорящими о тѣхъ гигіеническихъ условіяхъ, въ какихъ Норбоевъ проводилъ жизнь. Дальтонъ, разсказывая о жителяхъ Борнео, приходитъ въ ужасъ отъ того, что дикари не имѣютъ жилища и проводятъ ночь подъ какимъ нибудь большимъ деревомъ съ низко нависшими вѣтвями. На вѣтвяхъ развѣшиваютъ дѣтей въ своеобразныхъ колыбеляхъ; сами же прикрываются кусками коры и такъ же укрываютъ и дѣтей своихъ. Но Борнео не холодный сѣверъ съ его крайне измѣнчивой атмосферой, суровой лютой зимой. И чтобы Дальтонъ сказалъ, если бы увидѣлъ въ такомъ холодномъ климатѣ такое жилище Норбоева и такой его костюмъ? А такихъ Норбоевыхъ не мало въ Монголіи.

Единственныя средства къ жизни у Норбоева и подобныхъ ему пролетаріевъ—это тарбаганы (т. е. сурки). Бѣднота лѣто и зиму исключительно и питается только этими звѣрками. Каждый бѣднякъ-монголъ всѣми силами старается достать, вскормить и привязать къ себѣ собаку, имѣющую для номада особенное значеніе, такъ какъ собака—кормилецъ его и безъ нее онъ пропалъ бы отъ голодной смерти. Дѣло въ томъ, что нохой (собака) доставляетъ бѣдняку единственную его пищу—тарбагановъ. Утромъ, на зарѣ, когда тарбаганы выходятъ изъ норъ, собака старается отбить ихъ, затѣмъ ловитъ и загрызаетъ и тѣмъ доставляетъ себѣ и хозяину пищу. Это лѣтомъ, когда при помощи собаки, весь трудъ бѣдняка номада состоитъ лишь въ томъ, чтобы въ обломкѣ котла сварить добытаго собакой тарбагана. Зимой же кормилецъ номада—мало приноситъ уже пользы. Въ эту пору тарбаганы, подверженные зимней спячкѣ, залегаютъ въ норы и чтобы добыть ихъ оттуда, нужно разрывать послѣднія. И съ орудіями неумѣлому номаду трудно разбивать скованную морозомъ землю,—бѣдняку же, которому всѣ орудія замѣняетъ листвяничная палка, да зубы собаки, нужны невѣроятныя усилія, чтобы справиться съ почти непреодолимыми препятствіями при добычѣ тарбагановъ. Звѣрки эти преимущественно живутъ въ степи; лѣсу нѣтъ. Номаду, чтобы добыть себѣ пищу, нужно разстаять землю, разрыть нору тарбагана, уйдти отъ намѣченной норы нерѣдко за нѣсколько верстъ и искать топлива. Лѣсъ найденъ; топора нѣтъ; нужно ломать руками; наломанныхъ дровъ вести не на чемъ,—нужно вьючить собственную свою спину и нести дрова къ порѣ, скрывающей внутри себя пищу. Затѣмъ съ громадными усиліями, чрезъ посредство одного трута, нужно разжечь топливо и размягчить землю надъ поверхностію тарбаганьей норы, чтобы была возможность добраться до тарбагана. Но нора глубоко уходитъ въ землю; нужно нѣсколько разъ приносить дрова, разжигать ихъ, чтобы окончательно, размягчивъ землю, возможно было разрыть нору и добыть себѣ пищу. На всю эту египетскую работу тратится минимумъ полтора сутокъ. И вотъ въ теченіе этихъ длинныхъ, холодныхъ зимнихъ сутокъ окоченѣвающее семейство жителя русана питается однимъ только суркомъ—тарбаганомъ! Это значитъ быть не то что, какъ говорится, *въ проголодь*, а просто таки постоянно испытывать муки голода и при голодѣ не быть ничѣмъ защищеннымъ отъ стужи. Товарищъ бѣдняка—собака меньше страдаетъ. Она по крайней мѣрѣ защищена отъ холода шерстью, тогда какъ на человѣкѣ

висятъ только клочья ея. И десятками мретъ отъ голода и холода эта бѣднота! На помощь къ ней никто не приходитъ; никто надъ нищимъ номадомъ не сжалится и не вникнетъ въ его положеніе! Ни въ комъ онъ не возбуждаетъ чувство состраданія!

Буддизмъ учитъ, что счастье и несчастье, богатство и бѣдность не зависятъ отъ воли человѣка, а зависятъ отъ предопредѣленія свыше. Все, что постигаетъ человѣка—есть сила не предотвратимаго рока. Помогать обѣднѣвшему, протянуть ему руку помощи, такъ или иначе войдти въ положеніе человѣка, подвергшагося ударамъ судьбы—безполезно и не имѣетъ никакой нравственной заслуги; такъ значитъ предопредѣлено мудростію свыше; и усилія претерпѣвающаго несчастія, равно и активное желаніе другихъ помочь кому нибудь выйдти изъ бѣды—напрасная трата усилій и безполезное желаніе, потому что душа, живущая въ оболочкѣ существа, претерпѣвающаго то или другое несчастіе, будучи въ состояніи метамепхоза,—для высшихъ цѣлей, для достиженія конца концовъ, абсолютнаго покоя—этой нирваны, терпитъ наказаніе, необходимое для болѣе счастливаго возрожденія въ будущемъ; и ничьи силы не въ состояніи предовратить это предопредѣленіе, а значитъ и облегчить страданія. Чѣмъ скорѣе погибнетъ оболочка страдающей души, тѣмъ лучше. Гибель оболочки дастъ свободу душѣ. Предохранять же оболочку отъ гибели, заботиться о ней, помимо того, что безполезно, но и еще, значитъ, намѣренно, стараться продлить страданія души, такъ какъ не эта видимая, бренная матеріяльная оболочка терпитъ страданія, а душа, и періодъ извѣстныхъ страданій абсолютно невозможно ни отодвинуть въ передъ, ни уменьшить. Голодъ, холодъ, болѣзни, мученія ракъ, однимъ словомъ всѣ тѣлесныя страданія испытываетъ душа; она страдаетъ, а не гніющее во времени, начиная съ самаго дня рожденія, тѣло. Исходя изъ такого воззрѣнія, никто изъ буддистовъ монголовъ не сочувствуетъ бѣднякамъ. Эти послѣдніе, будучи предоставлены самимъ себѣ вѣдаться со своими несчастіями, кое какъ влачатъ свое жалкое существованіе, покуда, выбившись изъ силъ, не околѣваютъ и не дѣлаются достояніемъ своей собственной собаки, которая не замедлитъ еще у неостывшаго трупа обглодать кости!

Норбоевъ на вопросъ мой—какъ онъ можетъ жить при такихъ варварски нечелопѣческихъ условіяхъ, т. е. въ постоянномъ ожиданіи голодной смерти, очень мѣтко охарактеризовалъ мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ свою жизнь. Вотъ подлинныя его слова: «тарбага оломсор болъ-бол-баин хуни зангар суухан: тоюгор дурен шанат-дудусе дургуй; тарбага алауве бол-бол-тархя ханжяха, унтаха-нойр байха уве,—хептехе суужи, сужи шалана, иси бодохо-холой яжи олхо»? т. е. «если я найду тарбагана,—то сижу дома какъ и богатый человѣкъ, сваривши полонъ котелъ (мяса), наполняю брюхо; если же не убью тарбагана—голова моя повиснетъ, сонъ отъ меня отходитъ, провожу время, лежа на боку, истощаюсь,—истощившись немогу встать—тогда, какъ я найду себѣ пищу»! Тяжелое сознаніе! Видно, что несчастный бѣднякъ всѣми фибрами своей души прочувствовалъ безъотрадное свое положеніе: въ холодѣ, истощенный, безъ сна, томимый муками голода, онъ покорно ждетъ конца своего бреннаго, страдальческаго существованія, апатично встрѣчая медленно идущую, мучительную предсмертную агонію голодной смерти; вѣря, что въ силу рока, таковъ именно конецъ его жизни, а не другой, и долженъ быть, онъ вѣритъ въ истину своей религіи, которая учитъ, что земная жизнь есть неизбѣжное и вмѣстѣ съ тѣмъ томительное страданіе бытія, сцѣпленіе настоящаго съ прошедшимъ, гдѣ и причина страданій, жалкаго бытія; онъ знаетъ, что голодная, кормившая его когда то, собака ожидаетъ только послѣдняго его вздоха, чтобы съ жадностію, у неостывшаго еще трупа, обглодать кожу—оболочку костей, а не мясо. Но эта вѣра въ неизбѣжность рока при жизни заставляла номада мало заботиться о своемъ пропитаніи. Тарбагановъ масса; и, какъ сказалъ мнѣ самъ Норбоевъ, ихъ, при помощи собаки, въ одно утро, заразъ можно наловить до шести—семи штукъ. Слѣдовательно осенью, даже не при усиленномъ уловѣ, можно было бы сдѣлать кой какой запасъ мяса на зиму, а шкуры обмѣнять на что нибудь, положимъ хоть бы чай—чтоли, и тѣмъ самымъ избавиться отъ голодной смерти. Но тутъ религія—нѣтъ не религія, а страсть сытаго и празднаго буддійскаго духовенства, страсть,

противно основамъ религіи, обставлять жизнь человѣка возможно большимъ количествомъ разныхъ правилъ и постановленій, зачастую самыхъ безсмысленныхъ, не стѣсняющихъ разумную свободу воли человѣка, засоривъ ученіе Будды,—страсть эта заключила жизнь послѣдователей философа-раціоналиста въ узкія рамки формализма, никуда негоднаго, но ведущаго къ нравственному усовершенствованію человѣка, но зато къ вѣрной гибели, извращенію самыхъ естественныхъ понятій и требованій и къ нравственной порчѣ, сводя все не на духъ, а букву закона. Нужно же было какому то досужему обезсмыслившему буддисту дѣлать глупѣйшія вычисленія, что за лишеніе жизни, положимъ, такого то животнаго, необходимаго въ данное время для нищи, полагается столько то грѣховъ, за такое то животное больше, за другое меньше и т. д. и, придавъ этимъ измышленіямъ религіозную санкцію, пропагандировать среди довѣрчивыхъ номадовъ, скрывая, что это собственныя измышленія праздной фантазіи сытаго человѣка; напротивъ, съ нахальнымъ безстыдствомъ выдавать за повелѣнія основателя религіи. На вопросъ мой Норбаеву—почему онъ, имѣя возможность, не дѣлаетъ запасовъ мяса на зиму, такъ какъ это легко сдѣлать, покуда не смерзлась земля и тарбаганы не залегли на зимную спячку, буддистъ набожно отвѣтилъ: «какъ я могу это сдѣлать? За убійство тарбагана большой грѣхъ—убить одного тарбагана такое же преступленіе, какъ убить пять овецъ. Я бѣденъ, конецъ мой близокъ, — зачемъ грѣшить и дѣлать запасы? Не истощивъ ихъ, я, быть можетъ, пропаду, зачѣмъ же душу обременять лишними грѣхами! Богатымъ мнѣ не быть; судьба же моя — голодная смерть, если не окоченѣю отъ мороза! Благодаря такому взгляду, голодный буддистъ не жалуется на свою судьбу; напротивъ, испытывая муки голода, даже доволенъ, что не беретъ на себя лишняго грѣха убійствами тарбагана,—грѣха, равняющагося убійству пяти овецъ! А между тѣмъ, какъ мы уже говорили, тарбаганы единственная пища бѣдняка номада! Чаю не на что пріобрѣсть, молока никто не даетъ, хлѣба нѣтъ, мыхыр еще не созрѣлъ — горька твоя судьба, номадъ, въ своей нищетѣ, покорно слѣдующій формальнымъ требованіямъ религіи. У насъ христіанъ, христарадничая, можно существовать и даже наживать капиталъ попрошайствомъ. Буддистъ же лишенъ этой возможности: именемъ Будды онъ ничего не выпроситъ, такъ какъ ученіе Будды не воспитываетъ въ своихъ послѣдователяхъ альтруистическихъ чувствъ; напротивъ, оно учитъ, что жизнь есть неизбѣжное зло и страданіе; въ силу чего, каждый лично къ своему страданію и всѣ по отношенію къ страждущему относятся безразлично апатично, тѣмъ самымъ какъ бы выражая протестъ противъ сознанія своего безпомощнаго жалкаго существованія. Безъ всякаго сожалѣнія и ропота на злой рокъ Норбоевъ разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ когда то богатъ, имѣлъ до двадцати штукъ рогатаго скота, до 15 лошадей и до 50 овецъ; однимъ словомъ», былъ я, кончилъ свои воспоминанія о быломъ номадъ, былъ я: *ехе баин бише, ехе уветей бише—дунгурай сужи байна*, т. е. ни богатъ, ни бѣденъ, но безъ нужды могъ существовать. Но десять лѣтъ тому назадъ случилась эпизоотія на скотъ, называемая монголами *хорхиро* болѣзнь скота, симптомы которой — опухоль стегонъ и шеи. Эпидемія эта унесла большую часть имущества скотовода. Чрезъ три года валежъ повторился, такъ что погибли и остатки скота и остался номадъ съ одной юртой. Отъ времени юрта истрепалась и теперь Норбоевъ въ крайней степени нищеты.

Благодаря политико-экономическимъ условіямъ Монголіи, номаду нѣтъ возможности воротить прежняго своего состоянія. Заработковъ нѣтъ; ловлею же тарбагановъ не разживешься. Богачи и вообще состоятельный классъ, при условіяхъ своего хозяйства, мало имѣютъ нужды въ рабочей силѣ, а потому если и эксплоатируютъ эту силу, то не считаютъ нужнымъ изъубыточиваться на заработную плату, а только лишь кормятъ расходующихъ свой трудъ на увеличеніе благосостоянія богача охраненіемъ его табуновъ. При такихъ условіяхъ, за годовой трудъ богачъ жалѣетъ бѣдняку дать даже такую бездѣлицу, какъ напримѣръ овца. Такъ что номадъ, разъ потерявшій свое состояніе,—работай у другихъ хоть всю жизнь, не въ силахъ скопить достаточно

средствъ, на которыя возможно было бы вновь пріобрѣсти скотъ. Никто, даже изъ родныхъ, хотя бы изъ чувства состраданія, не пріютитъ бѣдняка, не даетъ возможности какъ нибудь выйти изъ бѣдственнаго положенія. Всемогущій въ этомъ случаѣ двигатель—религія, легшая въ основу общественнаго экономическаго строя, не приходитъ бѣдняку на помощь. Хотя изслѣдователь древнихъ религій Хрисанфъ и пишетъ, что у буддистовъ есть и сильно развито, благодаря ученію о жизни, какъ неизбѣжномъ страданіи и мученіи, чувство *состраданія*; но это состраданіе, несогрѣтое любовью, не воспитанное на понятіяхъ утилитаризма, недѣятельно. Самое высшее проявленіе состраданія буддиста нейдетъ дальше подачки чашки молока и обглоданной кости. Состраданіе это далеко не бываетъ настолько дѣятельнымъ, чтобы, положимъ, хоть накормить бѣдняка досыта, дать ему какой нибудь обносокъ; зимой не допустить, чтобы человѣкъ околѣвалъ какъ собака и позволить ему пожить въ своей юртѣ. Нѣтъ—номадъ собаку свою и теленка предпочитаетъ человѣку и ни за что угла собаки не отведетъ нищему своему брату. По его взгляду, если и терпитъ кто страданія, то такъ, значитъ, должно быть и нельзя идти на-перекоръ воли рока. Хрисанфъ говоритъ, что сознаніе неизбѣжности земныхъ страданій сдѣлало всѣхъ послѣдователей Будды братьями. Быть можетъ; но, повторяемъ, братскій этотъ союзъ не освѣщенъ любовью и далеко не обязываетъ ко взаимной помощи другъ къ другу, и общества къ своимъ членамъ. Совершенно вѣрно дальше замѣчаетъ изслѣдователь буддизма, что «чувство состраданія, по своей основѣ, есть чувство апатіи къ жизни». Не идея высокаго достоинства живыхъ существъ и его собственнаго бытія порождаетъ въ буддистѣ чувство состраданія, а мысль о томъ, что жизнь и безъ того полна страданій и что не зачѣмъ увеличивать ихъ еще собственною, враждебною по отношенію къ другимъ, дѣятельностію. У послѣдователей Будды нѣтъ личнаго чувства, стремленія и интереса къ жизни. Истинно человѣческая жизнь, дѣлающая дѣятельными членовъ общества, ведущая къ усовершенствованію, развивающая силы и дающая возможность дѣятельно примѣнять ихъ—чужда спящимъ духомъ буддистамъ. Жизнь ихъ идетъ въ молчаливомъ терпѣніи бѣдъ и скорбей.... тихо, глухо, безъ разумныхъ обнаруженій... «никому ни до кого нѣтъ дѣла—страдаешь—такова воля рока. Этотъ же рокъ не есть *судьба* древнихъ грековъ и римлянъ, въ смыслѣ неизбѣжнаго необходимаго *закона* природы; это и не наше *провидѣніе*, которое воздается по заслугамъ; это и не предопредѣленіе, исходящее отъ воли верховнаго существа. Это *законъ дѣлъ*, совершенныхъ прежде». Таковъ рокъ по чистому ученію Будды. Но современные толкователи Будды уклонились отъ атеистическаго ученія философа и, не имѣя на то основанія, рокъ, какъ судьбу, приписываютъ волѣ какого то невѣдомаго имъ верховнаго существа. Дѣйствительно, монголы чужды даже попытокъ своею дѣятельностію причинять другому страданія, но за то не входятъ въ положеніе своихъ собратовъ и апатично смотрятъ на ихъ страданія, удовлетворяясь сознаніемъ, что не они, не общественный строй причиной этихъ страданій, а злой не предъотвратимый рокъ, мѣшающій обществу устроиться на разумныхъ началахъ. И бѣдякамъ Норбоевымъ, какъ бы они ни страдали, не вызвать ни у кого активнаго, дѣятельнаго сочувствія. Люди съ достаткомъ отвернулись отъ нихъ, забыли про нихъ, предоставили страдальцевъ самимъ вѣдаться со своей судьбой; мало этого, даже вычеркнули ихъ изъ своего общества, назвавъ ихъ, какъ паріевъ, *тарбагани олосъ «людьми тарбагановъ»* и не имѣютъ съ ними никакихъ дѣлъ, не допускаютъ даже на общественныя собранія. Такъ что этотъ отверженный «тарбагани олосъ» долженъ былъ составить свою общину, которая и имѣетъ свои интересы, сплачивается на зиму и общими усиліями поддерживаетъ свое жалкое существованіе. Но и эта община, связанная единствомъ страданій, безжалостна—и больныхъ своихъ членовъ обрекаетъ на голодную смерть. Тарбагани олосамъ—это простительно, но позоръ для могучихъ членовъ общества.

У Жамсарая Норбоева, какъ и у большинства бѣдняковъ, была жена и четверо дѣтей. Прошлый годъ, когда зимой мучившіе припадки чахотки не позволяли Норбоеву выходить за промысломъ тарбагановъ, а значитъ и прокармливать семью, жена

бросила больнаго Норбоева, взяла съ собою трехъ меньшихъ дѣтей и ушла къ такому же бѣдняку какъ и Норбоевъ, но только къ здоровому; четвертаго же сына, старшаго, оставила караулить больнаго отца. Когда я спросилъ—«жалко ли ему жену и дѣтей»—Норбоевъ отвѣтилъ, что нѣтъ причины жалѣть. Тотъ, къ кому ушла жена, здоровѣе меня и болѣе въ силахъ прокормить дѣтей, покуда они выростутъ и сами будутъ въ силахъ добывать тарбагановъ, *би утурхун хосоржи байсанам*; я же вскорѣ пропаду, закончилъ свой разсказъ бѣдный номадъ. Дѣйствительно, припадки чахоточнаго кашля его сильно мучили, такъ что безъошибочно можно предположить, что въ эту зиму онъ сдѣлается достояніемъ своей голодной собаки, которая теперь, загрызая тарбагановъ, питаетъ своего хозяина. Жутко было смотрѣть на этотъ живой трупъ, обреченный гнилымъ соціальнымъ строемъ на голодную смерть! Норбоевъ далеко не глупъ, разговорчивъ и вполнѣ ясно понимаетъ свое положеніе, хотя и относится къ нему апатично: ни ропота, ни злобы на глупѣйшій соціальный строй общественной жизни мы въ немъ не замѣтили. Бѣдняка этого мы пріютили, накормили и чѣмъ могли подѣлились съ нимъ. Но тутъ неглупый номадъ потерялъ чувство человѣческаго достоинства. Стыжусь за сравненіе, но болѣе вѣрнаго не могу подыскать. Норбоевъ, схвативши данныя ему вещи, точно голодная собака, умчался въ свой русанъ, бормоча себѣ что то подъ носъ! Долго глядѣлъ я вслѣдъ Норбоеву и . . . и какъ то тяжело, подъ давленіемъ не веселыхъ мрачныхъ думъ, пришлось закончить вечеръ.

Задержанная въ своемъ гражданскомъ развитіи, Монголія живетъ при самихъ анормальныхъ соціальныхъ условіяхъ. Общества, какъ сплоченной силы, нѣтъ; нѣтъ и единства интересовъ. Эта обширнѣйшая страна не доразвилась еще до пониманія экономической важности—жизни обществомъ, въ которомъ бы интересы одного лица тѣсно связывались съ интересами общины: индивидуализмъ въ жизни монголовъ вездѣ и во всемъ. Наряду съ этимъ отсутствіе производительности, промысловъ, ремеслъ. Одно только лишь скотоводство, подверженное массѣ случайностей, дѣлаетъ то, что номадъ сегодня богатъ, а завтра—вывалился скотъ, и онъ нищъ до послѣдней минуты своей жизни, потому что у него, благодаря общественному строю, нѣтъ ни средствъ, ни силъ, ни возможности выбиться изъ нищеты. Нѣтъ слова, что такое экономическое и соціальное положеніе страны—плачевно. И Монголія, въ историческомъ своемъ развитіи, остановившаяся на точкѣ замерзанія, не дѣлая на пути прогресса даже куринаго шага, находясь въ самыхъ неблагопріятныхъ въ культурномъ отношеніи политическихъ границахъ, задерживающихъ ея развитіе, долго еще будетъ коснѣть, быть безъ движенія, представляя изъ себя стоячее болото, покуда не получитъ толчка извнѣ, который бы заставилъ проснуться спящія могучія народныя силы. И страшенъ по своей силѣ будетъ тогда этотъ возродившійся Илья Муромецъ. Намъ русскимъ, какъ сравнительно цивилизованному народу, и притомъ на громадномъ пространствѣ сосѣдямъ монголовъ, исторія отвела роль—быть проводниками культуры среди номадовъ; мы обязаны влить жизнь въ это спящее царство; мы должны внести въ темную жизнь монголовъ свѣточь науки. Починъ въ этомъ великомъ дѣлѣ уже сдѣланъ нашими знаменитыми путешественниками, знакомящими кочевниковъ, между прочимъ, съ лучшей стороной русской жизни; разрушая своимъ примѣромъ и разумными словами непоколебимую прежде увѣренность, что-де лучшаго соціальнаго устройства и желать нельзя, а въ этомъ послѣднемъ дѣйствительно были убѣждены номады Монголіи, недавно еще изолированные отъ остальнаго цивилизованнаго міра. Глубоко уважаемый труженикъ науки, путешественникъ Г. Н. Потанинъ, авторитетно говоритъ, что чѣмъ больше русское общество будетъ снаряжать ученыхъ экспедицій на окраины нашего отечества, тѣмъ скорѣе проникнетъ лучъ свѣта и истины въ болотную жизнь некультурныхъ народовъ, тѣмъ скорѣе эти послѣдніе пробудятся отъ умственной спячки, стряхнутъ вѣковую плесень и съ пробудившимся сознаніемъ быстро пойдутъ по пути развитія. Географическое Общество, руководящее экспедиціями, служитъ великую службу человѣчеству. Нашъ Отдѣлъ находится какъ разъ въ центрѣ далеко некультурныхъ народовъ,

терпящихъ бѣдствія, не въ силу своей непригодности, а единственно благодаря гражданскому младенчеству, такъ что нельзя не пожелать этому почтенному учрежденію запастись рабочими силами и средствами, чтобы оно могло чрезъ посредство своихъ членовъ—работниковъ пробудить отъ умственной летаргіи темную массу народцевъ Сибири, изучить ихъ всесторонне и внести и свой вкладъ въ великую, недавно возродившуюся науку, я разумѣю, біологію. Намъ кажется, что пробудившіяся подъ вѣяніемъ культуры силы номадовъ первѣе всего озаботятся объ уничтоженіи причинъ, порождающихъ нищету съ ея гибельными послѣдствіями, позорящими человѣчество!

ГЛАВА XI.

КЪ БЕРЕГАМЪ Р. ДЕЛГИРЪ-МУРИНЪ.

(16 Іюля).

Ночь была очень тепла; утромъ туманъ и роса. Туманъ къ шести часамъ разсѣялся, но солнце не показывалось изъ-за нависшихъ отовсюду облаковъ.

Снявшись съ мѣста, мы поѣхали мимо русана Жамсарай Норбоева. Противъ мѣста расположенія этого русана съ сѣверо-востока вышло устье распадка *Уланъ-хонхо* (красный колокольчикъ), подъемомъ по Уланъ-хонхо дорога ведетъ въ кочевья *Нурунгайхъ*. Въ ста саженяхъ отъ Уланъ-хонхо, съ лѣва же отъ дороги, устье другаго распадка Наринъ-зуръ (тоненькій олень); бока распадка покрыты лиственничнымъ лѣсомъ. Переваломъ чрезъ верховье Норинъ-зуръ есть прямая дорога къ берегамъ р. Селенги. Вотъ маршрутъ этой дороги. Послѣ подъема на вершину Норинъ-Зуръ спускъ въ долину Бумбуту, Норинъ-сарамъ, Улясутай, Хара-усу, Орокто, Сынгилъ-бурикъ, Намчилтей, а затѣмъ къ берегамъ Селенги. На этомъ пути большихъ горныхъ перевалъ нѣтъ, все долины рѣчныя, небѣдныя кормомъ и лѣсомъ. Этой дорогой мы не поѣхали потому, что желали познакомиться съ берегами р. Делгиръ-мурина,—этимъ началомъ р. Селенги.

Миновавъ устье Норинъ-зуръ, мы проѣхали еще мимо двухъ устьевъ распадковъ, вышедшихъ: *Санжитъ-хандагай* съ сѣвера и Нурунтей съ запада. Мы продолжали подъемъ вверхъ по Уланъ-хансагай булукъ. У самаго конца подъема, въ право отъ дороги, есть тропинка верховая, ведущая въ кочевья равнины Жинжитъ. Начиная отъ сворота въ Жинжитъ, распадокъ Уланъ-хансагай-булукъ обращается въ горное ущелье съ гранитными выступами боковъ его. Дальнѣйшая дорога къ Делгиръ-мурину и идетъ по этому ущелью. Нужно замѣтить, что распадокъ сразу переходитъ въ ущелье—съ юго-востока вышелъ тупой, кончающійся отвѣсно горный мысъ и прижалъ распадокъ къ западному его берегу, отчего и образовалось ущелье. Сравнительно съ распадкомъ, подъемъ по ущелью нѣсколько круче, но все-таки пологъ и удобенъ для прохода. Ущелье тянется зигзагами, каменисто, заросло травой, но нигдѣ не видно деревца.

У начала ущелья, съ права отъ дороги, есть устье ущелья же, по которому есть дорога переваломъ въ Ара-Хундой, а на лѣво, нѣсколько по-дальше, устье ущелья же Хапсыйнъ-бильчиръ. Сѣверный склонъ Хапсыйнъ-бильчира покрытъ лиственничнымъ лѣсомъ, дороги же вверхъ по ущелью нѣтъ.

Послѣ незначительнаго, по времени, перехода ущельемъ, бока послѣдняго раздвигаются и изъ ущелья образуется широкій горный перевалъ; русло же безводнаго и каменистаго ручья Уланъ-хапсагай-булукъ замѣняется поросшимъ травой и кой-гдѣ кустами тальника логомъ. Кустарники тальника свидѣтельствуютъ о томъ, что подъ землей, на незначительной глубинѣ, должна быть вода. Вершина подъема представляетъ изъ себя довольно широкую горную площадь. Площадь эту съ запада на востокъ прорѣзываетъ дорога, идущая съ Джазасакскаго Хашуна въ Богдо-курень. Въ распадкѣ и ущельѣ было совершенно тихо, но когда мы поднялись на горную площадь, подулъ съ запада небольшой вѣтерокъ. Покуда мы въ ожиданіи «передышки» лошадей сидѣли и покуривали трубки, къ намъ подъѣхало четверо ламъ. Ламы присоѣдинились къ намъ. Послѣ обычныхъ монгольскихъ привѣтствій, разспросовъ и обоюдныхъ угощеній трубками и нюхательнымъ табакомъ, мы, разговорившись, узнали отъ ламъ, что они ѣдутъ на Хурулъ (общественное богослуженіе) и освященіе новаго Обо, поставленнаго въ

честь «*Лу*». Замѣчательно, что послѣ засухи, какая была въ прошломъ году отъ границъ Монголіи и до Митуйскаго хашуна, всѣ монголы принялись особенно усердно ставить обо въ честь *Лу*; намъ же то и дѣло приходилось выслушивать разныя предположенія—почему Лу въ прошломъ году не былъ милостивъ къ монголамъ и послалъ засуху, и будетъ ли онъ милостивъ въ этомъ году? Разговаривавшіе съ нами ламы, между другими причинами не милости Лу, указали и на то, что «собаки дархатцы» допустили русскихъ жить въ ихъ кочевьяхъ, бранили также и урянхайцевъ, которые будто-бы для того, чтобы имѣть возможность выслѣживать звѣрей, злоупотребляли чудодѣйственной силой *Задà* и чрезъ посредство ея вызывали въ теченіе всей весны снѣгъ.

Разставшись съ монголами, мы подъѣхали къ спуску. Нужно замѣтить, что вершина Уланъ-хансагай-булука теряетъ это свое названіе и южный склонъ ея именуется уже, какъ и ручей текущій по нему, *Саганъ-булукомъ*. У начала спуска по Саганъ-булуку, на сѣверо-востокъ отъ нашей дороги, идетъ другой спускъ въ долину *Немыръ-буса*, (Немыръ—загородь, Буса,—отъ глаг. бусаху—отправился), въ которой есть рѣчные ключи и лѣтнія кочевья монголовъ.

Какъ подъемъ на вершину Уланъ-хансага-булукъ послѣ прохода ущельемъ кончился широкимъ горнымъ переваломъ, такъ и спускъ по Саганъ-булуку, послѣ перехода по широкому горному склону, перешелъ въ ущелье же. Прежде чѣмъ войдти въ ущелье, мы на югѣ увидѣли правильную гряду горъ, идущую съ запада на востокъ. Гряда этихъ горъ, какъ мы впослѣдствіи узнали, тянется вдоль праваго берега р. Делгиръ-муринъ и называется Эрчикъ (Ирчикъ). Г. Н. Потанинъ этотъ хребетъ назвалъ «Эрчимынъ-цуру» (259 стр.).

Проходъ ущельемъ каменистъ, извилистъ и обнаженъ отъ древесной растительности; дорожная тропинка залегаетъ по правой его сторонѣ и минуетъ устье ущелья-же *Шатаръ-моренъ*, въ верховьяхъ котораго есть зимнія кочевья монголовъ. Ущелье Шатаръ-моренъ идетъ съ запада; противъ устья его вышло съ востока другое ущелье—*Занай*. Вслѣдствіе соединенія устьевъ этихъ двухъ ущелій, площадь Саганъ-булука обращается въ довольно широкій циркъ, на горныхъ площадкахъ котораго расположено пять зимнихъ хашановъ. Позволяю себѣ привести выдержку изъ труда Г. Н. Потанина, въ которой онъ точно описалъ подмѣченный имъ характеръ расположенія зимнихъ кочевьевъ и выборъ мѣстъ для нихъ.

«Въ выборѣ мѣста подъ зимовки, пишетъ ученый, у монголовъ есть одна общая черта, которая бросается въ глаза: если не всѣ, то большая часть монгольскихъ зимовокъ располагаются на треугольныхъ площадкахъ, лежащихъ при южной подошвѣ скалистыхъ горъ; такія площадки острымъ угломъ вдаются въ каменную гряду, а съ боковъ обставлены скалами какъ дворъ, основаніе трехъугольной площадки обращено на югъ, въ долину, и съ этой стороны она открыта. Площадка имѣетъ не рѣдко очень сильную покатость отъ горы въ открытую сторону, потому что она есть ни что иное, какъ клинообразный участокъ болѣе или менѣе покатой бэли (257 ст.).

Къ этому строго точному и вѣрному описанію расположенія зимнихъ кочевьевъ, мы добавимъ отъ себя, что расположеніе лѣтнихъ, какъ и зимнихъ юртъ, помимо разсчетовъ на природную защиту отъ бурь и зимнихъ вьюгъ, согласуется еще и съ требованіемъ религіознаго обычая, по которому входъ на площадку, избранную для постановки юрты и хашана, непремѣнно долженъ быть съ юга; почему монголъ обязательно и ставитъ юрту дверьми въ эту сторону. Если же площадка не будетъ открыта къ югу, то номадъ, какъ бы ни было удобно мѣсто для зимней стоянки, ни за что не поставитъ на ней своей юрты. Обычай этотъ основанъ на слѣдующемъ повѣрьи. Съ юга долженъ прійдти ожидаемый буддистами Мессія—Майдери и горе тому будетъ, кто прозѣваетъ его приходъ; а это, какъ вѣритъ номадъ, можетъ случится, если двери юрты не будутъ направлены на югъ, или же видъ изъ юрты будетъ упираться непосредственно въ горный склонъ. Иногда, впрочемъ, особенно въ Дархатахъ, площадкамъ подошвы горы, въ бурливую зиму, предпочитаютъ открытые возвышенные склоны горъ. Это потому, какъ объясняютъ номады, что въ открытомъ мѣстѣ, за-

2287/(15,56)

пищенномъ только, со стороны восточнаго склона горы, болѣе правильно дуетъ вѣтеръ, чѣмъ въ горныхъ распадкахъ и ущельяхъ, гдѣ онъ порывистъ и часто обращается въ вихрь. Восточный же склонъ горъ избирается для ставки юртъ потому, что въ описываемой нами части Монголіи господствующій вѣтеръ дуетъ западный, слѣдовательно хребты западныхъ горъ нѣсколько ослабляютъ его силу.

Миновавъ циркъ, вскорѣ пересѣкли устье распадка *Серкенъ-хара* (Серкенъ—кастрированный козелъ, хара-черный). Распадокъ Серкенъ-хара вышелъ съ запада. Отъ устья его, далѣе, ущелье, по которому мы ѣхали, обращается постепенно въ горный распадокъ. Русло р. Саганъ-булукъ идетъ рытвинами и большими выбоинами между крутыхъ, обрывистыхъ береговъ. Распадокъ также пологъ, какъ и ущелье, и покрытъ высокой густой травой, между зеленью которой цвѣтущихъ злаковъ не замѣтно. У въѣзда въ распадокъ соединяются съ нимъ два устья горныхъ же распадковъ, идущихъ съ сѣвера, параллельно съ Саганъ-булукомъ. Распадки эти называются однимъ общимъ именемъ «*Нарангай*». Они широки, не каменисты, безъ руселъ и ложбины ихъ покрыты богатымъ подножнымъ кормомъ. Чрезъ полчаса ѣзды отъ *Нарангай*, мы оставили распадокъ Саганъ-булукъ вправо и поднялись вверхъ по примкнувшему къ нему руслу ручья *Булукъ*-же. Сдѣлали же это мы потому, что распадокъ Саганъ-булукъ, хотя устьемъ своимъ и входитъ въ долину р. Делгиръ-мурнинъ, но очень извилистъ, что и удлиняетъ дорогу; тогда какъ подъемомъ на вершину Булука, а затѣмъ спускомъ съ него на югъ по *Мартабулукъ* (Мартаху забывать—булукъ ручей), путь, сокращаясь, выходитъ къ тому же устью Саганъ-булука. Подъемъ на Булукъ незначителенъ и оканчивается довольно широкой площадкой, образовавшейся на горномъ выступѣ. На этой площадкѣ стояла (*Маихан*) войлочная палатка бѣдняка номада. Бѣднякъ номадъ, завидѣвъ наше приближеніе, почти бѣгомъ вышелъ къ намъ на встрѣчу съ тремя маленькими дѣтьми и женой и всѣ какъ-бы въ одинъ голосъ закричали: «*Юма идихе-угухтуй*»! т. е. дайте намъ чего нибудь поѣсть. Монголъ былъ одѣтъ въ хорошій, почти новый дегылъ, сшитый изъ далембы,—это заставило меня усумниться въ его бѣдности. Желая поближе ознакомиться съ гуйринъ-чилжи ябаганъ-хуномъ, т. е. съ живущимъ милостынею человѣкомъ, какъ рекомендовалъ себя монголъ, я подъѣхалъ къ его палаткѣ и слѣзъ съ коня. Смѣло—плутоватое выраженіе лица монгола—мнѣ не понравилось; видомъ своимъ номадъ произвелъ отталкивающее впечатлѣніе; и не знаю самъ почему, я не могъ прямо, открыто смотрѣть ему въ глаза, точно виновный избѣгалъ его взгляда. Номадъ молодъ, здоровый, рослый, полный силъ мужчина. Жена же его—забитое, подавленное, безлично-апатичное существо, волосы растрепаны (что рѣдкость между монголками), клочьями торчатъ въ безпорядкѣ; одѣта она въ какія то невозможныя лохмотья, босая, съ израненными ногами; лице, руки и, какъ видно изъ подъ лохмотьевъ, тѣло покрыто язвами и толстымъ слоемъ грязи. Ребятишки—мальчикъ старшій и двѣ дѣвочки меньшихъ, совершенно голые; тѣло ихъ черное съ отливомъ желтизны,—язвъ не замѣтно. Мальчикъ просто красавцемъ выглядитъ; особенно хороши у него голубые (что рѣдкость) бойкіе, умненькіе глаза; дѣвочка же не красива и съ глупымъ личикомъ. Въ палаткѣ валялось тряпье, обрывки кожъ, гунжулъ (одѣяло), котелокъ и больше ничего. Изъ разговоровъ съ монголомъ я узналъ, что обѣднѣлъ онъ недавно. Чойжи (имя монгола) былъ сагданомъ въ Билтысскомъ харулѣ; жилъ безбѣдно; имѣлъ болѣе, чѣмъ достаточно, лошадей, скота, овецъ. Но эпизоотіи, а затѣмъ прошлогодняя лѣтняя засуха, лютая зима и весенняя голодовка уничтожила «*въ досталь*» богатство номада. Замѣститель нашелся; Хашунъ не помогъ обнищавшему Сагдану... И пришлось бѣдному Чойжи продать остатки своего имущества—сѣдло, домашнюю утварь, бурхановъ; перешить юрту на палатку, завьючить себя и жену остальнымъ нищенскимъ скарбомъ «и—*гуйринъ чилжи ябажи ябаха*», т. е. прося милостыню, плестись съ маленькими дѣтьми въ свой хашунъ. Жилья по дорогѣ нѣтъ, да хоть бы и было, то рѣдко кто сжалится—даже надъ плачемъ малютокъ и подастъ имъ чашку молока, нужно значитъ питаться благодѣтелями Монголіи, тарбаганами. Былъ когда то человѣкъ, жилъ безбѣдно, имѣлъ скотъ, даже былъ богатъ—одинъ

голодный годъ и пропало все, мало этого—«проклятый Лу» заставитъ медленно погибнуть самого человѣка и его семью, вычеркнетъ изъ общества правоспособныхъ людей, сдѣлаетъ номада, прежде уважаемаго, презрѣннымъ человѣкомъ и припишетъ его къ обществу монгольскихъ паріевъ—*Тарбагани олосонъ*. Да, варварски тяжелы соціальныя условія окаменѣло-неподвижной Монголіи, сведшей всѣ свои интересы на исполненіе *отуманивающихъ умъ глупыхъ религіозныхъ обрядовъ!* На вопросъ мой, что номадъ думаетъ дѣлать въ будущемъ?

«Пойду въ Богдо курень, отвѣтилъ Чойжи, Богу молиться».

«Напрасно—молитва не воротитъ павшаго скота. Богу нѣтъ до тебя дѣла».

«Ю хехепъ? Манай има занъ, мани ябадалъ бурханъ мединъ байна», т. е. Чтожъ дѣлать? Таковъ нашъ обычай. Будущую же жизнь мою знаетъ Богъ. Было глупымъ по надеждѣ, но цинично правдивымъ отвѣтомъ номада. Въ самомъ дѣлѣ, что предпринять нищему номаду, куда примѣнить свои силы? Быть барлукомъ богачей—это значитъ быть всегда, кромѣ того что нищимъ, но еще и рабомъ, къ тому же постоянно подставлять спину подъ удары. А взяться рѣшительно не за что. Жизнь номадовъ такъ ограничена въ своихъ потребностяхъ, что не съумѣла еще создать никакихъ занятій, примѣняя къ которымъ свои силы, можно было бы обезпечивать себя хотя бы дневнымъ пропитаніемъ. На Чайжи нищета не положила еще своей мерзкой печати,—онъ еще не пригнетенъ ею; разговаривая съ нами, онъ не говоритъ «любилъ, имѣлъ привычку», а все еще говоритъ «люблю, положимъ, табакъ курить, привыкъ пить кумысъ, чай съ молокомъ и проч.». Видимо, нищета, вступивъ въ свои права, дастъ еще передышку номаду—и голоду онъ еще не испыталъ—тарбаганы избавляютъ отъ мукъ его. Но что будетъ зимой—чѣмъ номадъ прикроетъ голое тѣло своихъ ребятишекъ, чѣмъ прокормитъ семью?... Но номадка, жена Чойжи, обращенная имъ въ животное, уже несетъ на себѣ всѣ мучительныя тяготы нищеты и подъ тяжелымъ гнетомъ ея у ней уже изгладилось все человѣческое... Она уже забыла то блаженное время, когда имѣла возможность доить коровъ и пить молоко, забыла то время, когда и она имѣла свой голосъ—да и неизвѣстно, думаетъ ли она и ждетъ ли чего въ будущемъ.

Подѣлившись съ обнищавшимъ семействомъ чѣмъ только лишь можно было, мы отправились дальше. Едва лишь поднялись на косогоръ, спускъ съ котораго ведетъ къ устью Марта-булукъ, какъ я чуть не сдѣлался жертвой своей неосторожности. Конь чего то испугался, бросился въ сторону и понесъ меня. Поводъ былъ опущенъ и ноги не вложены въ стремя. Не успѣвъ схватить повода, я слетѣлъ съ коня; но къ счастію не искалѣчился, ушибъ только голову, правую ногу и руку, да такъ сильно, что немогъ встать. Сначала думалъ, что рука и нога вывихнуты, но опасенія оказались напрасными. Только лишь ступня ноги сильно опухла, да немного повредилъ палецъ руки. Сбросившій меня конь, что есть духу, помчался по гривамъ горы, разбросалъ вещи, бывшія подъ сѣдломъ, разбилъ сѣдло и мы едва—едва могли его поймать. Въ погонѣ за конемъ прошло болѣе получаса. Оправившись отъ испуга, съ сильной головной болью и опухшей ногой, я кое какъ могъ сѣсть въ сѣдло, чтобы продолжать путь. Спускъ по Марта-булуку не крутой, мягкій, не каменистый; у подножья его стоитъ урто. Отъ этой станціи идутъ дороги: a) въ Богдо курень и b) въ городъ Улясутай. Такъ какъ вокругъ станціи кормъ былъ вытравленъ, то мы близъ нее и не остановились, а проѣхали немножко дальше на юго-востокъ, гдѣ, по словамъ хозяина урто, былъ колодецъ и хорошій кормъ. Распадокъ Марта-булукъ устьемъ своимъ соединившись съ аманомъ (аманъ-ротъ, устье) распадка Хара-гуджиръ (черный солонецъ), входитъ въ долину р. Саганъ-булукъ, отчего и образуется довольно широкая равнина. Съ запада къ ней примыкаетъ еще устье распадка *Бумбу*.

Колодецъ, къ которому мы подъѣхали, настоящій, не какъ у Елатей, даже со срубомъ. Вся глубина Худука, отъ дна до поверхности сруба, до полуторыхъ саженей. Близь колодца стоитъ корыто (унгасу—это же слово употребляется и для обозначенія лодки), предназначенное для водопоя скота. Вода въ колодцѣ близко; такъ что, наклонившись, можно почерпнуть ее. Вокругъ корыта толпился скотъ.

Мѣстность совершенно безлѣсна. Дровъ негдѣ взять, и намъ пришлось бы ѣсть одни сухари, если бы мы не захватили съ собой съ мѣста ночевки дровъ. Разжечь же аргала нельзя было: онъ послѣ дождя еще достаточно не просохъ. Близь нашей стоянки мы замѣтили разставленныя кучи, оставшіяся послѣ принесенія жертвы «Лу». Возлѣ одной изъ нихъ я нашелъ четыре камешка, исчерченные какими то знаками, и взялъ ихъ съ собой. Теперь камешки эти доставлены мною въ иркутскій музей.

Хотя я и испытывалъ сильную боль отъ ушиба ноги и руки, но желаніе поскорѣй добраться до береговъ Делгиръ-мурина заставило меня поторопиться выѣздомъ, и мы, послѣ трехъ часовой остановки, осѣдлали лошадей и отправились дальше въ путь.

Дорога къ Делгиръ-мурину шла покатой равниной, поросшей роскошной густой травой и цвѣтущими злаками. Въ равнинѣ этой я собралъ до пяти разновидностей флоры, невстрѣчаемой мною ни въ долинѣ р. Оки, ни въ прибрежьяхъ р. Иркута, равно и въ пройденныхъ мѣстахъ во время настоящей экспедиціи.

Дорога наша вскорѣ прошла мимо *Амани-олонъ-бильчиръ* (Аманъ-ротъ, въ тоже время значитъ и устье рѣки, распадка, ущелья, олонъ—много, бильчиръ—развѣтленіе рѣки), вышедшихъ съ запада. Соотвѣтствуя названію, дѣйствительно склонъ горы, изъ котораго вышли Амани-олонъ-бильчиръ, весь изрѣзанъ распадками. Рядомъ съ Амани-олонъ-бильчиръ, съ запада же, вышло другое устье; *Худукъ-хундой* (колодецъ степной), по склонамъ котораго видны три зимнихъ хашана. За Худукъ-хундой, съ обѣихъ сторонъ равнины, другъ противъ друга вышли аманы: a) съ запада *Замъ-жалга* (дорога падью) и b) съ востока тоже *Замъ-жалга*. По Замъ-жалга, съ запада на сѣверо-востокъ, идетъ дорога съ Мигунскаго хашуна въ Богдо-курень и проходитъ черезъ слѣдующія урочища: Замъ-жалга, Усутей, устье р. Буксоя, берега Селенги и Урга.

Миновавъ Замъ-жалга, мы начали приближаться къ входу въ долину р. Делгиръ-мурина, называемую *Мурино-хажу* (Муринго-Мурина, Хажу—сторона, отсюда—сторона Мурина). Передъ входомъ въ Муринго-хажу равнина Саганъ-булукъ дѣлается значительно шире своихъ верховьевъ; но самый входъ сжимается скалистыми оконечностями горъ, идущихъ поперегъ равнины съ востока на западъ. Оконечности этихъ горъ образуютъ какъ бы входныя ворота въ Муринго-хажу. Близь воротъ, по сю ихъ сторону, мы замѣтили остатки китайскихъ городищъ, расположенныя у устья безводной рѣки *Уиртей* (прибывающая). Русло этой рѣки вышло съ сѣверо-востока и вершина ея называется *Богошинъ-даба*. Осмотрѣвъ городища, мы проѣхали ворота, вошли въ Муринго-хажу, пересѣкли ее, перебрели на правый берегъ р. Делгиръ-мурина и близь фанзы китайцевъ, по берегу рѣки, разбили свою палатку.

Сегодня, не считая остановокъ, мы шли шесть часовъ. День былъ облачный, не жаркій и, не переставая, дулъ западный вѣтеръ, кажется господствующій въ Монголіи.

17 Іюля. Дневка. И такъ мы у цѣли своей экспедиціи—достигли береговъ Дельгиръ-мурина—этого главнаго начала рѣки Селенги. Но прежде, чѣмъ приступить къ ея описанію, воспользуемся днемъ отдыха и сдѣлаемъ общій обзоръ пройденнаго нами пути, начиная отъ Дархатъ.

Отъ Дархатской равнины и до Муринго-хажу, т. е. долины лѣваго берега р. Делгир-мурина дорога, почти безъ исключеній, удобна, мягка и вполнѣ возможна для телѣжной ѣзды. Нѣтъ ни высокихъ подъемовъ, ни топкихъ и вязкихъ болотъ, ни быстрыхъ и глубокихъ рѣкъ, которыя затрудняли бы проѣздъ. Положимъ, неудобства,—но ничуть не затрудненія,—могутъ представлять изъ себя только лишь горные перевалы и проходы ущельями: a) Шобутей; b) Уланъ-хансагай-булукъ; c) Саганъ-булукъ, такъ какъ дорога по нимъ мѣстами идетъ косогоромъ, да изрѣдка дно ихъ усѣяно каменьями. Но косогоры не слишкомъ покаты и по нимъ, даже безъ расчистки мѣста, можно проложить дорогу, удобную для возки тяжестей,—стоитъ только кой-гдѣ убрать камни. Со стороны же бродовъ чрезъ рѣки и перехода чрезъ сухія ихъ русла—нѣтъ препятствій. Болѣе значительныя изъ нихъ—по глубинѣ и широтѣ русла—это только р. Билтысъ, да Делгиръ-муринъ; но въ обыкновенную, недождливую, пору года уровень воды Делгиръ-мурина низокъ: не доходитъ и до колѣнъ лошади; р. Билтысъ же еще болѣе мелокъ. Къ тому

же русла всѣхъ перечисленныхъ нами рѣкъ хотя и каменисты, но вовсе не затруднительны для телѣжной ѣзды, потому что ложе ихъ покрыто не крупными камнями, а, въ большинствѣ, мелкимъ щебнемъ и при томъ онѣ или съ едва пробивающейся водой, или же вовсе сухи. Еще понятно—почему номады Монголіи не пользуются возможностію телѣжныхъ сообщій; но рѣшительно непонятно, почему русскіе торговцы, транспортируя свои товары даже до Улясутая, окраинъ Урги, Муринъ, Буксой-эдиръ и т. д., подражаютъ монголамъ и, вмѣсто телѣгъ, отправляютъ товары вьюками на десяткахъ и болѣе лошадей. Приводить доказательства въ пользу телѣжной транспортировки товаровъ намъ нѣтъ нужды; удобства телѣги давно уже сознаны даже и такимъ заскорузлымъ народомъ, какъ обитатели Тункинскаго края. Поэтому мы скажемъ только то, что вьючиванье и развьючиваніе лошадей, омерзѣвшее мнѣ, занимаетъ очень много времени, мало этого—тотъ-же конь, подымающій вьюкъ только въ четыре—пять пудовъ, запряженный въ телѣгу, свободно везетъ двадцать и болѣе пудовъ; слѣдовательно, одинъ замѣнитъ четырехъ лошадей. Повторяемъ, что торгаши хорошо понимаютъ удобства и возможность телѣжной ѣзды до Делгиръ-мурина и дальше, сознаютъ ея преимущества, но на вопросъ—«почему не пользуются ими»—безсмысленно отвѣчаютъ *«такъ ужь у насъ повелось»*. Итакъ, колесный путь возможенъ. Обратимъ вниманіе и на другую сторону дѣла. Какъ знаетъ читатель изъ нашего описанія, кормъ для лошадей вездѣ есть; могутъ только встрѣтиться неудобства касательно воды, такъ какъ эта часть пройденнаго нами пространства отличается маловодіемъ, большинство же рѣкъ имѣютъ и вовсе сухія русла. На ряду съ этимъ есть мѣстности безлѣсныя, что затрудняетъ добычу дровъ. Но все это, при знаніи мѣстности и ея условій, легко устраняется. Стоитъ только сдѣлать правильный разсчетъ переходовъ, приноровить мѣста остановокъ къ урочищамъ, по своимъ условіямъ соотвѣтствующимъ потребностямъ путника, и всегда можно, не изнуряя ни себя, ни лошадей, останавливаться,—либо у ключа, либо близъ колодца. Захватить же съ собой немного дровъ—не богъ вѣсть какой трудъ и тяжесть. Да и то нужно помнить, что собственно говоря, одинъ только и есть трудный переходъ—безъ воды и дровъ. Это отъ р. Билтыса до береговъ р. Мусу-туруна, какое пространство нами и пройдено въ теченіе шести часовъ—что будетъ приблизительно около 25—30 верстъ. Положимъ, это же пространство по данной мѣстности скотогоны съ трудомъ проходятъ; и, въ лѣтніе жары измучиваютъ скотъ. Но это совершенно ихъ вина; такъ какъ есть полная возможность избѣжать неудобства, отсутствія воды. Читатель, конечно, помнимъ, что въ Елетахъ мы разрыли русло р. Елатей и нашли воду на разстояніи аршина глубины отъ поверхности земли. Почему-бы скотогонамъ, толпами шляющимся по Монголіи, не сдѣлать артезіанскій колодецъ и тѣмъ обезпечить себя постояннымъ водопоемъ на случай прогона скота, тѣмъ болѣе, что дорога между р. Делгиръ-муриномъ, Дархатами и Тункинскимъ краемъ имѣетъ транзитный характеръ и изъ году въ годъ пріобрѣтаетъ все больше и больше значеніе: по ней и теперь уже тянутся многочисленные караваны русскихъ торговцевъ.

Что-же касается лѣса, то недостатокъ его чувствуется только лишь въ трехъ мѣстахъ: a) въ долинѣ р. Билтыса; b) Мусу-туруна; c) отъ Мусу-туруна до Шобутей; d) въ Саганъ-булукъ. Это также небольшое лишеніе. Дрова съ такимъ же удобствомъ можно замѣнить аргаломъ. На случай же ненастья, дождей,—думается,—не составитъ большаго труда и особенной тяжести запастись дровами въ вершинахъ Томи, Уланъ-хапсагай-булука и Шобутей, что мы и дѣлали. Разстояніе отъ Дархатскаго куреня до береговъ Делгиръ-мурина, т. е. до пункта нашей остановки, не особенно велико. Прошли мы его тихой ѣздой, шагомъ, не считая остановокъ, до Билтыса въ теченіе двадцати пяти слишкомъ часовъ; отъ Билтыса до р. Делгиръ-муринъ въ двадцать два часа; всего значитъ сорокъ семь—восемь часовъ. Переводя это время на версты, разстояніе это будетъ равняться слишкомъ двумъ стамъ верстамъ. Пространство это торгаши проходятъ съ вьюками въ шесть семь сутокъ. Ѣзда же телѣгами еще была-бы скорѣе, такъ какъ на упряжку лошадей меньше бы затратилось времени, чѣмъ на вьючку и развьючиваніе ихъ и экономія эта ускорила бы передвиженіе.

Остается намъ теперь сказать нѣсколько словъ объ остаткахъ китайскихъ городищъ.

Городища эти (Кергесе-чило), не считая караула Мойгу, первый разъ встрѣтились намъ въ долинѣ р. Билтысъ, потомъ въ Шобутей, Ара-шолутей и у устья р. *Упртей*. Всѣ эти кергесе-чило расположены по одну какую нибудь сторону берега рѣки и окраина ихъ, примыкающая къ сѣверу, оканчивается тремя кучами, расположенными подъ острымъ угломъ причемъ основаніе трехъугольника всегда обращено къ сѣверу. Кучи эти, вѣроятно, были сторожевыми форпостами. Кучи кергесо-чило круглы и обнесены круглой же оградой. Въ центрѣ городищъ, равно какъ и на правой сторонѣ треугольника, всегда выдѣляется своей величиной и громадностію ограднаго круга одна изъ кучь; точно также сравнительно большія кучи расположены и на южной окраинѣ площади городищъ. Измѣренныя мною въ долинѣ рѣки Билтыса двѣ большія кучи имѣли въ окружности: a) ограда—девяносто три сажени; b) куча—тридцать восемь саженей, при саженной вышинѣ. Городища эти тянутся вдоль всего праваго берега р. Билтыса, начиная отъ линія харула до впаденія рѣки въ р. Делгир-муринъ; затѣмъ переходятъ на лѣвый берегъ р. Делгиръ-мурина и дальше, на востокъ, идутъ по обѣимъ его берегамъ и близь Мигунскаго куреня сходятся съ городищами, идущими съ сѣвера на югъ. Быть можетъ, что исторически и вѣрна замѣтка Гр. Н. Потанина, сдѣланная имъ по поводу одной изъ кучъ кергесе-чило, расположенной на берегу р. Цзакъ-цзу (притокъ Делгиръ-мурина). «Здѣсь находятся слѣды, пишетъ ученый, четыреугольнаго городища; замѣтны валъ и ровъ. Не тотъ ли этотъ городъ, который упоминается у монгольскихъ лѣтописцевъ подъ именемъ Эрчигынъ-лантинъ-балгасунъ (Рит. пер. Семен. землевѣдѣніе Т. II ст. 209); горный кряжъ, который непрерывной стѣной тянется по правому берегу Тельгира (Делгиръ-муринъ), монголы называютъ Эрчимынъ-нуру. Это имя напоминаетъ названіе города» (258 ст.). Но дѣло въ томъ, что кромѣ береговъ р. Цзакъ-цзу, вверхъ и внизъ по теченію Делгир-мурина, тянутся остатки китайскихъ городищъ, соединяются съ вышедшими съ сѣвера и образуютъ какъ-бы острый треугольникъ. Вопросъ—въ какой части этого треугольника былъ расположенъ городъ Эрчигынъ-лантинъ-балгасунъ—трудно рѣшить. Углы же у поминаемаго нами треугольника составляютъ: a) устье р. Билтыса, b) устье Саганъ-булука, c) и устье Елатей. Отъ устья р. Билтысъ до устья Саганъ-булука, что вдоль хребта Эрчи-нуръ (Эрчимынъ-нуру по Потанину) часто встрѣчаются слѣды остатковъ городищъ съ четыреугольной оградой, тогда какъ напротивъ, отъ устья Елатей и до устья Саганъ-булука, городища обнесены исключительно круглой оградой. На основаніи всего этого можно съ увѣренностію говорить, что городъ Эрчигынъ-лантинъ-балгасунъ дѣйствительно находился между устьемъ р. Билтыса и р. Саганъ-булукъ, но искать его на берегу р. Цза-цзу нельзя;—рѣка эта не входитъ въ составъ трехъугольника. Но о китайскихъ городищахъ мы еще будемъ говорить.

ГЛАВА XII.

ОБЗОРЪ МѢСТНОСТИ БЕРЕГОВЪ Р. ДЕЛГИРЪ-МУРИНЪ. МИГУНСКІЙ ХАШУНЪ.

Мѣсто нашей остановки, долина р. Делгиръ-Мурина—муринскаго хажу, какъ ее называютъ, гораздо значительнѣе Эрхилъ-нури-хундой. Залегла она по обоимъ берегамъ рѣки съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Долина Муринго-хажу имѣетъ до пятнадцати верстъ въ длину, ширина же ее до шести и болѣе верстъ. Она кажется закрытою со всѣхъ сторонъ горами, съ сѣвера бездѣснымъ горнымъ кряжемъ, а съ юга грядою горъ хребта Эрчи-нуру, вершины котораго покрыты лиственичнымъ лѣсомъ и тянутся правильной грядой вдоль праваго берега р. Делгиръ-муринъ. Долину, кромѣ р. Делгиръ-мурина, орошаютъ еще слѣдующія рѣки: слѣва a) Хара-усу, b) Упртей, c) Саган-булукъ; съ права: a) Хара-усу, b) Саган-бургасанъ, c) Жикжи, d) Сужи, e) Нурсутей. Почва Муринга-хажу мѣстами суглинокъ, мѣстами же розсыпи мелкой дресвы, есть и солонцы. Вездѣ, кромѣ солонечныхъ мѣстъ и розсыпей гальки, растетъ хорошая трава: волосецъ, пырей и такинь, но флорой долина не богата. По всей

долинѣ разбросаны одиноко-стоящія лѣтнія юрты монголовъ; на восточномъ же концѣ ея, у устья рѣки Уиртей (вторая послѣ р. того же имени, что у воротъ входа въ долину), расположенъ курень, имѣющій издали видъ степной деревушки. Курень почти такой же, какъ и въ Дархатской равнинѣ; съ такими же деревянными постройками ламскихъ жилищъ вокругъ главнаго храма (суме). Не вдалекѣ отъ куреня стоитъ Богдо-жасанъ (царская изба), присутственное мѣсто Мигунскаго хашуна. Близь Богдо-жасана ставка князя—управляющаго хашуновъ, и тутъ же три фанзы китайцевъ; при нихъ лавки, загородь для огородныхъ овощей и тепловой скотный дворъ. Муринго-хажу кажется культурнымъ мѣстечкомъ. Вся она нарѣзана перекрещивающимися другъ съ другомъ въ разныхъ направленіяхъ каменными дорогами, чего мы нигдѣ не встрѣчали, начиная отъ самого Туранскаго караула. Фанзы китайцевъ, ихъ огороды, дома ламъ, роскошная ставка князя... все это говоритъ о томъ, что жизнь идетъ здѣсь другимъ порядкомъ, чѣмъ въ какихъ нибудь ущельяхъ Наинъ-модона, Шобутей и проч. По пастбищамъ Мигунскаго-хажу бродитъ масса лошадей, овецъ, козъ, но рогатаго скота мало. Года три тому назадъ и на берегахъ Делгиръ-мурина была эпидемія и унесла съ собой до двухъ третей изъ стадъ рогатаго скота, а малый (скотъ) не успѣлъ еще расплодится; къ тому же каждый годъ не мало выгоняютъ его и наши торговцы. Но все-таки кочевники Муринго-хажу сравнительно не бѣдный народъ и русановъ,—этихъ колоній нищеты,—нигдѣ не примѣтно.

Рѣка Делгиръ-муринъ, раздѣляя долину на двѣ не равныя части, служитъ границей между Мигунскимъ и До-гунскимъ хашуномъ. Причемъ болѣе широкая часть долины, что на лѣвомъ берегу рѣки принадлежитъ *Мигунскому хашуну*, а узкая полоса праваго берега *До-гунскому*, кочевья котораго и жмутся къ подошвѣ горнаго хребта Эрчи-нуру, такъ какъ площадь берега болотиста.

Хребетъ Эрчи-нуръ идетъ правильной грядой съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Очертанія его изголовьевъ мягки, округлены, со множествомъ рытвинъ; склоны его, равно какъ и вершина, покрыты лиственичнымъ лѣсомъ; виднѣется кое-гдѣ въ перемежку съ листвякомъ и кедровникъ. Въ лѣсахъ Эрчи-нуру водятся, по разсказамъ монголовъ, медвѣди (хара гургосунъ, баа-багай), кабаны (гахай, одонъ), косули (гурёсо), бѣлка (керме), отчасти и изюбри (буго). Въ сѣверномъ склонѣ Эрчи-нуру есть много пещеръ и гротовъ. Про одну изъ такихъ пещеръ есть легенда, что будто бы знаменитый революціонеръ Шадаръ-Ванъ укупорилъ въ ящики свое богатство, эмигрируя въ Россію, спрятавъ эти ящики съ сокровищами въ пещеру. Пещера же эта находится въ скалѣ, подошву которой омываетъ Делгиръ-муринъ, такъ что со стороны рѣки, благодаря отвѣсности стѣнъ скалы, въ пещеру нельзя взойти, нельзя также попасть въ нее и со стороны верховьевъ скалы. Такое топографическое положеніе пещеры помѣшало будтобы преслѣдователямъ Шадар-Вана забраться въ мѣсто скрытія сокровища и захватить ихъ. Озлобленные же неудачей, они, погнавшись дальше за Шадор-Ваномъ, прокляли пещеру и скрытыя въ ней сокровища. Съ тѣхъ поръ въ пещерѣ, у входа въ нее, постоянно торчитъ какой-то «страшный человѣкъ» и караулитъ сокровища. Такъ что, когда преслѣдователи Шадар-Вана поймали этого патріота, доставили его въ Китай и выпросили у Богдо-Хана, какъ бы въ награду за поимку Шадар-Вана, право воспользоваться всѣми его сокровищами, то караулящій эти сокровища «страшный человѣкъ» не допустилъ ихъ войдти въ пещеру; мало этого, убійцы Шадар-Вана за свою попытку похитить сокровища—ослѣпли. Пріѣзжали же къ пещерѣ эти «китайскія слуги» зимой, когда Дельгиръ-муринъ былъ уже покрытъ льдомъ. Добравшись до мѣста пещеры по льду, убійцы Шадар-Вана, жаждавшіе его богатства,—чтобы взойти въ пещеру, вырубили въ скалѣ ступеньки. Слѣды этой каменной лѣстницы существуютъ, какъ говоритъ легенда, будто бы и теперь. Монголы разсказываютъ, что будто бы со стороны праваго берега р. Делгир-муринъ видно не только отверстіе пещеры, но и бока вызолоченныхъ сіяющихъ ящиковъ (абдари) и любоваться видомъ на эти сокровища «страшный человѣкъ» не запрещаетъ, и что будто бы много есть очевидцевъ, которые ясно видѣли этого «страшнаго человѣка», сидящимъ на углу одного изъ ящиковъ. Соблазнительный видъ на

сокровища, говоритъ народное преданіе, прельстилъ одного изъ ламъ. Лама этотъ рѣшилъ во что-бы то ни стало добыть эти сокровища и для этого началъ искать средства сдѣлать безвреднымъ «страшнаго человѣка». Задабривая хранителя сокровищъ лама началъ приносить ему жертвы и всячески его умилостивлять, но страшный человѣкъ не окрывался изъ пещеры; напротивъ, еще зорче началъ сторожить сокровища и все чаще и чаще показываться у входа въ нее. Тогда лама, не теряя надежды воспользоваться сокровищами, обратился къ шаманамъ, чтобы эти послѣдніе, какъ имѣющіе самую органическую связь съ нечистой силой, отвели заговоръ убійцъ Шадар-Вана. Компанія шамановъ, повидимому, имѣла успѣхъ: «страшный челокѣкъ» пересталъ показываться у входа въ пещеру. Ободренный этимъ лама забрался въ пещеру, осмотрѣлъ всѣ ящики свободно, ему въ этомъ никто не мѣшалъ, но лишь только вздумалъ онъ забрать золото изъ одного ящика и засунулъ въ него руку, какъ стражъ сокровищъ Шадар-Вана, явившись откуда-то какъ тѣнь, захлопнулъ крышку ящика и лама моментально ослѣпъ. Съ тѣхъ поръ, оканчиваетъ легенда, никто уже больше не рѣшался даже мысленно воспользоваться сокровищами Шадар-Вана, этого будущаго Мессіи—освободителя Монголіи отъ ненавистнаго китайскаго ига. Монголы вѣрятъ, что Шадар-Ванъ еще живъ и ждетъ только случая жестоко покарать китайцевъ, властвующихъ теперь надъ Монголіей. Гюкъ въ своемъ трудѣ «Путешествіе по Татаріи» записалъ пѣснь, слышанную близъ Долонъ-норъ въ мѣстности Шабартей. Пѣснь эта дышетъ вѣрой и надеждой въ будущее освобожденіе Монголіи отъ китайцевъ и освободителемъ долженъ явиться Тимуръ. Эту же самую пѣснь я слышалъ на берегахъ р. Делгиръ-муринъ, отъ номада, разсказывавшаго мнѣ легенды про Шадар-Вана. Только пѣвецъ вмѣсто имени Тимура взывалъ къ Шадару. Вотъ эта пѣснь въ переводѣ г. Гюкъ.

«Мы живемъ въ своихъ мѣстахъ тихо и кротко, какъ агнцы, но сердце наше кипитъ еще: оно полно огня. Воспоминаніе славнаго времени преслѣдуетъ насъ безпрестанно. Гдѣ же вождь, который долженъ стать во главѣ насъ и сдѣлать насъ воинственными»?

О дивный Шадаръ! Скоро ли возродится твой духъ? Сойди, сойди къ намъ скорѣе, мы ждемъ тебя о Шадаръ»!

Номады съ воодушевленіемъ поютъ эту свою марсельезу.

По склонамъ Эрчи-нуру есть кой-гдѣ распаханныя пашни и близъ нихъ масса маленькихъ жертвенниковъ «Лу». На западномъ концѣ Муринго-хажу стоятъ одиноко, не связанныя съ хребтомъ, двѣ улы (гора),—одна на правомъ, а другая на лѣвомъ берегу рѣчки, первая называется *Бурунханъ*, а вторая *Талта*. Муринго-хажу, кромѣ главныхъ двухъ выходовъ, вверхъ и внизъ по рѣкѣ, имѣетъ еще много и боковыхъ, идущихъ подъемами по распадкамъ. Такъ къ сѣверу 1) *Хара-цакыръ*, съ дорогой въ Джазазакскій хашунъ, подъемъ пологъ и мало каменистъ.

2) *Саганъ-булукъ*. Читатель помнитъ, что вверхъ по этому распадку прошла наша экспедиція.

3) *Уиртей*. Распадокъ этотъ широкъ, имѣетъ русло съ текущей водой, по берегамъ которой кочуютъ монголы лѣтомъ и зимой. Переваломъ чрезъ вершину Уиртей дорога ведетъ къ берегамъ Иги.

На сѣверо-востокъ: 1) Хуху-цакыръ, съ рѣкой того-же имени. Дорога идетъ къ долинѣ р. Иги и въ караулъ Хухой и Дархинтей.

2) *Сукуту*. Перевалъ также въ долину р. Иги.

3) *Ширинъ-дурильджи*, 4) *Шолутей*. По обоимъ этимъ распадкамъ дороги идутъ въ Баинъ-гольскій курень Мигунскаго хашуна и въ Ургужинскій хашунъ въ урочище его, на которомъ расположенъ курень *Чибанай*.

Къ востоку: 1) Выходъ по берегамъ Делгиръ-мурина къ устью р. Буксой.

2) Саганъ-Бургасанъ. Дорога идетъ къ берегамъ р. Буксой въ ставку князя Догунскаго хашуна.

Къ юго-востоку: 1) Жикжи; 2) Сужи; 3) Дундусужи; 4) Нурутей. Дороги по этимъ распадкамъ идутъ къ берегамъ р. Буксоя къ Буксойскому караулу, а затѣмъ и въ городъ Улясутай. Всѣ они тянутся переваломъ чрезъ хребетъ Эрчи-нуръ. Вершина Нурутей называется Хозогоръ-хара-ула.

Къ юго-западу: 1) Быйесаръ; 2) Тумуртей. Дороги идутъ въ верховья Буксоя и къ озеру Сан-

гинъ-далай. Вершина Тумуртей очень высока; она выдѣляется изъ группы другихъ горъ своего конусообразной вершиной и называется *Богдо-ула*.

Къ западу. 1) Верховья Делгир-мурина. Дорогой по правому берегу рѣки сворачиваютъ въ долину рѣки Тиса (Тесъ по Потанину) и ѣдутъ къ озеру Цаптыйнъ-нуръ, съ береговъ котораго вывозятъ соль. Дорога эта телѣжная и монголы на арбахъ своихъ ѣздятъ за солью.

По всѣмъ, перечисленнымъ нами, распадкамъ есть сухія русла рѣкъ; съ текущей же водой только Саганъ-Бургасанъ, Жикжи, Нурутей и Уиртей. Въ остальныхъ же есть вода только въ вершинахъ, исключая обѣихъ Сужи, безводныхъ и въ верховьяхъ.

Долина праваго берега р. Делгиръ-мурина (Тельгир по Потанину) болотиста до самой подошвы хребта Эрчи-нуру. Среди болота есть, впрочемъ, возвышенія съ болѣе или менѣе широкими сухими площадями, на которыхъ и стоятъ юрты монголовъ.

Кромѣ монголовъ и гуна въ Муринго-хажу живутъ еще и китайцы. Пять фанзъ сыновъ небесной имперіи стоитъ у куреня, одна у подошвы Бурунъ-хана и одна же на берегу Хара-усу, что на правой сторонѣ р. Делгиръ-мурина. Китайцы имѣютъ лавку и ведутъ значительную торговлю; кромѣ того занимаются огородничествомъ и земледѣліемъ. Пашни ихъ, рядомъ съ монгольскими, расположены по правому берегу р. Саганъ-бургасанъ и близъ устья Нуртей. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я разсматривалъ пахати, именно на берегу Саганъ-Бургасана, было до четырехъ десятинъ обсѣменено ячменемъ (буда) и просомъ (шара буда). Г. Н. Потанинъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что въ долинѣ р. Цзакъ-цзу сѣютъ исключительно только ячмень, между тѣмъ долина р. Цзакъ-цзу расположена недалеко отъ Мигунскаго куреня—почему же въ Цзакъ-зу не сѣютъ проса? Развѣ тамъ другія климатическія условія?

Структура сохи, употребляемой монголами для распашки пашень, прекрасно и вѣрно описана Г. Н. Потаниным во второмъ выпускѣ его труда «Оч. С. З. Мон.» на III стр. Мы только лишь скажемъ, что соха эта очень примитивна и не удобна. Она скорѣе ковыряетъ, чѣмъ распахиваетъ землю. Монголы хлѣбъ не жнутъ, а рвутъ руками. Молотятъ же его чрезъ посредство лошадей и быковъ. Водяныхъ мельницъ нѣтъ, а есть—или ручные жернова или же, у богатыхъ конныя, мельницы.

Прошлый годъ номадовъ хлѣбопашцевъ постигло несчастье. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ пору созрѣванія хлѣба, были сильные холода и зерно померзло. Такъ что въ нынѣшнемъ году муринцамъ, для обсѣмененія полей, пришлось добывать зерно изъ низовьевъ р. Селенги. Земля пашень—прекрасный суглинокъ, нетребующій удобренія. Земля такъ хороша, что даже при такомъ небрежномъ, самомъ примитивномъ способѣ обработки ея, она даетъ хорошій сборъ: самъ тридцать и самъ сорокъ, какъ разсказываютъ монголы. Но по безпечности монголовъ и ихъ «робкости къ труду», какъ замѣтилъ еще г. Тимковскій, хлѣбопашество собственно ихъ находится въ самыхъ скрупулезныхъ размѣрахъ. Сѣютъ «въ столь маломъ количествѣ и съ такимъ нерадѣніемъ, что сего заведенія ихъ въ строгомъ смыслѣ нельзя почесть земледѣліемъ». Монголы, заботясь объ удобныхъ пастбищахъ для скота, то и дѣло перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто: «слѣдственно принуждены надолго отлучаться отъ засѣянныхъ полей» (записка о Мон. г. Тимковскаго). У номадовъ покуда нѣтъ еще привязанности къ одному мѣсту, что естественно обусловливается ихъ бытомъ и экономическими факторами, и у нихъ не могло еще создаться ни понятій о выгодѣ и преимуществахъ земледѣлія, ни, слѣдовательно, любви къ этому занятію. Но въ то же время нѣтъ сомнѣнія, что цѣною страшныхъ жертвъ—цѣною лишенія скота, номады разовьютъ дѣло земледѣлія, находящееся у нихъ теперь только лишь въ зачаточномъ состояніи и правый берегъ Делгиръ-мурина, какъ болѣе удобный, не вдолгѣ обратится въ нивы. Вопросъ о посѣвѣ хлѣба теперь уже занимаетъ умы номадовъ. Мнѣ то и дѣло приходилось толковать съ ними о тѣхъ условіяхъ, при какихъ мыслимо вести хлѣбопашество. Причемъ считаю нужнымъ оговориться, что монголы сами вызывали меня на разговоръ объ этомъ и не изъ празднаго любопытства, что ясно было изъ того, что собесѣдники мои тутъ же, въ слухъ, соображали между со-

бой—примѣнимы ли сообщенныя мною свѣдѣнія о земледѣліи къ условіямъ ихъ мѣстности и климата. Тогда какъ начиная отъ Дархатъ до береговъ Делгиръ-мурина, ни одинъ монголъ, интересуясь разной чепухой, и не заикнулся спросить у меня: какъ де люди пашутъ землю и ѣдятъ хлѣбъ.

Послѣ обѣда я отправился къ сосѣду своему китайцу, чтобы сдѣлать ему визитъ.

Фанза китайца выстроена не далеко отъ берега Делгиръ-мурина на широкой площадкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ болотами и кочками, такъ что мнѣ, чтобы дойдти до нее, пришлось брести чрезъ болото. Фанза обнесена высокимъ листвяничнымъ частоколомъ, который и скрываетъ ее, точно ограда нашего сельскаго острога. Къ частоколу двора фанзы примыкаютъ тепловыя загороди для скота, сараи и амбарушки. Нѣсколько подальше отъ фанзы, на западъ отъ нея, частоколомъ же обнесенъ небольшой участокъ земли, на которомъ расположенъ огородъ китайцевъ. Входъ во дворъ фанзы съ запада и идетъ чрезъ высокія ворота. Въ данное время ворота были заперты и мнѣ пришлось стучаться и просить, чтобы впустили меня. Дворъ чисто выметенъ, на площади его ни соринки, ни травки не видно; замѣтно, что къ чистотѣ его прилагаются очень заботливыя руки. Входъ въ самую фанзу, какъ и въ юрту монгола, съ юга. Передъ главнымъ входомъ длинная открытая галерея съ крыльцомъ. Двери фанзы широкія и высокія растворяются на двѣ половины. При входѣ въ фанзу, хозяинъ ея китаецъ Ногоней (такъ его зовутъ монголы) встрѣтилъ меня очень любезно и по-европейски поздоровался со мной. Ногоней хорошо говоритъ по-монгольски, такъ что мнѣ легко было бесѣдовать съ нимъ. Послѣ взаимныхъ рекомендацій и разспросовъ «кто съ кѣмъ имѣетъ честь говорить», матеріаломъ для разговора была торговля въ Монголіи и ея условія... Но опишемъ прежде внутреннее расположеніе фанзы.

Фанза представляетъ изъ себя длинное четыреугольное зданіе съ двумя выходами на югъ, причемъ дальній выходъ ведетъ на черный дворъ. Зданіе высоко. Стѣны фанзы сдѣланы изъ толстыхъ листвяничныхъ плахъ, вбитыхъ въ землю; обѣ стороны этихъ плахъ обмазаны толстымъ слоемъ глины, перемѣшанной съ рубленной травой (дересъ). Крыша надъ главной комнатой фанзы сдѣлана куполообразно, въ дальнѣйшемъ же своемъ продолженіи на два ската и очень высока. Потолковъ нѣтъ. Внутренность фанзы довольно обширна и раздѣлена на три равныя части толстыми стѣнами. Стѣна фасада фанзы обмазана глиной только на аршинъ вышины отъ уровня земли; дальше же, до краевъ крыши, сдѣлана деревянная мелкая, квадратная рѣшотка. Рѣшотка эта обтянута изъ внутри какой-то тонкой матово-прозрачной матеріей, украшенной рисунками человѣческихъ фигуръ въ разныхъ позахъ, начиная отъ комичныхъ и серьезныхъ, да много кой-чего говорящихъ эротическому чувству зрителя, даже и не обладающаго полной фантазіей любострастнаго сына Небесной имперіи. Кромѣ человѣческихъ фигуръ—есть и изображенія животныхъ, пейзажей и разныхъ видовъ, но всего этого очень мало сравнительно съ рисунками картинъ изъ быта китайцевъ. Рѣшетка эта замѣняетъ собою оконныя отверстія. Въ центрѣ рамы рѣшотки сдѣлано маленькое стеклянное квадратное оконце. Матовая матерія мало пропускаетъ свѣта, почему въ фанзѣ постоянный полумракъ, непріятно дѣйствующій на непривычные глаза. Верхнія переклади дверей какъ снаружи, такъ и изъ внутри, исписаны на китайскомъ и монгольскомъ языкахъ изрѣченіями, молитвами. Замѣчательно, что тибетская молитва написана на тибетскомъ, а монгольскими буквами, чего нигдѣ нельзя встрѣтить у монголовъ. Вотъ между прочимъ слова этой молитвы: «Гибанъ дыгэ нурду дакъ, Ирикъсынъ гомбо дубчирней даба джикжанъ мамоба джидка сала годборъ шоокъ». Молитва эта написана съ внутренней стороны фанзы, а съ наружной, и тѣ же монгольскими буквами, слѣдующая: «Омъ-ма-ни-бад-ме-хомъ, омъ ара бадзы нады, омъ базыръ баши хомъ патъ». Одно изъ помѣщеній фанзы, именно жилое, раздѣлено поперегъ тонкой перегородкой на двѣ равныя половины. Первая половина отъ входа служитъ, если можно такъ назвать ее, пріемной. На западной сторонѣ ея сдѣланы широкія нары, устланныя пропитыми войлоками, и возлѣ стѣны набросаны подушки. По срединѣ наръ, на маленькомъ возвышеніи, стоитъ жаровня съ тлѣю-

щимися углями. Уголья жаровни предназначены для раскура трубокъ и приготовленія къ куренію опія. По срединѣ этого отдѣленія фанзы стоитъ на каменномъ фундаментѣ желѣзная, цилиндрической формы, печь, труба которой выведена въ наружу близъ центра купола. Въ центрѣ же самаго купола, съ южнаго его наклона, придѣлана подымающаяся по мѣрѣ надобности стеклянная рама. Рама то эта главнымъ образомъ и освѣщаетъ жилье. Направо отъ входа стоятъ ящики съ домашнимъ скарбомъ и въ стѣнѣ пробита небольшая дверь во второе помѣщеніе, прямо же отъ входной двери въ тонкой перегородкѣ сдѣлана дверь, которая ведетъ въ спальню и вмѣстѣ съ тѣмъ и молельню хозяина фанзы. Прямо противъ входа въ спальню стоитъ высокій деревянный, крытый коричневымъ лакомъ шкафъ—это то и есть божница. Любезный китаецъ, по моей просьбѣ, открылъ дверцы божницы. Внутреннее устройство шкафа такое же какъ и бурхани шире монголовъ, равно и нашихъ бурятъ, только лишь на первомъ мѣстѣ стоитъ—не предвѣчный Будда, а другое божество, названное китайцемъ «Гесеръ». Примѣчательно еще и то, что всѣ изображенія божествъ имѣютъ чисто-китайскій типъ, одинъ только лишь Саганъ-убугунъ, попавшій и въ пантеонъ китайца, сохранилъ свой типъ сѣдовласаго, съ длинной бородой, благообразнаго старца. Читатель, конечно, помнитъ, что монголы Саганъ-убугуна отождествляютъ съ св. Николаемъ. Съ боку божницы, налѣво отъ лицевой ея стороны, придѣланы къ стѣнѣ нары, на которыхъ и спитъ самъ хозяинъ. У сѣверной же и восточной стѣны стоятъ, одинъ на другомъ, большіе деревянные, крашенные подъ лакъ ящики; въ нихъ хранится болѣе цѣнный товаръ: шелкъ, серебро и разныя блестящія дорогія бездѣлушки, кисеты, трубки, табакерки, ожерелья и пр. Каждый ящикъ имѣетъ китайскую надпись, обозначающую какой въ немъ лежитъ товаръ.

Послѣ осмотра этого помѣщенія хозяинъ китаецъ пригласилъ меня въ пріемную и предложилъ напиться чаю. Я уже заранѣе предвкушалъ всѣ непріятности китайской церемоніи и неудобства пить чай изъ какихъ то наперстковъ, а не чашекъ; но къ моему удивленію, а еще болѣе удовольствію, я увидѣлъ на нарахъ весело шумѣвшаго пузатаго представителя нашей Тулы, забравшагося чрезъ Кяхту и сюда. Къ слову сказать, китайцы держатъ кумиръ русскаго купечества порядкомъ таки въ черномъ тѣлѣ, что такъ не гармонируетъ съ царящими вокругъ порядкомъ и чистотой въ пріемной фанзы. Вѣроятно со дня пріобрѣтенія, китайцы ни разу не чистили самовара, такъ что онъ, блестящій на своей родинѣ, здѣсь на чужбинѣ, почернѣлъ, заплесневѣлъ и грязенъ какъ трубы его колыбели. Чай былъ заваренъ въ китайскомъ, цилиндрической формы, чайникѣ и потомъ разлитъ въ китайскія же глубокія фарфоровыя чашки, къ чаю былъ поданъ тростниковый сахаръ и какое то отвратительное на вкусъ печеніе, отзывающее деревяннымъ масломъ. Какъ ни противно было ѣсть эти колобки, но чтобы не обидѣть усердно-приглашивающаго хозяина, пришлось съѣсть одинъ «пряникъ». За чаемъ же китаецъ угостилъ меня подогрѣтымъ ханшиномъ. Напившись чаю, я съ позволенія хозяина пошелъ осматривать его лавку, помѣщающуюся во второмъ отдѣленіи фанзы. Лавка занимаетъ среднее отдѣленіе фанзы, довольно обширна и вся уставлена въ безпорядкѣ деревянными ящиками, наполненными просомъ, табакомъ курительнымъ, пачками нюхательнаго табаку китайскаго издѣлія, гуджиромъ, солью, трубками, бумагой, тушью, ножницами, ножами, шапками, шляпами; безъ всякаго порядка вездѣ навалены кирпичи толстаго зеленаго чая; валяются кожи, ремни, потники, арканы, а по стѣнамъ развѣшаны нитки сушенаго моку (грибовъ). Весь этотъ товаръ китайцы обмѣниваютъ монголамъ на овецъ, лошадей и рогатый скотъ и мѣха, причемъ, разумѣется, дороговизна всего этого хлама невообразимая.

Вотъ перечень стоимости ихъ товара:

Покрыша на шубу краснаго, голубаго или желтаго цвѣта, изъ не высокаго достоинства шолку, обмѣнивается на лучшаго коня или быка, за котораго русскіе торгаши платятъ отъ сорока до пятидесяти рублей. Кусокъ далембы обмѣнивается на лучшаго иргена (кастрированный баранъ); кирпичъ чаю отдается за овцу; золотникъ шелку (5 коп. у насъ) за шкуру овцы; шапка зимняя, съ бѣличьей опуш-

кой, цѣнится за пять барановъ; трубка—за конскую или бычью кожу; сапоги отдаются за корову и т. д. Между прочимъ, я купилъ себѣ трубку. Китаецъ запросилъ съ меня за нее два рубля нашими деньгами и ничего не хотѣлъ уступить. Когда же я предложилъ, вмѣсто бумажныхъ денегъ, мелкое серебро и далъ пять двугривенныхъ, то китаецъ, предварительно свѣсилъ серебро и затѣмъ, ту же трубку согласился уступить за эти деньги. Кстати замѣтимъ, что нашъ двугривенный вѣситъ одинъ цынъ, пять же цыновъ составляютъ ланъ, а стоимость лана по курсу равняется нашимъ тремъ бумажнымъ рублямъ. Мнѣ нужны были еще ножницы, но за ту дрянь, какую предложилъ мнѣ китаецъ въ видѣ ножницъ и просилъ за нее тоже два рубля, я не рѣшился заплатить такой большой для меня суммы.

Обирая монголовъ посредствомъ жидовской своей торговли, китайцы, живущіе въ Муринго-хажу, имѣютъ ту важную заслугу, что развели среди номадовъ особый родъ промысла—это сборъ грибовъ. Какъ говорилъ мнѣ китаецъ Ноготей, грибы, за какую бы то ни было цѣну пріобрѣтенные въ Монголіи, имѣютъ хорошій сбытъ во внутренномъ Китаѣ. При мнѣ Ноготей заплатилъ одному монголу за джинъ (полтора нашихъ фунта) сушеныхъ грибовъ кирпичъ чаю, что, если перевести на наши деньги, будетъ равняться двумъ рублямъ.

Осмотрѣвъ лавку, я попросилъ сводить меня и въ огородъ. Огородъ, какъ замѣчено было выше, расположенъ не вдалекѣ отъ фанзы, на югѣ отъ нея. Онъ культированъ прекрасно,—вездѣ проведены дорожки, разбиты математически правильно гряды; каждый кустикъ растенія подчищенъ, опушенъ; вездѣ сдѣланы водопроводы; ни соринки, ни негодной травы нѣтъ.... Однимъ словомъ, огородъ содержится въ такомъ прекрасномъ порядкѣ, какъ ни въ одномъ изъ русскихъ хозяйствъ. Въ этомъ чистомъ, уютномъ огородѣ, на заботливо-взлелѣянныхъ грядахъ посажено: пай-цай (брюква), сан-го (чеснокъ) чжай-ца (редисъ), да-до (бобы), чи-бу-ца (рѣпчатый лукъ: не это ли корень малороссійскаго названія луку *цыбуля?*), са-ле-су (кукуруза), ту-мысъ (картофель), ша-ла-лег-бенъ (морковь), бо-ца (свекла), ху-лу (дыни). Всѣ эти растенія были полны жизни, но плодовъ еще не было, картофель и дыни были уже въ цвѣту. Близь огорода сдѣланъ колодецъ (суй-чо-ень) со срубомъ (чжин-ха-уч-жя-за), колодецъ не особенно глубокъ—сажени двѣ не болѣе. Воду достаютъ изъ колодца чрезъ посредство журавля (чи-гель) цебромъ (суйтонъ); отъ колодца, для орошенія грядъ, проведены корыта (суй-далъ).

Огородъ, дворъ, сараи, загоны, телятники все содержится въ отмѣнной чистотѣ. Близь двора, на лугу, ходятъ дойныя сытыя коровы, по двору бѣгаютъ куры съ цыплятами, маленькіе ягнята.... Въ панданъ ко всему этому увидѣть бы на галереѣ суетливо распоряжающуюся хозяйку и тогда китайская фанза вполнѣ походила бы на любой малороссійскій степной «хутіръ», какимъ и дѣйствительно выглядитъ эта фанза среди грязно-бѣлыхъ дымящихся кочекъ, какія представляютъ изъ себя низенькія войлочныя юрты номадовъ,—юрты, одиноко стоящія въ степи, безъ огороди, безъ какихъ бы то ни было надворныхъ пристроекъ вокругъ нихъ.

Исключая хозяина, всѣхъ китайцевъ, живущихъ въ фанзѣ, считается шесть человѣкъ, и все молодой народъ. Законъ запрещаетъ имъ вывозить женщинъ изъ внутренняго Китая, но лишеніе это они восполняютъ связью съ монголками и притомъ до наивозможнаго излишка. Будучи крайне развратнымъ и похотливымъ народомъ, китайцы эти, какъ достовѣрно мнѣ извѣстно, растлѣваютъ десяти и двѣнадцати лѣтнихъ дѣвочекъ. Самому Ногонтею жену замѣняетъ тринадцатилѣтнее дитя! Жалко было смотрѣть на это дитя... Пользуясь полной безнаказанностію, похотливые китайцы, растлѣвая дѣтей, не держатъ ихъ у себя болѣе двухъ лѣтъ: за этотъ періодъ — дѣти кажутся уже старыми для китайца, надоѣдаютъ ему и они замѣняютъ ихъ новыми и новыми жертвами своей низкой похоти. Испорченныхъ дѣтей выгоняютъ отъ себя на произволъ судьбы и покупаютъ новыхъ — какъ бы вы думали, за сколько? *За два кирпича чаю!* Забракованныя же дѣти идутъ на содержаніе ламъ и на вѣки гибнутъ! Покуда онѣ молоды, ламы ихъ кормятъ, а состарѣются—дѣлаются монахинями и десятками мрутъ съ голоду и холоду. Впрочемъ, часть этихъ жертвъ живетъ близь китайцевъ; но это-та

лишь часть, которая имѣетъ не бѣдныхъ родителей. Родители, продавъ китайцу дочь свою за кирпичъ чая, и послѣ того, какъ китаецъ прогонитъ ихъ дочь отъ себя, не откочевываютъ отъ фанзы китайца. Въ данное время близь фанзы расположено около пяти монгольскихъ юртъ. Эти жертвы гнилаго соціальнаго строя Монголіи и незнающаго удержу разврата китайцевъ прислужничаютъ послѣднимъ: шьютъ имъ, что нужно, пасутъ коровъ, моютъ, поливаютъ огороды; и за все это, точно нищенскую подачку, получаютъ чайные выварки (sic), негодныя обрѣзки матеріи, обрывки нитокъ и только лишь лѣтомъ молоко. Монголки эти, замѣняя когда то женъ китайцевъ, теперь перешли на ту же обязанность къ ихъ работникамъ. Думается, не будетъ лишнимъ, если я скажу, что сосѣдки китайцевъ—нищія номадки, предлагали и намъ свои услуги и за это просили всего лишь одну иголку. Но объ этомъ мы еще будемъ говорить.

Присматриваясь къ очертанію физіономіи дѣтей этихъ жертвъ разврата, я замѣтилъ въ нихъ много китайской помѣси, придавшей ей особенности и улучшившей монгольскій типъ. Лице у нихъ продолговатое, съ менѣе выдающимися скулами; лобъ высокій, открытый; глаза большіе, голубоватые съ неособенно косымъ прорѣзомъ; лице бѣлое, съ оттѣнкомъ желтизны.

Растлѣвая дѣтей, китайцы въ тоже время подрываютъ и экономическое благосостояніе окружающаго ихъ народонаселенія. Насколько выгоденъ монголамъ практикуемый китайцами способъ мѣновой торговли, мы уже знаемъ. Но, кромѣ этого, китайцы, нисколько только лишь возможно, злоупотребляютъ честностію номадовъ.

По обычному праву кочевниковъ Митунскаго и Догунскаго хашуновъ, въ случаѣ несостоятельности должника, долгъ кредитору уплачивается всѣмъ составомъ общества. Пользуясь этимъ, свято исполняемымъ, народнымъ обычаемъ, китайцы, безъ всякаго риска, раздаютъ въ кредитъ свой товаръ всякимъ плутамъ, мошенникамъ и берутъ съ нихъ «данса», росписки. При этомъ китайцы хорошо знаютъ, что товаръ ихъ будетъ размотанъ и условленный обмѣнъ не уплаченъ. Но это не бѣда. Когда придетъ срокъ уплаты долга, китаецъ даже не старается узнать, существуетъ ли въ живыхъ его должникъ и гдѣ онъ находится; все это китайца не касается, онъ прямо обращается въ Богдо-жасанъ и предъявляетъ данса ко взысканію. Богдо-жасанъ дѣлаетъ розыски—гдѣ находится должникъ и есть ли у него что нибудь для уплаты долга. Въ большинствѣ случаевъ такой должникъ, какъ первостатейный плутъ, кромѣ своего грязнаго тѣла, ничего не имѣетъ и взыскать съ него что нибудь для пополненія долга рѣшительно нечего. Представители Богдо-жасана, свято исполняя завѣтъ отцевъ, вздуютъ палками мошенника, посадятъ его въ острогъ, и, разложивъ на число могущихъ членовъ общества, уплачиваютъ долги китайцу сполна. Безсовѣстный же торгашъ не ограничивается однимъ простымъ полученіемъ долга, онъ еще взыскиваетъ съ общества «протори и убытки», понесенныя имъ будто бы во время взысканія долга и розысковъ должника. Такимъ мошенническимъ способомъ китайцы сбываютъ свой товаръ въ тридорога, не теряютъ ни ниточки и зоритъ общество. Положимъ общество, послѣ каждаго платежа китайца за мошенника, предупреждаетъ и проситъ торгаша—не давать неимущимъ людямъ товаровъ въ долгъ и не довѣрять имъ ничего безъ согласія на то какого нибудь цоена или завѣдомо порядочнаго человѣка. Китайцы обѣщаютъ. Но при первомъ же новомъ случаѣ съ методическою точностію повторяютъ тоже самое. Плуты же, нежалѣющіе ни своей спины, ни имущества другихъ, всегда и вездѣ находятся. Забравъ товаръ у китайца, это отребіе міра идетъ бродяжничать и рѣдкій изъ нихъ несетъ достойную кару, попавшись подъ судъ общества. Сдѣлавшись разъ бродягой, номадъ никогда не возвращается въ свой хашунъ, хотя бы даже гдѣ нибудь и какимъ нибудь способомъ и разбогатѣлъ настолько, что могъ бы уплатить долгъ.

Этой строго честной чертой монгольской общины пользуются и наши торгаши, «разсовывая, какъ они говорятъ, свой товаръ всякому чалому и драному—«Зонн-хузунъ будунъ байна», т. е. общественная шея толста—наше не пропадетъ, взыщемъ, съ увѣренностію говорятъ эксплоататоры, выжима-

ющіе народные соки и для этого не брезгающіе никакими средствами.

Изъ Мигунскаго и Догунскаго хашуна китайцы выгоняютъ преимущественно лошадей и овецъ; рогатаго же скота мало требуется во внутренній Китай. Кромѣ этого вывозятъ всякія кожи, драгоцѣнные мѣха и особенно дорожатъ мерлушками, изъ которыхъ выдѣлываютъ прекрасныя шубы, вывозятъ также ремни и массу грибовъ.

Въ раіонѣ Мигунскаго и Догунскаго хашуновъ съ китайцами конкурируютъ тункинскіе торгаши Томиловъ и Тишенинъ; они обмѣниваютъ красный товаръ, выдѣланныя кожи и мѣдь на рогатый скотъ и овецъ.

Сегодня, передъ вечеромъ, я знакомыми монголами былъ приглашенъ на праздникъ *обо*. У устья р. Саган-бургасанъ собрались до ста ламъ и болѣе трехъ сотъ харахуновъ (простаго народа) съ цѣлью помолиться тенгріямъ о дарованіи тихой, безвѣтренной погоды (хуй-такилъ такола); молились также и о томъ, чтобы вѣтеръ не навѣялъ какой нибудь заразы на скотъ (хорхиро). Всѣ ламы сидѣли, поджавши ноги, на землѣ, на разосланныхъ войлокахъ и читали молитвы на тибетскомъ языкѣ; чтеніе ламъ сопровождалось ударами въ бубны, барабаны, игрою на трубахъ, флейтахъ и раковинахъ. Послѣ моленія и принесенія жертвы устроено было празднество: были конскіе бѣга, борьба и танцы замаскированныхъ. На хуй-такилѣ я съ удовольствіемъ провелъ время до вечера и только лишь поздно вечеромъ вмѣстѣ съ веселой шумной толпой, поющей громаднымъ хоромъ свои пѣсни, воротился въ свою палатку.

День былъ съ самаго утра безоблачный, тихій солнечный. Въ двѣнадцать часовъ пополудни подулъ западный вѣтеръ, вслѣдъ за нимъ по горизонту поползли тучи; къ часу—пронесся ураганъ и вскорѣ пошелъ крупный дождь, который и продолжался не болѣе десяти минутъ. Къ двумъ часамъ пополудни небо очистилось отъ тучъ и солнце весело свѣтило до самаго вечера. Вечеръ же былъ теплый, такъ что до самой поздней ночи можно было, не испытывая холода, сидѣть въ одной рубахѣ.

19 іюля. Дневка. Желая поближе ознакомиться съ Мигунскимъ хашуномъ, я рѣшилъ пробыть и сегодня на берегахъ Делгиг-мурина; мнѣ хотѣлось собрать свѣдѣнія объ организаціи управленія хашуномъ, а также, насколько возможно, добыть и подробныя данныя о теченіи Делгиръ-мурина.

Со словъ г. Тимковскаго, французскій ученый Эйріе, говоритъ, что въ политическомъ отношеніи Монголія раздѣлена на множество мелкихъ удѣловъ, управляемыхъ князьями и «*тайзіями*», первые бываютъ пяти степеней: цинь-ванъ, цзюнь-ванъ, бейле, бейзе и гунъ; но какой бы степени они ни были, всѣ владѣтельные «тайзіи» въ отношеніи къ китайскому императору, называются *джазасаками*, то-есть управляющими. Безъудѣльные князья и тайціи, составляютъ многочисленный класъ помѣщиковъ, или дворянъ, владѣющихъ по частямъ землями удѣловъ и людьми, живущими на тѣхъ земляхъ. Собственно мигунскій хашунъ управляется гуномъ. Власть его наслѣдственна и переходитъ изъ рода въ родъ отъ отца къ старшему сыну, младшіе же дѣти составляютъ собой контингентъ тайджіевъ, т. е. дворянъ и de jure не имѣютъ никакой власти надъ народонаселеніемъ хашуна. Подъ главнымъ начальствомъ гуна хашуномъ управляютъ еще слѣдующія выборные власти: 1) эринчинъ, 2) тусулукчи, 3) меринъ (ихъ два), 4) заланъ, 5) зангинъ, 6) хянъ. Эринчинъ, мерины и тусулукчи — это старшіе чиновники—отличіе ихъ матоваго цвѣта бѣлая шишка, прикрѣпляющаяся къ верхушкѣ шапки; заланы и зангины имѣютъ синюю шишку, а ханъ стеклянную прозрачную, бѣлаго цвѣта. Жалованье гунъ получаетъ отъ китайскаго правительства въ размѣрѣ трехсотъ ланъ серебра; кромѣ того, общество даетъ князю по одной овцѣ въ день. При ставкѣ князя всегда находится его канцелярія, въ которой ведутся всѣ письменныя дѣла хашуна на монгольскомъ языкѣ—штатъ канцеляріи состоитъ изъ двухъ, либо трехъ, писарей и трехъ бошконовъ (десятниковъ). Писаря за свой трудъ получаютъ каждые десять дней по сыркену (кастрированный козелъ) на человѣка и больше ничего. Канцелярія называется богдо-жасанъ (царская изба), или же тамаган гыръ (домъ печати). Въ богдо-жасанѣ присутствуютъ ме-

рины, тусулукчи и эрничины и рѣшаютъ всѣ дѣла, по управленію хашуномъ; завѣдываютъ также и судною частію, причемъ важныя преступленія, послѣ тщательнаго обслѣдованія ихъ, для окончательнаго рѣшенія переносятся въ *ямадай*, что близъ Улясутая. Въ мѣстечкѣ Ямадай присутствуетъ главная судная коллегія сѣверныхъ хашуновъ. Ноены, присутствующіе въ Богдо-жасанѣ, чередуются между собою; дежурство каждаго изъ нихъ продолжается не болѣе мѣсяца. Во время дежурствъ своихъ чиновники эти получаютъ отъ общества содержаніе—имъ выдается по одному барану на каждые десять дней. Что же касается залановъ и зангиновъ, то это есть управители отдѣльныхъ округовъ хашуна; округа эти называются *бакъ*; такихъ баковъ въ Мингунскомъ хашунѣ считается до десяти. Обязанность же хяновъ соотвѣтствуетъ должности нашихъ судебныхъ слѣдователей и судебныхъ приставовъ. Они производятъ слѣдствія и дознанія, но исполнительной власти не имѣютъ если то небудетъ имъ поручено или самимъ гуномъ или же присутствующимъ въ Богдо-жасанѣ. Всѣ дѣла рѣшаются гласно и не составляютъ канцелярской тайны; присутствовать при разбирательствѣ дѣла можетъ всякій, если того желаетъ, и постановленіе приводится сейчасъ же въ исполненіе.

При ставкѣ гуна есть острогъ и орудія для пытки: колодки, плети, палки, ящики, въ которые сажаютъ преступниковъ, и цѣпи. Эйріе пишетъ, что политическое устройство Монголіи есть будто бы чисто-военное. Каждый удѣлъ составляетъ дивизію или отрядъ подъ именемъ *хашуна* (знамени); дивизія дѣлится на *чжаланы* (полки), которымъ нѣтъ положеннаго числа, а чжаланъ состоитъ изъ шести *сомуновъ* (эскадроновъ), содержащихъ въ себѣ по полуторасту конныхъ солдатъ каждый *).

Послѣ владѣтельнаго князя, первое мѣсто въ знамени по управленію занимаетъ *тусалакци*, или помощникъ. Кромѣ того, въ каждомъ знамени есть *хошунъ чжангинъ*, корпусный генералъ, и два генералъ-лейтенанта называемые *мейренъ чжангинъ*. Полками начальствуютъ чжаланъ чжангины, эскадронами сомунъ чжангины, а подъ ними состоятъ еще низшіе чины, они же завѣдуютъ и гражданскимъ управленіемъ *). Быть можетъ, все это и правда относительно тѣхъ частей Монголіи, которыя примыкаютъ къ собственному Китаю: но ничего подобнаго нѣтъ въ сѣверной Монголіи. Никакихъ знаменъ, полковъ, эскадроновъ, генераловъ корпусныхъ и генералъ-лейтенантовъ нѣтъ, точно также, какъ нѣтъ и войска. Что же касается до названія чиновъ и ихъ ранговаго перечня, какое сдѣлано у Эйрье, то это также не относится къ изслѣдуемой нами части Монголіи. Порядокъ ноеновъ и названія ихъ чиновъ нами указанъ; желательно было бы съ достовѣрною точностію узнать--насколько правдивы сообщенныя г. Эйріе свѣдѣнія касательно политическаго устройства Монголіи? Самые тщательные наши розыски въ Мингунскомъ-хашунѣ и другихъ сосѣднихъ съ нимъ не подтвердили показаній г. Эйріе. Всѣ перечисленные нами ноены выбираются обществомъ и утверждаются въ своихъ должностяхъ самимъ гуномъ. Выбраны же они или изъ тайджіевъ или же изъ простаго народа.

Тимковскій говоритъ, что для управленія дѣлами князь руководствуется уложеніемъ. Монгольское уложеніе состоитъ изъ двѣнадцати отдѣленій и сокращенно объемлетъ всѣ части кочеваго управленія. Оно сочинено китайскимъ правительствомъ и, по обстоятельствамъ, пополняется указами, имѣющими силу закона. Окружный сеймъ, завѣдывающій всѣми сѣверо-западными хашунами, находится въ Улясутаѣ—куда гуны и ѣздятъ по очереди для засѣданій. Кромѣ гуновъ, изъ каждаго хашуна посылается на сеймъ меринъ и тусулакчи. Сеймъ этотъ называется шолокъ; собраніе мериновъ и тусулукчеевъ рѣшаетъ вопросъ о количествѣ и раскладкѣ внутренней земской повинности; распредѣленіе же государственной повинности не подлежитъ вѣдѣнію шолока.

Эйріе говоритъ, что будто бы чрезъ каждые три года производится народная перепись по особому указу Богдо-хана, для чего «пекинская палата посылаетъ гонцевъ съ вѣстію о томъ къ пред-

*) Жив. пут. по Азіи, Т. III стр. 33.

*) Тамъ же стр. 34.

сѣдателямъ сеймовъ и другимъ начальствамъ. Каждый хашунъ снабжается заблаговременно бѣловыми тетрадями за государственною печатью, гдѣ отмѣчаются родившіеся и умершіе, подъ строгой отвѣтственностію за малѣйшій пропускъ. Перепись отсылается для ревизіи въ палату иностранныхъ дѣлъ, а въ хашунѣ остается съ нея списокъ». Опять таки не знаю—насколько это сообщеніе вѣрно. Въ дѣлахъ Мигунскаго Богдо-жасана ничего подобнаго нѣтъ и переписи наличному составу жителей никогда не производится, переписываются же только одни лишь домохозяева, имѣющіе скотъ, для чего и выдаются бѣловыя тетради за государственною печатью. Въ тетради эти вписывается одно только лишь имя хозяевъ юрты и подробное количество скота, которымъ онъ владѣетъ, причемъ дѣйствительно «строго взыскивается», если ведущій перепись, не народа, а скота, позволитъ «сдѣлать малѣйшій пропускъ» и фальшиво покажетъ наличное количество скота у владѣльца извѣстной юрты. Народной переписи, слѣдовательно, никогда не бываетъ: она для правительства не интересна и не нужна, такъ какъ беретъ оно подати не *съ души*, а съ количества скота—по этому почти невозможно опредѣлить *«количество»* народонаселенія какого быто ни было хашуна, зато съ достовѣрностію можно знать количество скота. Такъ, напримѣръ, въ Мигунскомъ хашунѣ, по словамъ Тусулукчея Балдына, лошадей считается двадцать тысячъ, рогатаго скота до тридцати тысячъ, овецъ до полуторыхъ сотъ тысячъ и верблюдовъ три тысячи. Тотъ же тусулукчей—на вопросъ мой: «сколько же, хотя примѣрно, считается кочевниковъ?» крайне гадательно отвѣтилъ, что, «несчитая голыдьбы, будетъ тысячъ до трехъ мужескаго и женскаго пола. Платящихъ же подати, какъ я узналъ въ Богдо-жасанѣ, числится тысячу двѣсти душъ. Въ общемъ сравнительно съ другими хашунами, мигунцы народъ далеко не бѣдный и если бы не эпидемія на рогатый скотъ, бывшая въ 1879—80 г., то можно было бы сказать, что они даже зажиточны.

Мы уже сказали, что кочевники платятъ подати не съ души, а съ количества скота, которому и дѣлается учетъ чрезъ каждые три года. Платежной единицей считается десять головъ рогатаго скота или лошадей, а у кого одни только лишь овцы, то пятьдесятъ штукъ ихъ равняется этой единицѣ. Взимаются подати по слѣдующему разсчету: съ каждыхъ десяти головъ скота плотится три овцы, овца же цѣнится въ полъ лана, и если кто не хочетъ платить натурой, можетъ вносить соотвѣтствующее количество ланъ, согласуясь съ числомъ десятковъ. Если же кто не желаетъ платить скотомъ или овцами (пять овецъ равняются по стоимости рогатой скотинѣ) и не имѣетъ для этого серебра, то по согласію съ гуномъ можетъ вносить въ счетъ податей шелкъ, мѣха—преимущественно рыси, соболи, бѣлку и волка, а также и всякія матеріи, хотя бы то и русской фабрикаціи. Подати, послѣ бездоимочнаго ихъ сбора, гунъ или отвозитъ самъ въ Улясутай, или же посылаетъ либо мерина, либо тусулукчея.

Очертимъ теперь границы Мигунскаго хашуна.

Границей съ сѣверо-запада хашуну служитъ верховье Мусу-туруна, съ сѣвера р. Баинъ-сарь, впадающая въ р. Игу; съ востока и сѣверо-востока р. Ига, именно правый ея берегъ, съ юго-запада, лѣвый берегъ рѣки Делгир-мурина, затѣмъ р. Селенга, съ юга рѣка Саральджи, лѣвый притокъ р. Селенги, за которымъ уже слѣдуютъ кочевья Ганжур-гунскаго хашуна. Лѣтнія кочевья Мигунскаго хашуна расположены главнымъ образомъ по долинѣ лѣваго берега Делгиръ-мурина и р. Селенги; а зимой же по склонамъ горъ слѣдующихъ распадковъ: къ сѣверу и сѣверо-западу a) Шара-даланѣ, b) Наринъ-сарь, c) Саганъ-сулукъ; съ сѣверо-востока, a) Арахуху-шолутей, Уйртей, b) Нурукту, c) Яманай-будалъ Баинъ-сарь и по взгорьямъ праваго берега р. Иги.

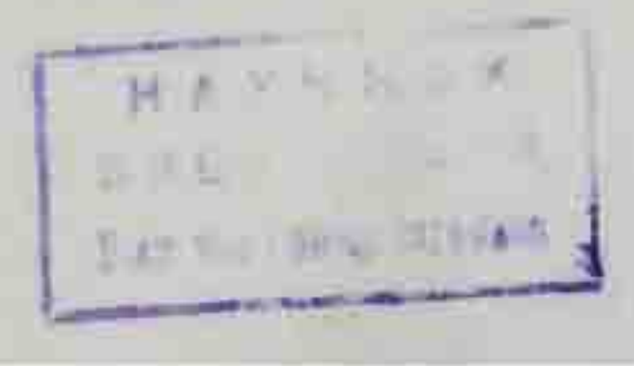
Всѣ средства къ жизни доставляетъ преимущественно скотоводство и промышленности нѣтъ никакой, если не считать за таковую сборъ грибовъ. Чтоже касается до выдѣлки кожъ, катанія войлоковъ и добычи соли, то все это производится настолько, насколько есть потребность для домашняго своего обихода. Звѣринымъ промысломъ мигунцы не занимаются; а земледѣліе у нихъ, какъ мы уже сказали, еще только лишь въ зародышѣ.

Мигунцы по типу и костюму ничѣмъ не отличаются отъ сагдановъ Биттысскаго хашуна: народъ рослый, здоровый, и не носитъ на себѣ печати отвратительнаго религіознаго ханжества, такъ присущаго кочевникамъ Дархатскаго куреня. Мигунцы далеко таки не выглядятъ святошами и въ большинствѣ народъ привѣтливый. Во время нашей стоянки, каждый день приходили къ намъ цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ и по своему обычаю приносили намъ, какъ-бы въ знакъ привѣтствія, въ домбошахъ чай, сваренный раньше, харутъ т. е. сушеную арцу, бисылыкъ—родъ голандскаго сыра, урме—сгущенное сливочное молоко, кумысъ и архи (тарасунъ по бур.) монгольскую водку изъ молока. Взамѣнъ я давалъ монголамъ пуговицы, иголки и *зосо*, т. е. мелкія серебрянныя деньги. Такая моя «*щедрость*», въ послѣдствіи надѣлала мнѣ не мало непріятностей. За *зосо* женщины, какъ нуждающіяся въ украшеніяхъ, начали приходить цѣлыми десятками, безцеремонно требуя отъ меня, чтобы я далъ имъ хоть «*захаръ зосо*» (хоть маленькій серебряный); въ доказательство основательности своихъ требованій представительницы «прекраснаго пола» указывали на свою грудь, блистающую отсутствіемъ какихъ-бы то ни-было украшеній, и при этомъ наивно говорили: «посмотри, у насъ ничего нѣтъ бѣлаго, красиваго, а какъ бы хорошо было—взять отъ тебя хоть одно зосо и повѣсить на груди»! Отказъ мой монголки поняли такъ, что будто-бы я даромъ не хочу имъ давать зосо, и ожидаю чего нибудь въ замѣнъ; и, недолго думая, не стѣсняясь никого и ничего, «красавицы», одна за другой, начали предлагать себя. Я былъ въ затруднительномъ положеніи, именно потому, что не могъ давать денегъ и въ тоже время не могъ убѣдить номадокъ, что предложеніе ихъ не имѣетъ для меня соблазна и что я, какъ сузукъ-хунъ (поломникъ), долженъ воздерживаться отъ принятія такихъ предложеній; желаніе же мое показать номадкамъ, что это безнравственно, просто на просто было встрѣчено смѣхомъ. Отсюда читатель можетъ судить насколько бываютъ условны понятія у людей о нравственности.

На мою бѣду разнеслась молва, что будто-бы я богатъ и не совсѣмъ скупъ. Благодаря этой молвѣ, мнѣ никто изъ монголовъ не хотѣлъ продать овцы дешевле четырехъ рублей, тогда какъ въ день пріѣзда моего за такую же овцу просили съ меня только лишь два рубля и я не купилъ ее потому, что былъ еще дневной запасъ мяса. Кромѣ этого, мнѣ нужно было нанять человѣка, чтобы съѣздить съ нимъ въ верховья Делгиръ-мурина и побывать кой у кого изъ монголовъ,—и что-же?—съ меня, какъ будто-бы богатаго человѣка, дешевле пяти рублей въ день никто не соглашался брать. Въ данномъ случаѣ номады должно быть платили мнѣ тою же монетою, какою имъ платятъ разные эксплоататоры и торгаши; номады, благодаря имъ, уже руководствуются принципомъ: «если представится случай—отчего же не содрать»! И я едва, едва могъ нанять провожатаго за три рубля въ сутки; отъ овцы же долженъ былъ отказаться, надѣясь купить ее гдѣ нибудь по дорогѣ.

Остается теперь намъ сказать еще о неточности, допущенной Гр. Ник. Потаниномъ, касательно названія Мигунскаго хашуна, а затѣмъ описать систему р. Делгиръ-мурина.

Гр. Ник. Потанинъ на 259 ст. своего труда «Оч. С. З. М.» ошибочно назвалъ Мигунскій хашунъ «Уаръ-гунъ» и усилилъ свою ошибку придачей къ нему небывалаго названія «Вар-гунъ». Это невѣрно: хашунъ, кромѣ приведеннаго нами: мигунъ, другаго названія не имѣетъ. Ошибка же Г. Н. Потанина легко объясняется вотъ чѣмъ. Мигунскій курень (монастырь) огибаетъ, прорѣзывая степь, лѣвый притокъ Делгиръ-мурина, р. Уиръ; именемъ этой рѣки и называется курень, но отнюдь не хашунъ. Курень же названъ именемъ рѣки въ отличіе отъ другаго монастыря, находящагося въ раіонѣ же Мигунскаго хашуна, на востокъ отъ Уирей-хуре, на берегу р. Баинъ-голъ и называющійся именемъ же этой рѣки, т. е. Баинъ-голей-хуре,—но повторяемъ, что именемъ куреня—*Уирей*. Мигунскій хашунъ никогда не называется. К. Риттеръ упоминаетъ, что, кажется болгары въ старину называли р. Донъ «Уаръ или Варъ»; не это ли сообщеніе заставило путешественника отыскать въ названіи рѣки «Уиръ» подходящіе звуки и выдѣлать изъ него *Уаръ*, да еще и видоизмѣнить его въ *Варъ*, тогда какъ слово Уиръ



всегда четко произносится и имѣетъ свое спеціальное значеніе: именно—уиръ, въ переводѣ—значитъ прибыль воды; словъ же «уаръ» и «варъ» въ монгольскомъ языкѣ не существуетъ. Ошибку эту нужно исправить, тѣмъ болѣе, что она допущена и на картѣ Г. Рафаилова, а это можетъ географа и историка повести къ разнымъ неосновательнымъ догадкамъ и предположеніямъ: какимъ образомъ въ Монголіи очутилась цѣлая губернія, съ такимъ историческимъ названіемъ, какъ «уаръ или варъ».

Съ южнаго склона хребта Уланъ-тайга (Уланъ-тай по Потанину) вышло два горныхъ русла: a) *Терисъ* и b) *Мерисъ*. Ручьи эти у подошвы хребта соединились вмѣстѣ съ русломъ вышедшаго съ сѣверо-запада ручья же Ушинъ-жорго-булукъ (тридцать шесть ключей), отъ мѣста соединенія этихъ трехъ ручьевъ, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, рѣка и называется Делгир-муринъ (Делгиръ—собственное имя легендарнаго-хана, а муринъ отъ слова муръ—слѣдъ); принявши же въ себя р. Эдиръ, Делгиръ-муринъ теряетъ свое названіе и до самаго своего впаденія въ оз. Байкалъ называется Селенгой. Урянхайцы же Делгиръ-муринъ называютъ «*Брень*». Рѣка Делгиръ-муринъ, кромѣ перечисленныхъ Г. Н. Потанинымъ притоковъ (смот. ст. 258, 259 и 270 Очер. С. З. М. В. 1-й) принимаетъ въ себя справа: 1) Саганъ-булукъ (бѣлый ключъ). Въ долинѣ этой рѣки расположенъ Саганъ-булукскій харулъ; 2) Баинту-голъ (богатая рѣка); 3) Соксо-делгиръ ехе хангай (Соксо—чашечка, Делгиръ собственное имя, ехе—большой, Хангай—духъ, хозяинъ горъ, лѣса и звѣрей); 4) Ихи-гаца (?); 5) Содонъ-шада-хуланъ; 6) Алтанъ-тугулукчи; 7) Ехе-нута; 8) Хара-усу; 9) Ехе-саганъ тальбу (Саганъ-бургасанъ тожь); 10) Жикжи; 11) Сужи; 12) Дунду-сужи; 13) Хара-хапшугай-нута, 14) Эмелъ-абдакъ-хапшу; 15) Ихи-болонъ; 16) Шара-худо; 17) Амагайнъ-булунъ; 18) Ніитци; 19) Убуръ-хапшу (вершина ея называется Хедергенъ-саганъ-тологой); 20) Заха-олонъ-голей-бильчиръ; 21) Буксой; слѣва: Саганъ-нута, Уиртей, Билтысъ, Эмтей-голъ, Хара-усу; остальныхъ рѣкъ я не упоминаю потому, что русла ихъ теряются въ прибрежной долинѣ р. Делгиръ-муринъ и вода ихъ не доходитъ до этой рѣки.

Делгиръ-муринъ течетъ широкимъ русломъ, мѣстами очень глубокимъ, мѣстами же есть перекаты; но въ общемъ, среднюю глубину рѣки, можно опредѣлить въ полтора аршина и даже въ два. Рыбы въ Делгиръ-муринѣ водится масса, но ее никто не ловитъ, такъ какъ монголы ѣдятъ ее тогда лишь, когда ихъ кто нибудь поподчуетъ ею. Кромѣ рыбы, на водахъ рѣки водится масса гусей, лебедей и утокъ. Ихъ также никто не трогаетъ, почему онѣ и непугливы, такъ что намъ легко было ихъ стрѣлять.

Отъ Мигунскаго хапшуна я намѣренъ былъ проѣхать въ долину рѣки *Буксой* и затѣмъ спуститься къ берегамъ р. Эдиръ, которую Гр. Н. Потанинъ считаетъ за основаніе р. Селенги, и затѣмъ уже идти внизъ по р. Селенгѣ до впаденія въ нее р. Иги, а если время и деньги позволятъ продолжать экспедицію и дальше. Безъ проводника я не рѣшался идти, нанять же было очень трудно, дешевле трехъ рублей въ сутки никто не соглашался ѣхать со мною, а такая плата далеко таки была мнѣ не посредствамъ и кое-кое какъ удалось найдти стариченка, который согласился взять два рубля въ сутки. Устроивши это дѣло, мы начали собираться въ путь, укладывать вещи и пр., чтобы завтра не было задержекъ и можно было бы съ зарей сняться съ мѣста.

ГЛАВА XIII.

ОТЪ БЕРЕГОВЪ Р. ДЕЛГИРЪ-МУРИНЪ ДО ДОЛИНЫ Р. БУКСОЙ.

(20 Іюля).

Послѣ трехдневной стоянки мы таки собрались въ путь. Утро было безоблачное, свѣжее, но теплое; кони наши достаточно отдохнули и мы бодро снялись съ мѣста, рѣшивъ сегодня непремѣнно доѣхать до береговъ Буксоя.

Отъ нашей стоянки нельзя было выѣхать прямо на Буксойскую дорогу, потому что, начиная отъ берега р. Делгиръ-муринъ и до самой подошвы хребта Эрчи-нуру залегаетъ топкое, кочковатое вязкое болото, и мы, огибая это болото, должны были верстъ около пяти пройдти вверхъ по берегу р. Делгир-

мурнинъ. Сдѣлавъ такой большой кругъ, намъ все-таки не удалось окончательно миновать болота, такъ какъ оно далеко протянулось вдоль праваго берега рѣки и намъ пришлось бы много затратить времени на объѣздъ его; по этому мы рѣшили попытать счастья перерѣзать болото. Какъ оказалось въ послѣдствіи, хорошо и сдѣлали: кони не особенно вязли въ болотѣ, такъ какъ въ мѣстѣ нашего переѣзда чрезъ него оно было не особенно кочковато и топко, быть можетъ это вслѣдствіе того, что поверхность болота поросла густой высокой травой, кореньями своими скрѣпившей зыбучесть грязи. Кочки болота мѣстами покрыты солонечными осадками; а въ самомъ болотѣ водится масса черныхъ небольшихъ лягушекъ. Переѣздъ чрезъ болото окончился бродомъ на правый берегъ рѣки *Хара-усу*, взявшей верховьями своими начало на юго-западѣ, въ болотахъ же, примыкающихъ къ подошвѣ кряжа Эрчи-нуру. Рѣка Хара-усу, правый притокъ р. Делгиръ-мурина, имѣетъ не болѣе аршина глубины и трехъ саженей ширины; теченіе ея тихое, покойное; ложе илистое, но не топкое; вода чистая, свѣтлая, съ оттѣнкомъ желтизны; правый берегъ сухъ и покрытъ дресвой.

Выбравшись изъ болота и миновавъ берега р. Хара-усу, мы начали подыматься на предгорье хребта Эрчи-нуру. Подъемъ пологъ и съ юга на западъ прорѣзанъ распадкомъ *Сужи*, по дну котораго извилисто расположено каменистое, сухое русло. У подошвы предгорья стоятъ три лѣтнихъ юрты монголовъ, возлѣ которыхъ мы въ первый разъ увидѣли телѣги, употребляемыя номадами. Телѣги эти называются тыргынъ, онѣ о двухъ высокихъ колесахъ (муръ) съ четырьмя крестообразно расположенными спицами; колеса не вращаются вокругъ оси (голъ), а вертятся вмѣстѣ съ нею и производятъ раздирающій уши скрипъ. Такія же точно телѣги я видѣлъ въ употребленіи у бурятъ балаганскаго округа (иркут. губ.), съ тою только разницею, что у колесъ не четыре спицы, какъ у монгольской телѣги, а отъ двѣнадцати до шестнадцати смотря по величинѣ окружности обода и толщинѣ ступицы колеса. Двухколеска такая у балаганцевъ называется арбой. Буряты, точно также какъ и ихъ прототипы монголы, не мажутъ своихъ арбъ, и это дѣлаютъ, вѣроятно, по традиціи, такъ какъ деготь буряты добываютъ сами и всякій другой экипажъ: телѣгу, русскую двухколеску, всегда аккуратно смазываютъ.

Отъ юртъ мы переѣхали чрезъ Сужи и, чтобы не дѣлать зигзаговъ, уклонились отъ него и пошли прямо на юго-востокъ, держась лѣвой стороны предгорья. Почва предгорья камениста, покрыта кой-гдѣ розсыпями мелкаго кремнистаго щебня; трава выжжена солнцемъ. Не доѣзжая нѣсколько до вершины Сужи, мы опять пересѣкли его русло и пошли вдоль пологаго склона хребта Эрчи-нуру. Какъ видно было, распадокъ Сужи очень широкъ; съ пологими склонами боковъ своихъ безлѣсенъ; за то покрытъ густой травой; на площадкахъ боковъ Сужи виднѣется до четырехъ зимнихъ хашановъ. Склонъ же хребта Эрчи-нуру, по которому мы ѣхали, покрытъ также густой высокой травой.

Утро хотя было и тихое, но только что мы поравнялись съ вершиной Сужи, какъ подулъ сильный порывистый юго-западный вѣтеръ.

Отъ вершины Сужи намъ открылся прелестный видъ на долину р. Делгиръ-мурина. Рѣка по выходѣ изъ долины Муринго-хажу входитъ, какъ видно, въ ущелье, имѣющее отвѣсные бока; хребетъ Эрчи-нуру скалистымъ выступомъ своимъ прижалъ лѣвый берегъ Делгиръ-мурина къ скаламъ лѣвыхъ же горъ *) и такъ плотно, что проѣздъ берегомъ рѣки не возможенъ.

Послѣ незначительнаго прохода по склону Эрчи-нуру, мы начали спускаться въ распадокъ, по дну котораго есть русло рѣки съ текущей водой. Распадокъ и рѣка называются *Жикжи*. Рѣка Жикжи течетъ глубокимъ и широкимъ рвомъ; берега рва отвѣсны, каменисты и довольно высоки. Въ глубинѣ рва по обѣ стороны по обѣимъ берегамъ рѣки растетъ лиственъ, тальникъ и береза. Послѣднюю мы, начиная отъ Дархатъ, увидѣли въ первый разъ. Береза (Саганъ модонъ, Хуйгунъ тожъ) растетъ не кустами, а отдѣльными деревьями, хотя и не съ

*) Въ горахъ этихъ есть богатыя свинцовыя залежи. Образцы ихъ были доставлены Гр. Ив. Посылнымъ для химическаго анализа нашему ученому г. Шамарину. Интересно бы знать результаты анализа.

толстыми стволами; да и тальникъ тутъ растетъ не жалкими, чахлыми, едва отросшими отъ земли прутиками, какъ то по берегу, напр., р. Томи, а большими густыми развѣсистыми, густыми кустами, съ толстымъ стволомъ дерева. Между этими кустами и зарослями березы, весело, съ шумомъ катитъ свои воды р. Жикжитъ.

Отъ устья своего и до подошвы хребта Эрчинуру распадокъ Жикжи широкъ; поросъ густой травой и лиственичнымъ лѣсомъ, послѣдній растетъ только на правомъ берегу; кусты же тальника и березы раскинулись по обѣимъ берегамъ; по распадку, на берегу рѣки стоитъ до семи лѣтнихъ юртъ монголовъ. Начиная отъ мѣста нашего переѣзда, что будетъ верстахъ въ восьми отъ устья, распадокъ Жикжи начинаетъ съуживаться, дѣлаетъ загибъ къ юго-западу и вслѣдъ за загибомъ переходитъ въ тѣсное, узкое ущелье, съ отвѣсными обнаженными щеками. Нужно замѣтить, что верховья Жикжита и Сужи сходятся между собою и затѣмъ уже въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи разъединяются очень широкой треугольной горной покатостію, острый уголъ которой и составляютъ верховья водной рѣки Жикжи и сухаго русла Сужи.

Оставивъ Жикжи вправо, мы начали подыматься на отрогъ хребта Эрчи-нуру; отрогъ этотъ называется *Улей-дабанъ*. Подъемъ идетъ въ началѣ по сухому, безводному распадку, правая сторона котораго покрыта рѣдкимъ молодымъ лиственичнымъ лѣсомъ; лѣвая же обнажена и покрыта розсыпями камня (атхара). На срединѣ подъема есть маленькая площадка, въ центрѣ ея набросана куча камней, изъ подъ которыхъ, едва пробиваясь, бьетъ ключемъ маленькая струйка воды. Площадка обильно заросла цвѣтущими злаками и до того уютна и прелестна, что мы соблазнились ея красотою и порѣшили остановиться и вскипятить котелокъ чаю; для чего вырыли ямку, скопили воды и приготовили затуранъ. Позавтракавъ, мы продолжали подъемъ на Улей-дабанъ.

Какъ съ начала, такъ равно и дальше отъ площадки подъемъ на Улей дабанъ пологъ и оканчивается маленькимъ, впрочемъ, довольно крутоватымъ взъемомъ на желобчикъ.

У конца подъема мы встрѣтили монголку; она собирала цвѣточки мыхыра (poligonum vivi parum). Цвѣточки этого растенія номады, высушивъ, примѣшиваютъ къ арцѣ, не какъ улучшеніе вкуса послѣдней, а для большей ея питательности; для вкуса же примѣшиваютъ лукъ.

На вершинѣ Улей дабана, близъ самой дороги, по лѣвую ея сторону стоитъ одиноко отъ остальныхъ деревьевъ, старая, развѣсистая лиственъ, у корней ея набросано обо и, лицевой стороной къ югу, стоитъ «мани». Лиственъ почитается священной и вѣтви ея обвѣшаны массой хадаковъ и конскимъ волосомъ.

Спускъ съ дабана, также какъ и подъемъ, пологъ, съ неглубокой рытвиной по лѣвую сторону дороги и обнаженъ отъ древесной растительности. Спускъ оканчивается въѣздомъ въ широкую треугольную котловину, носящую имя *Мухуръ-жикжи*. Котловину съ запада на востокъ прорѣзываетъ небольшой, но за то съ текущей водой ручей Жикжи. Русло Жикжи очень извилисто, съ высокими, обрывистыми берегами и завалено остроребрыми большими камнями; ручей Жикжи впадаетъ слѣва въ рѣку Саганъ-бургасанъ—правый притокъ Делгиръ-мурина. Въ котловинѣ расположено шесть лѣтнихъ юртъ монголовъ. Юрты новенькія, чистыя, стоятъ на правомъ берегу ручья и частію ютятся у самой подошвы западнаго склона горъ. Въ противуположность вершинѣ Улей-дабана, въ котловинѣ Мухуръ-жикжи совершенно тихо; дувшій на перевалѣ сильный юго-западный вѣтеръ въ ней и травкой не шелехнулъ.

Мы проѣхали котловину, перебрели чрезъ ручей и поднялись на крутоватый, усѣянный камнями, южный бокъ котловины Мухуръ-жалга; а затѣмъ пошли вдоль косогора лѣваго берега р. Саганъ-бургасанъ.

Р. Саганъ-бургасанъ беретъ начало въ юго-западныхъ верховьяхъ хребта Эрчи-нуру; верховья эти называются *Ехе-саганъ-тальбо*. Р. Саганъ-бургасанъ (бѣлые прутья) течетъ сначала ущельемъ между отвѣсныхъ скалъ, затѣмъ выходитъ въ распадокъ, по склонамъ котораго есть зимніе хашаны; наконецъ прорѣзываетъ широкую долину и правымъ своимъ берегомъ, близъ устья, жмется къ подошвѣ горъ. Русло рѣки широко, каменцсто съ не глубокой

водой. По долинѣ р. Саганъ-бургасанъ разбросано много лѣтнихъ юртъ монголовъ. Въ долину, къ берегамъ рѣки мы не спустились, а продолжали идти вдоль косогора и вверхъ по нему дошли до лѣваго берега рѣки *Акта-саганъ-бургасанъ* (акта—кастрированная лошадь). Акта-саганъ-бургасанъ подъ острымъ угломъ сходится съ р. Саганъ-бургасанъ какъ разъ по выходѣ послѣдняго изъ тѣснаго распадка, что отъ устья рѣки будетъ около пятнадцати верстъ.

Косогоръ, по которому мы ѣхали и тянется телѣжная дорога, изрытъ глубокими, каменистыми рытвинами, глинистъ и покрытъ цвѣтущими злаками. Между прочимъ, по нему растетъ много мяты, васильковъ, незабудокъ, встрѣчаются и кусты крапивы.

Вдоль праваго берега рѣки Акта-саганъ-бургасанъ есть лѣтнія юрты монголовъ. Поравнявшись съ одной изъ юртъ, дорога круто поварачиваетъ на юго западъ и идетъ вверхъ по р. Акта-саганъ-бургасанъ, то и дѣло переходя съ берега на берегъ. Русло рѣки извилисто и идетъ по срединѣ распадка, широкими, сливающимися съ уровнемъ распадка, берегами и покрыто мелкимъ щебнемъ; вода не глубока и далеко не покрываетъ своего русла. У мѣста нашего спуска съ косогора, долина рѣки имѣетъ не болѣе полуторыхъ сотъ саженей ширины. Бока распадка покаты; изъ нихъ правый изрѣзанъ болѣе или менѣе глубокими рытвинами и покрытъ лиственичнымъ лѣсомъ; лѣвый же бокъ обнаженъ и имѣетъ много выступовъ съ значительными площадками, на которыхъ и гнѣздятся зимніе хашаны монголовъ. Вскорѣ мы переѣхали на правый берегъ р. Акта-саганъ-бургасанъ и вверхъ по нему начали дѣлать перевалъ чрезъ хребетъ Эрчи-нуру.

Послѣ четверти часа перехода правымъ берегомъ рѣки Акта-саганъ-бургасанъ, распадокъ началъ значительно съуживаться; лѣсъ западнаго склона горъ сползъ и придвинулся до самаго берега рѣки, но все-таки не перешелъ чрезъ нее; подъемъ же замѣтно сталъ возвышаться.

Послѣ незначительнаго перехода правымъ берегомъ рѣки, слѣва отъ дороги, широкимъ устьемъ вышло устье распадка *Саганъ-бургасани-бильчиръ*. Устье этого распадка отодвинуло рѣку къ лѣвому склону горъ и расширило площадь, такъ что образовался довольно большой полуциркъ съ покатою къ западу плоскостью. На площади цирка стоитъ четыре лѣтнихъ юрты и одинъ русанъ.

Саганъ-бургасани-бильчиръ имѣетъ широкое, сухое, каменистое русло, устье котораго раскинулось на большое пространство и засорило площадь распадка.

Миновавъ циркъ, распадокъ р. Акта-саганъ-бургасанъ опять съуживается, причемъ горы лѣваго берега рѣки дѣлаются значительно положе, чѣмъ въ низовьяхъ рѣки и съ большимъ числомъ выступовъ, площади которыхъ всѣ заняты зимними хашанами. Всѣхъ хашановъ, расположенныхъ вдоль дороги, я насчиталъ до пятнадцати. Такое, сравнительно большое, число хашановъ объясняется тѣмъ, что въ распадкѣ р. Акта-саганъ-бургасанъ, зимой долженъ быть отличный подножный кормъ, такъ какъ и теперь, во время нашего прохода этимъ распадкомъ, вездѣ вдоль береговъ рѣки и по лѣвому склону горъ росла густая, роскошная, высокая трава, мѣстами чуть не въ колѣно конно. Это первое, гдѣ либо раньше виданное нами, мѣсто съ такой прекрасной травой. Еще замѣчательно то, что чѣмъ выше подымались мы по распадку, тѣмъ все больше и больше было воды въ рѣкѣ.

На разстояніи получасоваго перехода отъ отмѣченнаго нами цирка, слѣва вновь вышло устье распадка съ текущимъ по немъ ручьемъ; раздвинуло распадокъ Акта-саганъ-бургасанъ и образовало широкую площадь, имѣющую видъ амфитеатра, у западнаго конца котораго стоятъ четыре лѣтнихъ юрты. По всему видно, что обитатели юртъ народъ не богатый; юрты старыя, черныя, низенькія, маленькія; возлѣ нихъ бродитъ кучка скота, да головъ пятьдесятъ разнаго скота. Ни пристроекъ близь юртъ, ни огороди, ничего подобнаго нѣтъ. За этой площадью бродъ и дорога переходитъ на лѣвый берегъ рѣки, площадь котораго, сравнительно съ правымъ берегомъ, значительно шире, вслѣдствіе того, что рѣка плотно жмется къ подошвѣ горъ. За бродомъ чрезъ рѣку Акта-саганъ-бургасанъ дорога вскорѣ пересѣкаетъ устье распадка, имѣющее сухое, широкое каменистое русло. Щеки распадка отвѣсны, съ неправильнымъ наслоеніемъ гранита. Въ то время, когда я, по обычаю сидя верхомъ, дѣлалъ эти за-

мѣтки, опустивъ поводья лошади, идущей мѣрнымъ, тихимъ шагомъ,—со мной чуть не повторилась саганъ-булукская исторія. Сзади, мчась, догонялъ насъ монголъ; дегылъ (кафтанъ) его, точно лубокъ, бился о сѣдло и производилъ громкій шорохъ. Этого шороха конь мой испугался, бросился въ сторону и что есть духу помчался; все это произошло такъ неожиданно, что я въ порывѣ собственнаго испуга, хотѣлъ было схватить поводъ рукой, въ которой держалъ записную тетрадь. Шелестъ бумаги усилилъ испугъ лошади. Къ счастью, мнѣ вскорѣ удалось схватить поводъ, и я съ большимъ трудомъ могъ сдержать испуганное животное и какимъ то чудомъ не слетѣлъ съ сѣдла, а это послѣднее могло-бы имѣть болѣе дурной исходъ, чѣмъ въ Саганъ-булукѣ, такъ какъ по обѣ стороны распадка вдоль дороги разбросаны каменья. Оправившись отъ испуга, я остановился на нѣкоторое время, слѣзъ съ сѣдла и едва могъ розыскать брошенную мною тетрадь. Близь мѣста едва не случившейся катастрофы, меня заинтересовалъ одинъ изъ хашановъ, стоящій не далеко отъ устья распадка. Замѣчательнаго въ немъ было то, что кромѣ обычной огороди, составляющей всю суть хашана, тутъ былъ сдѣланъ тепловой навѣсъ, тепловой же загонъ для овецъ, два небольшихъ амбарчика и запасъ, хотя и не большой, дровъ. Ничего подобнаго мнѣ не приходилось встрѣчать ни у одного изъ виданныхъ мною раньше хашановъ. Къ сожалѣнію, не у кого было спросить--кому принадлежитъ этотъ зимникъ. Собственная ли иниціатива и заботливый трудъ номада о скотѣ заставили номада сдѣлать эти пристройки, или же какой нибудь эксплоататоръ ноенъ, воспользовавшись правомъ сильнаго, заставилъ номадовъ устроить себѣ зимникъ; это очень желательно было бы знать. На бѣду монголъ, испугавшій моего коня, самъ испугался, бросилъ дорогу и помчался по взгорьямъ лѣваго берега рѣки, и мы не могли докликаться его.

Миновавъ хашаны, дорога снова перешла на правый берегъ рѣки, заросшій мелкими кустами тальника. На этомъ берегу лиственничный мысъ становится все гуще и гуще; но на лѣвомъ склонѣ горъ растетъ только лишь въ ложбинахъ взгорій. Подъемъ продолжаетъ быть пологимъ. За слѣдующимъ переѣздомъ на лѣвый берегъ, дорога, подъемомъ, всходитъ на площадь косогора. Подъемъ крутъ и въ началѣ каменистъ. Почва косогора глинисто-каменистая и покрыта высокой, густой травой, пестрѣющей разнообразной флорой. Изъ кормовыхъ травъ растетъ преимущественно волосецъ, есть также много мыхыра, а изъ цвѣтовъ, незабудки, колокольчики, одуванчики, васильки и горошекъ. Внизу косогора густая чаща, поросшая ельникомъ, лиственгомъ, тальникомъ и кой гдѣ березой; между этой чащей и пробивается р. Акта-саганъ-бургасанъ, обратившійся въ горный ручей. Съ юго-запада, поперегъ дороги, проходитъ горный ручей, вслѣдъ за нимъ, на недалекомъ разстояніи другой. Оба ручья каменисты, но съ текущей водой. Спускомъ къ устью втораго ручья оканчивается дорога косогоромъ и идетъ уже не распадкомъ, а ущельемъ, по которому и течетъ Акта-саганъ-бургасанъ. Ущелье каменисто, узко и извилисто. Щеки его: правая поросла высокимъ тонкимъ лиственичнымъ лѣсомъ; а лѣвая—кустарниками карликовой березы, сквозь которые торчатъ глыбы камня, поросшія мхомъ и покрытыя ржавчиной; у подошвы же склона, по берегу ручья, растетъ тальникъ, лоза и кусты красной смородины; смородина почему то не имѣла плодовъ. Наклонъ дна ущелья пологъ. Передъ концемъ подъема ручей развѣтвляется. Одинъ рукавъ, вмѣстѣ съ ущельемъ, ушелъ вверхъ на юго-западъ, другой же прямо на югъ; по послѣднему и идетъ дорога въ долину рѣки Буксой. Подъемъ на этотъ рукавъ Акта-саганъ-бургасана въ началѣ каменистъ и грязноватъ, но не особенно крутъ. Необходимо отмѣтить, что у мѣста развѣтвленія ручья образовалась небольшая треугольная площадка, острымъ угломъ которой служитъ пунктъ соединенія рукавовъ Акта-саганъ-бургасана. На площадкѣ этого треугольника построена ловушка для волковъ. Ловушка эта представляетъ изъ себя не высокій деревянный длинный амбарчикъ съ дверью, падающей сверху. Въ средину амбарчика кладутъ приманку въ видѣ куска мяса и дверь, поднявъ къ верху, подпираютъ. Когда волкъ соблазнится приманкой и войдетъ внутрь амбарчика полакомиться ею, то онъ непремѣнно долженъ задѣть подпорку; послѣдняя, упавъ, закрываетъ дверью выходъ и волкъ остается

въ западнѣ. Точно такія же ловушки есть и у тункинскихъ буритъ.

Отъ этой площадки съ ловушкой пологій подъемъ на вершину хребта Эрчи-нуру оканчивается и дальше уже, до самой вершины идетъ не высокимъ, но крутымъ взъемомъ, который къ тому же грязноватъ. Эта вершина хребта Эрчи-нуру называется *Ехе-саганъ-тальбу*. На самой вершинѣ Ехе-саганъ-тальбу стоитъ обо, покрытый толстымъ слоемъ хвороста, къ верхушкамъ котораго привѣшана масса бараньихъ лопатокъ (дола), ногъ связанныхъ по-парно, хадаковъ и птицъ, вырѣзанныхъ изъ дерева. Лицевая сторона ниши обо обращена къ Делгиръ-мурину, долины котораго, между прочимъ, не видно, и взоръ упирается прямо въ гряду горъ лѣваго его берега.

Весь подъемъ на вершину хребта Эрчи-нуру, называемую Ехе-саганъ-тальбу, мы сдѣлали, не считая остановокъ въ теченіе трехъ часовъ. О подъемѣ нужно замѣтить, что онъ пологъ и вполнѣ удобенъ для телѣжной ѣзды. Для телѣжной дороги можетъ встрѣтиться небольшое затрудненіе развѣ только въ проходѣ ущельемъ, гдѣ есть значительныя розсыпи камней, но это, судя потому, что китайцы ухитряются привозить свои товары на телѣгахъ изъ Урги въ Мурингo-хажу и дальше, не должно служить непреодолимымъ препятствіемъ. На всемъ протяженіи перехода, начиная отъ нашей стоянки на берегу р. Делгиръ-мурина въ урочищѣ *Ехе-нуга* и почти до самаго ущелья р. Акта-саганъ-бургасанъ есть лѣтнія и зимнія юрты монголовъ, что для путника представляетъ большое удобство; такъ какъ вездѣ, значитъ, есть возможность получить въ случаѣ нужды свѣдѣнія о дорогѣ, найдти человѣка, купить провизіи и проч., Большое удобство эта дорога представляетъ изъ себя еще и въ томъ отношеніи, что лѣтомъ вездѣ растетъ отличная трава, а слѣдовательно не только лѣтомъ, но и зимой долженъ быть отличный подножный кормъ. Къ тому же, какъ говорятъ монголы, распадокъ Акта-саганъ-бургасанъ зимой не заносится снѣгомъ. Лѣтомъ же вездѣ есть кормъ, вода и лѣсъ, что также очень важное условіе. Нужно замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи заключается преимущество водной системы праваго берега р. Делгиръ-мурина. Читатель, конечно, помнитъ, что начиная отъ верховьевъ р. Шишкита и до самаго лѣваго берега р. Делгиръ-мурина, почти всѣ рѣки безводны, съ сухими руслами; тогда какъ начиная отъ праваго берега р. Делгиръ-мурина, не только рѣки, но даже незначительные безъименные ручейки имѣютъ текущую струю воды. Дорогой, отъ Улей-дабана, или же, вѣрнѣе, начиная отъ р. Баинъ-голъ, праваго притока р. Шишкита, путнику нужно согласоваться не со своимъ желаніемъ, усталостію лошадей и пр., а напротивъ нужно необходимо примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ: вода есть — дровъ нѣтъ; дрова есть—воды и корму нѣтъ для лошадей, и все это заставляетъ по необходимости добираться до извѣстныхъ пунктовъ, удовлетворяющихъ нуждѣ путника. Такъ, напр., отъ р. Баинъ-гола до р. Виллотъ переходъ безводенъ; отъ р. Бальбрукъ, до рѣки Биллтысъ тоже нѣтъ воды; отъ р. Биллтыса, до р. Мусу-турунъ нѣтъ ни воды, ни дровъ, точно также какъ и отъ р. Шобутей до береговъ р. Делгиръ-мурина. По правую же сторону р. Делгиръ-мурина воды, лѣсу и травы вездѣ вдоволь. Остается еще отмѣтить характеристическую особенность, замѣчаемую въ размѣщеніи древесной растительности—именно: только лишь западные и южные склоны горъ покрыты лѣсомъ, причемъ послѣдній растетъ только отъ подошвы до изголовьевъ горъ; восточные же и сѣверные склоны горъ почти нигдѣ не покрыты лѣсомъ. Явленіе это замѣчено нами на всемъ протяженіи пройденнаго нами пути.

Изъ вершины Ехе саганъ-талбу, кромѣ р. Акта-саганъ-бургасана, берутъ начало еще два распадка: a) *Тумуцей*, (съ желѣзомъ, желѣзный), поэтому распадку течетъ рѣка, упавшая лѣвымъ притокомъ въ р. *Зунай-голъ*; а эта послѣдняя лѣвымъ же притокомъ въ р. Буксой; b) *Талайнъ-булукъ*, (степной ручей) по нему также есть рѣка, ушедшая на юго-востокъ въ долину р. Буксоя. По этому послѣднему распадку и идетъ наша дорога. Начиная отъ обо и до вершины Талайнъ-булука мы шли около четверти часа вдоль плоскогорья и затѣмъ уже начали спускъ. Плоскогорье грязно, кочковато, но не топко, не каменисто и покрыто перегноемъ, напоминающимъ собой черноземъ. Изъ злаковъ растетъ на немъ почти исключительно мыхыръ; лѣвая сторона плоскогорья

покрыта также лиственничнымъ лѣсомъ. Видъ съ плоскогорья закрытъ со всѣхъ сторонъ. Куда не взглянешь, кругомъ торчатъ одни только лишь верховья горъ,—то покрытыя лѣсомъ, то обнаженныя, то кажущіяся широкой горной площадью, то конусообразныя. Изъ среды же этой группы горъ—только лишь одна возвышенность, стоящая на юго-востокѣ, выдѣляется оригинальнымъ очертаніемъ своихъ формъ,—она кажется высокимъ, длиннымъ могильнымъ курганомъ. Отличіе этой сопки отъ остальной массы горныхъ возвышенностей подмѣчено и монголами, умъ которыхъ всегда поражается тѣмъ или другимъ явленіемъ мірафизическаго,—явленіемъ, неподходящимъ подъ одинъ общій типъ всего окружающаго: будь-то лѣсъ или дерево, стоящее одиноко среди окружающей его пустыни; будь то озеро, раскинувшее свои воды тамъ, гдѣ по наблюденію номадами законовъ природы, его не должно было бы быть; будь то скала, отличающаяся оригинальностію своихъ очертаній, будь то глубокая пещера; будь то гора, рѣзко выдѣляющаяся или своею высотою, или оригинальностію очертаній формъ отъ остальной группы сосѣднихъ горъ,—все это, какъ и многое другое, умъ номада не умѣетъ объяснять естественными законами природы; подчинившись же воображенію, которое въ данномъ случаѣ и поражается изъ ряда вонъ выходящимъ явленіемъ, номадъ думаетъ, что то, что произвело на него впечатлѣніе, поразило его—непремѣнно есть нарочитое созданіе тенгріевъ, и есть ихъ же излюбленныя мѣста. Въ такихъ мѣстахъ тенгріи, по представленію номада, или временно поселяются—для отправленія одной какой нибудь обязанности, напр. возвышенность Делгиръ-ханъ, гдѣ духи собираются въ извѣстное время, точно наши кіевскія вѣдьмы на Лысой горѣ, устраиваютъ свои мистеріи; или же живутъ постоянно—напр. Лу-су, обязанность котораго давать источники рѣкамъ; *Хангай* покровитель звѣрей—въ власти котораго, если ангуши угодилъ ему, согнать звѣрей въ одно мѣсто для удобства промысла за ними, или же скрыть ихъ отъ выслѣживанія зоркаго глаза промышленника, если этотъ послѣдній не съумѣлъ угодить Хангаю. Въ отмѣченной же нами сопкѣ воображеніе номада поселило духъ царя кузнецовъ—Хархянъ-хана. На сопку эту хархянъ ханъ отъ поры до времени снисходитъ съ неба, обращаетъ въ наковальню и приготовляетъ стрѣлы нужныя для борьбы со злыми духами, служителями Эрлыкъ-хана*). Подъ вліяніемъ оригинальности сопки, номадъ создалъ о ней цѣлую легенду. Легендарную эту сопку назвалъ *Души-хархянъ-ханей* (наковальня царя Хархяна) и поклоняется ей, какъ священному мѣсту обиталища духа**). Эта священная наковальня расположена на востокѣ какъ разъ противъ вершины Талайнъ-булука. Спускъ по Талайнъ-булуку очень пологъ; дорога идетъ правымъ берегомъ рѣки по черноземному, съ малой примѣсью песку, грунту; нигдѣ ни одного камешка не видно. Нужно замѣтить, что тропинка идетъ не ложбиной распадка, а косогоромъ. Эта сторона дороги, т. е. склонъ горъ праваго берега рѣки до самыхъ своихъ вершинъ не покрытъ лѣсомъ, тогда какъ лѣвый берегъ, т. е. западный

*) Эрлыкъ-ханъ тоже, что нашъ Вельзевулъ.

**) Джонъ Лэбокъ въ своемъ трудѣ „Нач. цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка" приводитъ массу примѣровъ поклоненія и священнаго почитанія: а) деревьевъ (Америкѣ, Абиссиніи, Греціи, Польшѣ и Франціи, Аф., Египт. Сибири. b) озеръ, рѣкъ и ключей. Было время когда оно преобладало въ Европѣ надъ всѣми другими религіозными формами. Было оно также распространено въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, с) камнямъ поклонялись въ Греціи, Римѣ, Франціи и Ирландіи. Паласъ пишетъ, что остяки и тунгусы поклоняются горамъ, а татары—камнямъ... Каменоклонство, по свидѣтельству Шелопа, распространено въ Индіи повсюду, отъ Дерара до крайняго востока Бустара и не только между индуспрованными туземцами, но и между самыми грубыми и дикими племенами. Есть слѣды каменоклонства въ Аравіи, западной Европѣ, Америкѣ (135—145 ст.). Касательно объясненія причинъ почитанія камней мы не согласны въ Джонъ Лэбокомъ, который причину почитанія этого видитъ въ томъ, что будто-бы въ смутныя времена древности было въ обычаѣ обозначать границы земель камнями". Намъ кажется, что причину почитанія камней, равно какъ и горныхъ возвышенностей, нужно искать—либо въ томъ сильномъ впечатлѣніи, какое производитъ причудливость очертаній этихъ предметовъ, либо въ появленіи ихъ въ такихъ мѣстахъ, что умъ номада не можетъ объяснить, какъ и откуда могла взяться, положимъ гора, среди ровной гладкой степи. Однимъ словомъ, появленіе предметовъ тамъ, гдѣ глазъ номада не привыкъ ихъ видѣть, гдѣ, по его понятіямъ или не мѣсто, гдѣ они по общимъ законамъ природы недолжны были быть—будь то камень, гора, дерево, озеро, все это поражало воображеніе номада; небогатый запасъ его объясненій естественныхъ явленій природы заставлялъ первобытнаго человѣка прибѣгать къ объясненію сверхъестественными причинами, а отсюда являлись и почитаніе къ такимъ предметамъ.

склонъ горъ весь сплошь, начиная съ изголовьевъ, покрытъ густымъ лиственничнымъ лѣсомъ.

Распадокъ Талайнъ-булукъ широкъ—болѣе ста пятидесяти саженей въ ширину, богато поросъ злаками; по нему преимущественно растетъ лукъ и мыхыръ. Послѣдній имѣетъ очень важное значеніе въ экономическомъ быту номадовъ, какъ пищевой продуктъ, замѣняющій монголамъ хлѣбъ. Корешки мыхыра монголы собираютъ осенью и запасаютъ его десятками пудовъ. Добыча корешковъ не затруднительна, такъ какъ монголы не сами выкапываютъ его, а разрываютъ норы мышей (mus aeconomus et mus socialis Pal.), въ которыхъ хранятся громадныя (до двухъ и болѣе пудовъ въ одномъ поселеніи этихъ трудолюбивыхъ звѣрковъ) запасы этихъ корешковъ. Мыхыръ употребляютъ монголы или свареннымъ въ молокѣ или же просто въ водѣ, иногда же ѣдятъ и сырымъ. Вкусъ корешковъ терпко-сладкій, сваренные же они теряютъ свою терпкость и вкусомъ своимъ напоминаетъ саго.

Въ центрѣ распадка, между густой и высокой травой, изгибаясь узкой голубой лентой, едва примѣтно течетъ р. *Талайнъ-булукъ*. Было уже три часа пополудни; кони, да и сами мы, притомились; роскошь распадка: густая волнующаяся трава, и чистая, какъ слеза вода Талайнъ-булука манилъ къ отдыху. Выбравъ одну изъ лучшихъ лужаекъ, мы подъѣхали къ берегу рѣки и, не раскидывая палатки, остановились на роздыхъ. На мѣстѣ нашей остановки, трава была чуть ли не по брюхо коню. Такую рослую траву мы въ первый разъ встрѣтили и спутникъ мой, Степанъ, любуясь ею, замѣтилъ... «Экъ ее выперло! Ну морешки*) покупаетесь же вы сегодня въ травѣ»!

Только что мы развели огонекъ и къ дорожному очагу приставили котелекъ, чтобы вскипятить чай, какъ подъѣхалъ къ нашему огоньку караванъ, сопровождаемый двумя монголами и одной монголкой—*шабаганцой*. Шабаганца въ періодѣ на русскій языкъ значитъ монахиня. Буддійскія монахини отличаются отъ остальныхъ женщинъ тѣмъ, что у нихъ бритыя головы и одежда по цвѣту матеріи и по краю ламская. Обѣтъ шабанцевъ состоитъ: а) въ цѣломудріи; б) воздержаніи отъ употребленія въ пищу конины, свинины и другихъ не чистыхъ животныхъ. Этотъ послѣдній обѣтъ строго исполняется, да и противъ перваго рѣдки бываютъ случаи преступленія, такъ какъ шабаганцами дѣлаются никуда негодныя старухи, проведнія молодость въ развратѣ.

Караванъ состоялъ изъ двухъ вьючныхъ верблюдовъ и четырехъ лошадей. Обмѣненные у русскихъ торгашей товары: кожи, миткаль, бязь и сукна, эти монголы везутъ въ кочевья Сангинъ-далая, съ цѣлью тоже обмѣнять *барахло**) на скотъ, масло и бѣлку.

Интересенъ былъ видъ одного изъ ворблюжьихъ вьюковъ. По верхъ вьюка было укрѣплено жада (копье) съ длинной рукояткой (ини); на остріѣ копья развѣвался шелковый флагъ (хадакъ), на которомъ было изображеніе Очервани (богъ покровитель простаго народа). Копье это монголы везли какъ оружіе противъ нападенія враговъ, разбойниковъ и грабителей; флагъ же развивающій на немъ тоже имѣлъ значеніе обороны отъ злыхъ духовъ, враждебно относящихся къ путникамъ (бо-ме, боходой, идирхенъ и проч.). Кромѣ этихъ предосторожностей отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, одинъ изъ сопровождающихъ караванъ, во время движенія его, постоянно дулъ въ раковину (дунъ); звуки этой раковины также будто бы имѣютъ магическую силу отгонять шитхуровъ (чертей) и служителей Эрлыкъ-хана.

Присосѣдившись къ намъ попить чайку (цайлаха), монголы, сопровождающіе караванъ, попросили у насъ пороху и соли, причемъ передали намъ недобрыя вѣсти, что будто бы въ верховьяхъ Буксоя, а особенно близь береговъ оз. Сангинъ-далай «неспокойно»: раззорившіеся вслѣдствіе надежа скота монголы, принялись за грабежъ, такъ что кочевьями Джазасанскаго хашуна далеко таки небезопасно ѣздить.

---

*) Морешки искаженное монгольское слово *морѣ*—конь. Нужно замѣтить, что тунгане много ввели въ свой лексиконъ монгольскихъ словъ, причемъ по обычаю исказили ихъ на свой ладъ.

*) *Барахло*. Отъ *Бора*—товаръ, отсюда произошло и наше русское названіе сбора всякаго хлама—барахломъ.

Вслѣдъ за монголами торговцами къ огнищу нашему подскакала еще одна «парочка» разфранченныхъ монголовъ. Парочка эта была—Ноенъ-Хянъ и его жена. Хянъ еще молодой человѣкъ съ бойкой и плутоватой физіономіей, юркій и говорливый до надоѣдливости. Жена хяна молодая очень красивая женщина и, въ противуположность со своимъ сангвиникомъ мужемъ, молчалива, апатична. Супруги разодѣты были въ ярко-голубаго цвѣта шелковые дегылы. Нужно замѣтить, что чинъ «Хянъ» равняется нашему коллежскому регистратору. Хяну, какъ знакъ его чиновности, присвоено право носить на верхушкѣ шапки стеклянной прозрачный шарикъ. Нашъ коллежскій регистраторъ, по крайней мѣрѣ предъ людьми незнакомыми, ведетъ себя чинно, солидно, изъ важности «плюетъ, какъ говоритъ пословица, чрезъ губу» и спѣсь его вошла въ пословицу: «чинъ на грошъ, да чванства на рубль»; Нашъ же знакомый хянъ, напротивъ, ко всему старается показать «веселую» небрежность; разговаривая, каждую фразу сопровождаетъ насвистываніемъ какой то веселой волчьей аріи, вертится, говоритъ безъ умолку и, что очень жаль, безъ толку. Прежде, чѣмъ поздороваться съ нами, Хянъ высоко поднялъ свои руки и съ силою опустилъ ихъ на мои плечи. Кстати замѣтимъ, что монгольскій обычай привѣтствовать другъ друга при встрѣчѣ состоитъ не въ пожатіи руки, какъ у европейцевъ, а младшій долженъ взять старшаго за локти рукъ, если ужь очень большой ноенъ, то прикасаются къ колѣнамъ, а не то падаютъ ницъ.

Встрѣтившійся съ нами хянъ былъ женатъ на дочери Догунскаго князя и теперь ѣхалъ къ нему на свадьбу; тесть его выдавалъ замужъ младшую дочь, сестру жены хяна. Натрещавъ безтолку всякой чепухи о пышности предстоящей свадьбы, хянъ, продолжая безъ умолку насвистывать, помчался въ ставку князя, что на берегу р. Буксоя, куда и мы ѣхали.

Вслѣдъ за ханомъ и мы, послѣ трехъ часоваго отдыха, снялись съ мѣста и тронулись въ путь, торопясь поскорѣе доѣхать до долины р. Буксой.

Отъ мѣста стоянки дорога пошла логомъ распадка. Вскорѣ мы прошли мимо «мани», близь котораго видны были брошенныя огнища стоявшихъ когда то тутъ юртъ. Странно, что въ такомъ удобномъ для кочевки мѣстѣ, какъ распадокъ Талайн-булукъ, заросшимъ лучшей, какая только лишь можетъ быть, травой, не видно ни зимнихъ хашановъ, ни лѣтнихъ юртъ, не бродитъ также нигдѣ и скотъ.

Не вдалекѣ отъ «мани» дорога проходитъ мимо горы *Асхате-ула*. Среди другихъ возвышенностей Асхатей - ула выдѣляется своею конусообразной верхушкой, на западномъ своемъ склонѣ поросшей лиственичнымъ лѣсомъ. Начиная отъ подошвы Асхатей - улы, распадокъ Талайн-булукъ расширяется и дальше уже обращается въ довольно широкую долину, центромъ которой и идетъ дорога. Отъ Асхатей-улы открывается видъ на долину р. Буксой, но не весь ея объемъ, такъ какъ предгорья Улы, сдѣлавъ загибъ къ юго-востоку, нѣсколько скрываютъ видъ. У самой подошвы Асхатей-улы есть остатки китайскихъ городищъ (кергесе чило) въ числѣ пяти кучъ: двухъ большихъ съ круглой оградой и трехъ малыхъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ главныхъ кучъ. Отъ китайскихъ городищъ, дальше къ югу, долина, раньше нѣсколько сжатая подошедшими съ сѣверо-востока горами, обращается въ широкую равнину, версты въ двѣ шириною—это слѣдствіе того, что боковыя ея горы отодвигаются одни на востокъ, а другія на западъ. У входа въ долину р. Буксой на западной сторонѣ устья равнины Талайнъ-Булукъ, расположено шесть лѣтнихъ юртъ монголовъ и стоитъ Урто (почтовая станція). Вокругъ юртъ, свидѣтельствуя о зажиточности номадовъ, бродитъ много скота, табуны лошадей и отары овецъ. Подъѣзжая къ юртамъ, мы увидѣли долину рѣки Буксой во всемъ ея объемѣ. Но было уже слишкомъ поздно—именно около девяти часовъ вечера, такъ что трудно было разсмотрѣть перспективу долины. Она, покрытая вечернимъ сумракомъ, казалась менѣе широкой, чѣмъ прибрежье р. Делгиръ-мурина, Муринго-хашу, хребетъ же, идущій вдоль праваго берега р. Буксой, казался точно также, какъ и Эрчи-нуръ. Хребетъ береговъ Буксоя, монголы называютъ Зосо (серебряный) и тянется онъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ.

Не болѣе какъ чрезъ версту разстоянія отъ китайскихъ городищъ, что у подошвы Асхатей-ула, намъ вновь встрѣтились кучи кергесе-чило, но къ сожалѣнію было темно и я осмотръ ихъ долженъ былъ отложить до завтрашняго дня. Остановиться же близь кергесе-чило нельзя было, такъ какъ онѣ расположены были на возвышенной, усѣянной камнями площадкѣ, да и воды близь нихъ не было и мы продолжили путь къ берегамъ р. Буксой.

Послѣ спуска съ площадки кергесе чило мы не вдолгѣ перешли въ бродъ чрезъ рѣку *Зунай-голъ*, впавшую слѣва въ р. Буксой. Было уже совсѣмъ темно и мы волей неволей, не исполнивши своего намѣренія — ночевать на берегу Буксоя, остановились на болотистомъ сыромъ прибрежьи р. Зунгай-голъ.

Сыро... холодно... лѣсу близко нѣтъ... къ счастью предусмотрительный Степанъ взялъ съ собою съ верховьевъ Талайнъ-Булука два полѣна, ихъ то мы, расколовъ, и развели огонь, чтобы прежде всего обогрѣться. *Да - обогрѣться*, не смотря *на двадцатое іюля*, вечеръ былъ до того холоденъ, что я такъ замерзъ, что по пословицѣ зубъ на зубъ не попадалъ; руки и ноги просто окоченѣли. Подъ вліяніемъ холода и голодъ не заявлялъ своихъ правъ.

Въ заключеніе сегодняшняго дня упомянемъ о теченіи р. Талайнъ булукъ, внизъ по которой мы спустились въ долину рѣки Буксой.

Начиная съ самой вершины, русло р. Буксой едва замѣтно, маловодно; со средины значительно увеличивается, наполняется водой, но вода не доходитъ до долины р. Буксой и за Асхатей-улой теряется въ равнинѣ, вода уходитъ въ землю, да и само русло сглаживается.

Весь сегодняшній переходъ—отъ берегоѣъ Мурина до долины р. Буксой, мы, не считая остановокъ сдѣлали въ теченіе девяти часовъ. Кстати замѣтимъ, что этой же дорогой китайцы ѣздятъ и на телѣгахъ. Затрудненіе представляется только въ верховьяхъ ущелья р. Акта-Саганъ-бургасанъ.

ЮРЮНГЪ-УОЛАНЪ (1)

ЯКУТСКАЯ СКАЗКА.

—

ЧАСТЬ I-я.

Юрюнгъ-Уоланъ.

Выше неколеблющейся широкой бездны, ниже семислойнаго, девятикольцаго неба (2), на самомъ срединномъ мѣстѣ (3)—пупѣ земли, на самой тихой части земли съ неубывающей луной (4), незаходящимъ солнцемъ, беззимнимъ лѣтомъ, неумолкающей кукушкой (5), былъ (6) Юрюнгъ-Уоланъ. «Еслибъ я съ неба свалился, то на мнѣ былъ бы снѣгъ-куржакъ, инней-роса; если бы я пришелъ сюда съ юга-сѣвера, съ востока-запада срединнаго мѣста—на мнѣ были бы замѣтны части деревьевъ и травъ, я пахнулъ бы вѣтромъ — вѣтерками (7); еслибъ я вынырнулъ изъ преисподней, то на мнѣ была бы пыль-земля», думалъ онъ и не зналъ онъ, откуда имѣлъ корень-начало (8), съ которой стороны явился сюда.

Сталъ осматриваться кругомъ: «какое такое мѣсто-жилище мое? (9)»

(10) Съ восточной стороны покато поднималась долина, на которой кучками росли купы березника, похожія на толпу дѣвушекъ на какомъ-нибудь праздникѣ, которыя, держась за руки и идучи, гуторили межъ собой: «тотъ человѣкъ красивъ, этотъ красивъ, тотъ лучше, этотъ лучше» и, вдругъ, сказавши: «ой, дѣвоньки! ужь не подслушалъ-ли насъ кто...» выпустили руки другъ у друга и, какъ бы ни въ чемъ не бывало, разбредаются въ разныя стороны. Ближе этой долины, на срединѣ обширной оловянной (11) поляны стоялъ большой, важный (12) курганъ, точно опрокинутая деревянная чашка якута человѣка (13). На этомъ курганѣ росло важное дерево «Улу-аръ-кудукъ-масъ» (14), съ прозрачной, душистой смолой, несохнущей и нетрескающейся корой, серебряной мязгой, съ узорчатой листвой, никогда неблекнущей, съ шишками, какъ ряды опрокинутыхъ чороновъ (15) якутовъ—людей. Вершина этого дерева, выросши сквозь семислойное небо, стояла главной коновязью—столбомъ (16) у Юрюнгъ-Ан Тоена, а корни тянулись изъ самой преисподней, гдѣ

служили столбами жилища существъ, имѣющихъ ротъ подъ кадыкомъ ([17]). Своими листьями, дерево это вело разговоры съ небесами, летающими крылатыми птицами и вольно-летающими вѣтрами.

Повернулся Ю. У. на югъ и сталъ смотрѣть: за обширными полями—выгонами, лугами покосами, на срединѣ широкаго зеленаго поля лежало не подергивающееся рябью, не волнуемое вѣтромъ молочное озеро съ творожными болотами по краямъ.

Повернулся онъ на сѣверъ: черный лѣсъ шумѣлъ день и ночь, а въ лѣсу этомъ, видимо для глазъ, водился всякаго рода бѣгуще-четвероногій. По краю лѣса, пни и вывороченные корни, точно сборище медвѣдей, выворачивающее камни, чтобы промыслить подъ ними муравьевъ—были разбросаны тамъ и симъ. За лѣсомъ стояли высокія горы въ бѣлыхъ заячьихъ шапкахъ, упершіяся въ небеса и защищали это мѣсто отъ холодныхъ дыханій и вѣтровъ.

Повернулся Ю. У. къ западу. Росли мелкіе кустарники ерника, похожіе на расходившихся тунгуськихъ шамановъ, или разсорившихся изъ-за подойника бабъ, съ растрепанными волосами. За ними росли высокія ели, ощетинившія свои иглы, точно ощерившіеся и готовыя броситься на врага медвѣди. За лѣсомъ поднимались туповерхія горы, стоящія особнякомъ, тотно готовыя бросится другъ на друга быки—пороза.

«Птица имѣетъ гнѣздо, звѣрь—логово и нору, а у меня нѣтъ жилища», сказалъ Ю. У.

Выбѣжалъ Ю. У. въ темный шумящій лѣсъ и, срубивъ тамъ четыре почтенныхъ дерева, обтесалъ, обрубилъ ихъ и, притащивъ на средину поля, въ четырехъ мѣстахъ въ землѣ продавилъ ступней четыре глубокія ямы и воткнулъ туда четыре столба, сказавши: «то будутъ четыре угла моего дома». Изъ того же лѣса срубилъ, обтесалъ, обрубилъ онъ четыре балки, которыя положилъ на столбы, а на нихъ—двѣ матицы. Выбѣжалъ Ю. У. въ свой мелкій молодой лѣсъ и, какъ быстрая рѣка, въ весенній разливъ, сносятъ мелкій хворостъ, срубилъ и притащилъ къ столбамъ кучу лѣса, изъ котораго покрылъ потолокъ, — «чтобы дождемъ не мочило, снѣгомъ не заваливало», поставилъ стѣны— «чтобы проходящій вольный вѣтеръ не продувалъ» и настлалъ полъ, на которомъ не могъ бы держаться на ногахъ семилѣтній мальчикъ—такъ онъ былъ гладокъ.

«Весеннее мое солнце, кажись, съ этой стороны всходитъ», сказалъ Ю. У. и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная—выходная дверь ([18]). «Чтобы солнце не обдѣляло меня свѣтомъ, когда оно ходитъ по небу», сказалъ Ю. У. и пробилъ въ стѣнѣ нѣсколько окошекъ.

«Чтобы вѣтеръ, дождь и снѣгъ, лѣтняя жара и зимній морозъ не проходили въ домъ», Ю. У. на потолокъ и стѣны настлалъ слой сѣна, а сверху насыпалъ сыпучаго бѣлаго песку въ одну сажень толщиной.

По срединѣ избы поставилъ Ю. У. изъ неочищенныхъ жердей, «чтобы глина лучше держалась», остовъ комелька, обмазалъ его до низу сверху толстымъ слоемъ бѣлой горшечной глины. Выбѣжалъ онъ въ свой сухой лѣсъ и, притащивъ оттуда девять сухихъ еловыхъ деревъ, затопилъ ими комелекъ, «чтобы обмазка высохла». Бросилъ онъ въ огонь ложку масла, кусокъ сала, брызнулъ туда кумысу([19]) и сталъ смотрѣть: «откуда корень начало имѣетъ мой *Ал-уотъ*» ([20]) и докуда доходитъ?».

Хранилъ его огонь «Уотъ иччитя»([21]), духъ огня, кушающій сырое дерево, имѣющій пепельную постель, раскаленный уголь—подушку, мелкій уголь—одѣяло, дымъ—дыханіе, шапку—изъ заячьихъ головокъ, ошейникъ — шеекъ, рукавицы — переднихъ лапокъ, торбасы—заднихъ лапокъ и шубу и даху изъ заячьихъ шкурокъ. *Уотъ иччитя* былъ совсѣмъ, совсѣмъ старъ и постоянно спалъ.

Тепло огня Ю. У-на прошло чрезъ семислойное небо и сдѣлало на томъ мѣстѣ такую хорошую, тихую и теплую погоду, что обитатели седьмаго неба, родичи (*аймахъ*) *Юрюнъ-Ан Тоена* ([22]) рѣшили, что «коли съ средняго мѣста» (земли) идетъ такое тепло, такъ значитъ огонь у нихъ топится и перестали обращать вниманіе на землю.

Прогрѣвши шестокъ и толстый слой матери земли, тепло огня Ю. У-на проходило въ мрачную преисподнюю, жилище народа какъ тѣнь, къ восьми-

погимъ *аджарай* (23), гдѣ небо ни свѣтло, ни мрачно, а мутно какъ карасья уха, гдѣ полсолнца, полдуны, точно половинки хамыяха (24) на муку-мученье еле-еле давали тусклый свѣтъ. На этомъ мѣстѣ, тепло огня Ю. У-на прогрѣло потолокъ жилища — ледянаго кургана — господина и госпожи «Аллярхай терьде» — «корень — начало бѣдъ» и попало на темя ихъ. Отъ этого тепла они стали дремать, упершись лбами на поставленныя передъ собой кривыя винтообразныя трости; стали дремать и заснули, а потъ, выступавшій съ ихъ лба, падалъ каплями на землю и, замерзая, выросъ до того, что тоже подпиралъ ихъ лбы. Народъ ихъ тоже сталъ дремать отъ тепла и бездѣйствія; и вотъ отъ этого перестали появляться на землѣ бѣды-несчастія.

Кругомъ, у стѣнъ, въ избѣ Ю. У. положилъ хвастливыя нары съ дерзкими изголовьями (25). По стѣнамъ, для вѣшанія платья, воткнулъ онъ колышки, похожія на перелетныхъ птицъ съ выгнутыми шеями.

Вокругъ дома Ю. У. огородилъ дворъ изъ бѣлыхъ прялъ, а по среди двора воткнулъ три столба — коновязи: первая ворчала какъ баръ-кылъ (26), средняя по бычачьи мычала, а послѣдняя по кукушечьи куковала. Около столбовъ коновязей настлалъ помостъ, на которомъ было въ пору держаться только 3-хъ годовалому жеребцу.

«Какой у меня скотъ?» подумалъ Ю. У. и сталъ смотрѣть: Было у него скота безъ числа и между ими: *Ан огото атыръ* (божье дитя жеребецъ), Кюнь кюбий хатынъ бе (солнце кюбий (27) госпожа кобыла), Тоенъ тайболунъ огусъ (господинъ коротконогъ — быкъ) и Ый-ыдалынъ ыпахъ (луна толстобрюхая корова). А конь его, въ переѣздъ длиной, въ переходъ толщиной (28), съ гривой и хвостомъ въ семь переѣздовъ длиной — бѣгалъ въ полѣ, на волѣ.

«Кто у меня въ домѣ — семья?» подумалъ Ю. У. и сталъ смотрѣть: была у него младшая сестра съ трехсаженной косой, *У-нальсха тыннахъ, ытыкъ* (съ дыханьемъ, какъ тихая вода, почтенная) *Нурулланъ-ко* (29) *удаганъ* (30) и старуха коровница — Силяхсинь-эмясхинь (31). Болѣе никого не было.

«Если Юрьгяль (32) будетъ дуть — заткну», подумавши, Ю. У. сдѣлалъ себѣ рукавицы изъ тридцати волчьихъ лапъ и повѣсилъ ихъ на колышекъ.

«Если съ нижняго мѣста поднимется бѣдой вонючій родъ (33), то накрою ступней», подумавши, Ю. У. сшилъ себѣ изъ камысовъ тридцати сахатыхъ торбасы (34) и повѣсилъ ихъ на колышекъ.

«Если задуютъ вѣтры — морозы съ юга-сѣвера, съ востока-запада — заслоню спиной», подумавши, Ю. У. сшилъ себѣ доху изъ тридцати волчьихъ шкуръ и повѣсилъ на колышекъ.

Однажды раннимъ утромъ Ю. У. слышитъ-ли во снѣ или на яву сквозь тонкій сонъ — отголосокъ отдаленнаго пѣнія.

«Именитый Ю. У.! посмотри ты кругомъ себя: на твоемъ полѣ жеребцы твои кобылъ имѣютъ; въ твоихъ хотонахъ (35) быки — съ коровами; всѣ бѣгающія четвероногія — съ самками, всѣ летающія по поднебесью крылатыя — съ парами; плавающія въ водѣ рыбы — стадятся, копающіеся и ползающіе по землѣ и въ землѣ черви и всякіе гады тоже водятся съ себѣ подобными. Всѣ они нарождаютъ дѣтей себѣ подобныхъ. Только ты одинокъ и спишь день и ночь какъ какая нибудь лѣнивая дѣвка. А тебѣ-ли не найти себѣ подъ пару? Дѣвокъ на срединомъ мѣстѣ больше, чѣмъ рыбы кыкынай (36). Вотъ, если ѣхать по направленію весенняго восхода солнца, доѣдешь до *Хань-хара-ханъ Тоенъ'а* и *Хань-хара-ханъ Хатынъ'а* (37); у ихъ дочь краше всѣхъ солнцемъ виданныхъ. И она у ихъ точно глазъ смотрящій, точно зубъ, который жаль и больно выбить (38). Поѣзжай туда и возьми ее, если ты мужчина, *а не дѣвка, обсывающая себѣ ноги* (39). И звукъ пѣнія смѣшался съ утреннимъ пѣніемъ мелкихъ пташекъ (40).

Очнувшись, или разбудившись, Ю. У. сначала страшно разсердился: «кто осмѣливается безпокоить меня въ моемъ домѣ (41), указывать мнѣ дѣлать то или другое и звать меня куда-то, указывать на какую-то дѣвку?». Потомъ одумался и сталъ собираться въ дорогу.

Вышелъ онъ въ поле и поймалъ свою вольнобѣгающую бѣлую лошадь, вывелъ ее и привязалъ

ее къ главной коновязи, «пусть вывяжется, высохнетъ (42)», подумалъ.

Поймалъ онъ одну семь лѣтъ не жеребившуюся кобылу, убилъ ее и мясо ея превратилъ въ маленькій кусокъ, помѣщающійся въ сумку съ дорожнымъ котелкомъ.

Спустился онъ въ молочное подполье и изъ семи бадей сметаны сдѣлалъ небольшой симиръ (43) масла. Послѣ этого самъ онъ цѣлый мѣсяцъ примѣрялъ къ себѣ платье и оружіе: стоя, сидя, лежа, на ходу. Все оказалось въ порядкѣ: лукъ его не могли бы согнуть, а тетиву (44) ея выгнуть тридцать сытыхъ парней—молодцовъ; наконечникъ стрѣлы (45) былъ въ три пуда; на пальмѣ (46), закаленномъ въ мочѣ девяти дѣвокъ, девятью разными кузнецами, отражались губы и зубы юноши человѣка, а *чомно сюлюгясь* (47) былъ въ сто пудовъ вѣсомъ.

Когда минуло тридцать дней мѣсяца, онъ попробовалъ прорѣзать острой пальмой ляжку коня—кровинки не показалось. «Значитъ, конь мой вывязался», подумалъ Ю. У. и, осѣдлавъ коня, перетянулъ его четырмя захлестывающимися подпругами. Кончивъ всѣ приготовленія и, одѣвшись, Ю. У. пошелъ къ своему кургану, подошелъ къ почтенному дереву, ведущему бесѣду съ небесами и вѣтрами, поднялъ уши своей шапки (48), опустился на одно колѣно, оперся о воткнутую въ землю остреемъ внизъ пальму и сталъ такъ пѣть—говорить:

«Почтенная и важная госпожа, духъ-хозяйка моего дерева и жилья! Все живое имѣетъ пару — плодитъ себѣ подобныхъ; только я одинокъ. Хочу я ѣхать и отыскать себѣ подходящую пару, хочу помѣряться силой съ себѣ подобными, хочу посмотрѣть на людей, хочу жить, какъ слѣдуетъ человѣкомъ быть. Не откажи мнѣ въ своемъ благословеніи, умоляю тебя съ наклоненной, покорной головой и преклоненнымъ колѣномъ (49).

Дерево зашелестѣло своими листьями и съ нихъ свѣжій, мелкій молочный дождикъ оросилъ Ю. У-на. Подулъ теплый вѣтерокъ и дерево заскрипѣло. Поскрипѣло, поскрипѣло дерево—и у корня его, изъ подъ земли, вышла до пояса хозяйка—духъ дерева и мѣста, женщина среднихъ лѣтъ, съ серьезными глазами, распущенными волосами и обнаженными грудями. Она дала Ю. У-ну пососать правую грудь; онъ за одинъ духъ вытянулъ столько молока, что у ней поблѣднѣли щеки. Дала она лѣвую грудь—и у ней стали синѣть губы; она оттолкнула Ю. У-на рукой въ лобъ, сказавъ: «ой, мальчикъ, остановись, довольно!» Ю. У. почувствовалъ, что силы его увеличились во сто разъ. Затѣмъ хозяйка—духъ земли и дерева благословила Ю. У-на. «Пусть огненные глаза да не взглянутъ противъ тебя; пусть стрѣлоязычные да не взглянутъ противъ тебя; пусть стрѣлоязычные не попадутъ въ тебя своимъ злымъ словомъ; пусть огонь тебя не ѣстъ (не жгетъ), широкая вода не беретъ, камень не тупитъ, остро-лезвейное не колетъ, не рѣжетъ. Побѣди ты всѣхъ своихъ враговъ и супротивныхъ. Пусть домъ твой имѣетъ хозяйку, дѣти твои—гнѣздо, скотъ твой—огорожу и хотоны, а почтенный огонь — горитъ, не угасая». Сказавши эти слова, женщина исчезла подъ землей.

Ю. У. шелъ сюда по землѣ, какъ всякій другой, а теперь, отъ увеличившейся силы, земля его не поднимала: онъ бродилъ какъ по мягкой грязи, по колѣно уходя въ землю.

Какъ черная тетерька вскочилъ онъ на лошадь, схватилъ поводья и повернулъ лошадь на лѣтній восходъ солнца. Въ это время, сестра его, Нурулланъ-ко, бросилась подъ рыло лошади, схватила за поводья и стала со слезами говорить такія рѣчи.

«Не уѣзжай голубчикъ, родной мой! Если безъ тебя кто либо вздумаетъ обидѣть меня—бѣгающій, летающій, видимый, невидимый — кто защититъ меня? Кто приведетъ за ноздрю сахатаго, привяжетъ къ ногамъ своимъ дикаго оленя, накормитъ меня дичью? Кто упромыслитъ множество соболей, рысей и одѣнетъ меня? Кто будетъ смотрѣть за нашимъ скотомъ, станетъ поить, кормить его? У меня сердце безпокоится, предчувствуетъ, что ты встрѣтишь много горя и несчастія. Не ѣзди, не ѣзди—не пущу я тебя пока жива»!

Ю. У. до крови хлеснулъ свою лошадь плетью и лошадь, взвившись на дыбы, полетѣла. Нурулланъ Ко, повисши за поводья, тоже летѣла вмѣстѣ нѣкоторое время, но кожа съ ея десяти пальцевъ, какъ перчатки, снялась съ рукъ и повисла на поводьяхъ,

а она осталась. Ю. У., увидавъ на поводьяхъ кожу съ бѣлыхъ рукъ Нурулланъ-ко, снялъ ее и положилъ себѣ въ карманъ.

Выѣхавъ на край своего мѣста, гдѣ начинаются голыя каменныя горы и откуда его мѣсто казалось какъ серебряный кружокъ—тусахта([50]) женщины человѣка—Ю. У. повернулъ свою лошадь и сталъ говорить.

«Анъ([51]) дайдымъ (міръ—мѣсто мое)—прощай! ([52]) не отпирай запертаго, не отвязывай завязаннаго, не туши зажженнаго».

И поѣхалъ онъ дальше. Конь его дѣлалъ по одному переходу за каждый прыжокъ; заденетъ онъ онъ за кустъ, за траву, за дерево—все это запѣвало, завывало, причитало на разные голоса людей и животныхъ; стопчетъ конь гнилушку, сдвинетъ камешокъ—тоже и они поютъ, хохочутъ и плачутъ.

Ѣдетъ онъ день и ночь, долго-ли коротко-ли, угадывая лѣто по зною, зиму по морозу, осень по инею, весну по сырости. Доѣхалъ Ю. У. до такого мѣста, что ни въ право, ни въ лѣво, ни впередъ—высокія скалы обступили стѣной, да такія высокія, что ни птицѣ чрезъ нихъ перелетѣть, ни когтистому четвероногo-бѣгающему чрезъ нихъ перебраться. Остановился Ю. У., вырвалъ изъ гривы коня три волоса и со словами: «Духу-хозяину камня-горы да будетъ это мой гостинецъ-подарокъ!»—бросилъ передъ собой. Волосинки превратились въ трехъ кобылицъ и—откуда ни возьмись—три волка напали на нихъ и растерзали, а горы раздались по сторонамъ и открыли ему дорогу([53]).

Ѣдетъ Ю. У. дальше, долго-ли коротко-ли, только вдругъ конь его останавливается какъ вкопанный и говоритъ ему человѣческимъ говоромъ:

«Свыше назначенный мнѣ хозяинъ (иччи) мой! Скоро мы доѣдемъ до одной небольшой избушки; тамъ три дѣвушки—женщины будутъ зазывать тебя; но ты, если дорогъ тебѣ солнца свѣтъ, не только не соглашайся останавливаться и заходить къ нимъ, а даже краемъ глаза не гляди на нихъ—проѣзжай дальше. Иначе мы потеряемся съ солнечнаго свѣта([54])».

Ѣдетъ Ю. У. дальше; и вотъ на пути его стоитъ небольшая, серебреная избушка, изъ которой вышли три дѣвушки необыкновенной, не передаваемой словами красоты и, красиво выступая, стали ему пѣть говорить:

«Путникъ-человѣкъ! Съ долгой дороги, съ труднаго пути, ты, вѣроятно, утомился, проголодался, пить захотѣлъ, продрогъ, оборвался... Остановись, зайди къ намъ! У насъ, у дѣвушекъ, избушка тепла—отогрѣемъ тебя; кумысъ вкусенъ и прохладенъ—напоимъ тебя; сварить жирное мясо съумѣемъ—накормимъ тебя; умѣемъ мы шить—зашьемъ, заплатаемъ оборванное; у насъ, у дѣвушекъ, постель мягка—отдохнешь, а мы сами ласковы, наши груди теплы—понѣжимъ, приласкаемъ тебя! Заходи, заходи»!

«Какія, однако, они ласковыя»! подумалъ Ю. У. и остановилъ коня. Одна изъ дѣвушекъ приняла его коня и передала его какой-то четвертой дѣвкѣ и, въ то время, какъ его двѣ дѣвушки вели подъ руки къ избушкѣ, онъ краемъ глаза замѣтилъ, что коня его дѣвка привязываетъ къ сухому, суковатому дереву такъ, какъ это дѣлаютъ только въ томъ случаѣ, когда собираются убить животное. Но въ тоже время онъ услыхалъ за собой укоризненный говоръ одной изъ дѣвушекъ: «никакой-то ты работы не сдѣлаешь путно: развѣ такъ привязываютъ коней почетныхъ гостей? и мы же будемъ виноваты за то, что говоримъ тебѣ, и насъ-же осудятъ за твою неумѣлость! Пошла прочь—я сама перевяжу»! Это успокоило Ю. У-на. Подвели его дѣвушки къ избушкѣ, распахнули передъ нимъ дверь. Ю. У. переступилъ порогъ и—провалился въ бездну. За нимъ раздались рукоплесканія и хохотъ дьявольщицъ: «Кажись еще одного бѣло-лицаго (уланъ-нюрдахъ) залучили въ свою бездну»!

Долго несло Ю. У. внизъ головой и, наконецъ, онъ хлопнулся на дно. Было тутъ темнѣе осенней ночи въ междулуніе, но онъ ощупалъ тутъ нѣсколько человѣческихъ труповъ. Ю. У. снялъ съ себя даху, послалъ ее, подложилъ подъ голову шубу и легъ, накрывшись половиной дахи.

Нурулланъ-Ко во снѣ увидала, по примѣтамъ угадала, что съ братомъ ея, Ю. У-номъ случилось несчастіе([55]). Она взяла бубенъ, ударила по нему, сѣла на него и прилетѣла на мѣсто, гдѣ провалился

Ю. У. Ни избушки, ни дѣвокъ-дьяволовокъ не было, а только стоялъ конь Ю. У-на, иступившій до мяса свои каменныя копыта, подрывая, дьявольское желѣзное дерево, потерявшій всѣ зубы, перегрызая его, и вѣсь опаленный чертовками, которыя пытались его сжечь своимъ дыханіемъ. Узнавши въ чемъ дѣло, Н. Ко отвязала коня и пустила его на волю, а сама сѣла на бубенъ, ударила по нему три раза, сказавши: «еслибъ ты меня вознесъ къ отцу-матери господамъ Юрюнь-Ан»! и вылетѣла на верхъ, сквозь семислойное небо, къ отцу своему—Ють - Тасъ - Олбохтохъ Юрюнгъ-Ан-Тоен'у».

Ю. А. Т. сидѣлъ у себя въ домѣ, рядомъ со своей старухой «Кюбяй маганъ-хатынъ». Упала передъ ними на колѣни Нуруланъ Ко и стала плакать такія рѣчи.

«Сначала днемъ (56) ты спустилъ на землю старшаго брата моего Ю. У-на и меня, сказавъ: плодитесь на срединномъ мѣстѣ, умножьте двуногихъ, воспитывайте скотъ, пусть огонь вашъ не тухнетъ, дѣти ваши будутъ съ гнѣздами, кобылы и коровы—съ огорожами и хотонами. Чтобы исполнить твое повелѣніе и благословеніе, мой братъ, Ю. У., поѣхалъ искать себѣ равную и попалъ въ бѣду: дьявольскія дѣвки хитростью и вѣроломствомъ заманили его и бросили въ бездну. Изъ такой бездны можно его вытащить только тетивой изъ твоихъ серебряныхъ волосъ. Не дай погибнуть моему брату, твоему дѣтищу, не дай твоей плоти и крови на посмѣяніе дьяволамъ, на съѣденіе червямъ и гадамъ! Дай два—три волоса съ твоей головы!»

Страшно разсердился старый Ю. А. Тоенъ, застучалъ по полу своей, серебряной съ побрякушками, тростью и сказалъ: Развѣ я для того поселилъ его на среднее мѣсто, чтобы онъ тамъ бѣгалъ за каждой встрѣчной дѣвкой и, послушавшись ихъ пустой болтовни, проваливался въ какія то ямки? Пусть его выпутывается, какъ знаетъ, а я не дамъ рвать своихъ волосъ! Убирайся съ моихъ двухъ глазъ долой!» (57)

Заплакала старая Кюбяй-маганъ-хатынъ и сказала: «Давайте, дѣвки, мнѣ одѣваться—я пойду!».

— «Куда ты», спросилъ старикъ.

— «А туда, гдѣ погибаютъ мои дѣти! Тебѣ вотъ жаль для спасенія своего дѣтища дать два-три волоска съ головы, которые каждый день, быть можетъ, десятками счесываются гребнемъ и бросаются куда ни попало, топчутся ногами всякаго. А мнѣ жаль моихъ дѣтей! Ты не носилъ ихъ подъ сердцемъ десять мѣсяцевъ, не болѣлъ родами, не кормилъ, не питалъ бѣлымъ сокомъ своего тѣла, не отогрѣвалъ ихъ на своей теплой груди, не поддерживалъ ихъ, когда они еще не умѣли ходить. Тебѣ не жаль! Ишь ты какой! Спустилъ дѣтей ни вѣсть въ какое то серединное мѣсто, гдѣ люди живутъ пополамъ съ чертями, да и горя ему мало! Ужь чѣмъ мнѣ *вѣчно* жить съ тобой, выжившимъ съума старикомъ, лучше я спущусь на срединное мѣсто и тамъ умру съ своимъ дѣтьми—по крайнѣй мѣрѣ не буду знать, что дѣти мои умерли, что жизнь ихъ не продолжается въ жизни ихъ дѣтей».

«Стой, старуха! поймалъ ее за полу Ю. А. Т., куда тебѣ, старой, идти *въ пыльное* (58) и холодное мѣсто... ну, ужь нечего дѣлать, обратился, онъ къ Нуруланъ Ко, возьми три волоса съ моей головы—не больше, а то видишь, мать твоя совсѣмъ съума спятила!».

Зашла Н. Ко за спину Ю. У. Т-на, мигнула своимъ братьямъ и сестрамъ, тѣ подбѣжали и общими силами, намотавъ на руки большую прядь серебряныхъ волосъ Ю. А. Т-на, и упершись ему ногами въ спину — вырвали ихъ совсѣмъ съ кожей и мясомъ.

«Ой!» крикнулъ Ю. А. Т., «ты кажется цѣлый клокъ вырвала? ну вотъ я же тебя!» И поднявъ свою серебряную трость, онъ погнался за Н. Ко, но, добѣжавъ до средины поля, запыхался, закашлялся старый и вернулся домой, не догнавъ Н. Ко, а та сѣла на бубенъ и спустилась на среднее мѣсто (59).

Свила Н. Ко изъ волосъ Ю. А. Т-на длинную тетиву и, привязавъ на конецъ ея камень, спустила въ бездну. Стукнулся камень прямо въ лобъ Юрюнгъ-Уолана и пробудилъ его отъ дремоты. Схватилъ онъ за тетиву и только что собрался подняться по ней, какъ изъ подъ него поднялся кто-то и сказалъ: «я тоже двуногій и меня тоже хитростью

осьминогихъ завлекли и сбросили сюда: будь милостивъ—возьми меня съ собой—я отплачу тебѣ въ трудное время». Ю. У. согласился. И они по тетивѣ поднялись на срединное мѣсто. Первымъ поднялся Ю. У., оглянулся и передъ нимъ очутился и завертѣлся волчкомъ трехъ-гранный каменный человѣкъ.

«Соболь между якутовъ, конь между человѣками (60), свѣтлосердый и чистодумный Юрюнгъ-Уоланъ! благодарю тебя за твою помощь! но и я, когда нибудь, пригожусь тебѣ. Если тебѣ нужна будетъ помощь, ты только скажи: «гдѣ бы ты ни былъ—летаешь ли по поднебесью, ныряешь-ли подъ землей, плаваешь-ли въ водахъ съ рыбами, на концѣ-ли середняго мѣста — будь здѣсь во мгновеніе ока, Кытыграсъ-бараччи (61), насталъ мой смертный часъ!» (62) и я тутъ же буду, прощай. Сказавъ это, Кытыграсъ-бараччи обернулся въ огромнаго, затемняющаго полнеба, трехголоваго орла и улетѣлъ, скрылся съ глазъ въ густыхъ облакахъ.

Между тѣмъ лошадь Ю. У-на выходилась, оправилась: зубы, копыта и шерсть отросли снова, но силъ у ея никакихъ не было. И сказала Ю. У-ну, который и самъ едва держался на ногахъ: «у меня въ правомъ ухѣ спрятано «*Ю. А. Тоенъ-сюлюля*» (63) величиной съ яички *арлыэсъ-кусъ* (64). Вынь его, самъ поѣшь, помажься и меня накорми, помажь». Ю. У-нъ сдѣлалъ, какъ сказано, и у него и у лошади силъ прибыло больше прежняго.

Ѣдетъ онъ дальше и видитъ: на срединѣ обширнаго прекраснаго поля стоитъ домъ, а на пряслахъ огороди сидятъ три дѣвушки—красавицы и подшиваютъ подошвы къ торбасамъ. Увидали они Ю. У-на и поютъ:

«Именитый, славный Ю. У.! Мы знаемъ, что ты ѣдешь искать *парную* (65) себѣ и не думаемъ, чтобы которая нибудь изъ насъ была достойной тебя. Но вѣдь солнце своимъ свѣтомъ и тепломъ никого не обдѣляетъ, хотя и ходитъ по синему небу. Такъ и ты не обдѣли насъ своей добротой и красотой, чтобы было намъ на старости чѣмъ вспомнить молодость. Остановись, зайди къ намъ, поѣшь, отдохни, побесѣдуй, поиграй, потѣшься съ нами! Если же ты торопишься къ равной тебѣ, такъ хоть поиграй съ нами немного въ жмурки (66). Если это не можешь—хоть поцѣлуй насъ по разу; если этого не можешь сдѣлать, то хоть погляди на насъ ласковымъ окомъ; если и этого не можешь сдѣлать, то хоть которую нибудь изъ насъ, на выборъ, задень своимъ хлыстикомъ; мы и эту милость будемъ вспоминать всю жизнь!».

—«Э, нѣтъ!» думаетъ Ю. У. «Знаю ваши штуки, опять въ пропасть заманиваете!» и онъ проѣхалъ, даже не взглянувъ на нихъ.

А дѣвушки заплакали и сказали: «на что намъ жить, дѣвушки, коли онъ даже и взглянуть то на насъ побрезговалъ, даже задѣть своимъ хлыстомъ не хотѣлъ! Кто на насъ посмотритъ? лучше ужъ умереть, чтобы не дождаться большаго стыда и срама». И они распустили свои длинныя косы, пообрывали ихъ, поспѣшно скрутили изъ нихъ крѣпкія веревки и, всѣ трое, удавились на тѣхъ же пряслахъ, на которыхъ сидѣли (67).

Ѣдетъ Ю. У. день и ночь, зиму и лѣто и, наконецъ, подъѣзжаетъ къ жилищу очень богатому и почтенному. За три дневныхъ переѣзда засверкала передъ нимъ серебреная изба. Ѣдетъ онъ и видитъ: ни травки не помято; на пыльныхъ тропинкахъ и на пыльныхъ дорогахъ не видать ни какого слѣда живаго существа: было все тихо и безмолвно, точно все повымерло. Подъѣхалъ онъ къ дому—никто не вышелъ принять его лошадь. Постучалъ онъ рукояткой хлыста по навѣсу на дверью—никто не вышелъ. Покружился онъ на мѣстѣ, нечего дѣлать, спустился съ коня, привязалъ коня къ столбу и сталъ ждать, не выйдетъ ли кто, а то ему, какъ жениху, стыдно было самому себѣ отворять дверь. Проходилъ, прождалъ онъ цѣлыхъ тридцать дней и ночей мѣсяца и, никого не дождавшись, вошолъ въ домъ.

Въ домѣ было также тихо, какъ и около: никакой челяди, никакихъ домочадцевъ не видать; огонь въ комелькѣ, повидимому, давно потухъ. Только на переднемъ мѣстѣ сидѣли старикъ со старухой; сидѣли они упершись лбами на поставленныя передъ собой серебряныя трости и не поднимали головы.

Постоялъ, постоялъ Ю. У. и сѣлъ, ожидая, что хозяева съ нимъ заговорятъ ([68]). Прождалъ онъ три дня и три ночи и самъ началъ:

«Сказывайте», сказалъ онъ.

Ни слова.

«Сказывайте», крикнулъ онъ.

Ни слова.

«Сказывайте, я вамъ говорю, если живы, а то я васъ разрублю на нѣсколько частей!» еще громче крикнулъ Ю. У. и страшно разсердился, такъ что мускулы его стали лопаться, по лбу забѣгала кровь, жилы натянулись какъ тетива лука и затрещала нара, на которой онъ сидѣлъ.

Ни слова!

Ю. У. соскочилъ съ мѣста, но—звякнула дверца съ побрякушками ([69]) и онъ остановился какъ вкопанный.

«Не лѣтнее-ли солнце, сорвавшись съ небесъ, вошло въ избу?» подумалъ онъ—то было лицо дѣвушки - человѣка. Она была невиданной красоты не передаваемой словами и говорила ему такія рѣчи:

«Это ли ты, именитый, славный Юрюнгъ Уолангъ? А поглядѣть на тебя—ни на ложку у тебя мозговъ въ головѣ, ни на ковшикъ крови въ твоей тучной спинѣ, ни крошечки толку! Или ты не видишь, что старики совершенно потеряли смыслъ и память отъ горя? Развѣ не видалъ ты, ничто живое не окружаетъ насъ? И ты еще хочешь убивать стариковъ, надъ ними показывать свою богатырскую силу и удаль! Можетъ быть ты и со мной пустишься въ драку—не посмотришь на то, что я дѣвка? и этого то человѣка я звала на помощь, надѣялась на него, ждала какъ избавителя отъ дьявола!.. Нѣтъ, видно съѣстъ дьяволъ отца и мать, какъ съѣлъ онъ весь нашъ народъ, какъ съѣлъ онъ весь нашъ скотъ. Срокъ приближается, разными хитростями я заставила его ждать 9 лѣтъ и за это время онъ съѣлъ все живое, что насъ окружало, а въ полнолуніе этого мѣсяца онъ съѣстъ отца и мать и возметъ меня. Лучше ужь мнѣ собираться въ дорогу съ дьяволомъ, простившись съ отцомъ и матерью, которые сгніютъ въ его вонючемъ, чернокаменномъ чренѣ».

И она, заплакавши, скрылась за той же дверью, изъ-за которой вышла.

Страшно сконфузился Ю. У., выбѣжалъ въ поле и сталъ его обходить. На западной сторонѣ, у опушки лѣса, увидалъ онъ холмъ. Подошелъ онъ къ нему и увидалъ, что не холмъ это, а дьяволъ, страшное подобіе человѣка: онъ былъ весь изъ желѣза, съ единственнымъ глазомъ по среди лба ([70]).

Выхватилъ Ю. У. свой сюллюгясь и, присѣвъ на корачки, ударилъ имъ по лбу дьявола.

Дьяволъ замычалъ.

Ю. У. ударилъ въ другой разъ, такъ что лобъ у дьявола вдался и тотчасъ, со звономъ, точно дно желѣзнаго котла, выпрямился.

Дьяволъ поскребъ свой лобъ пальцемъ и продолжалъ храпѣть.

Ю. У. въ третій разъ ударилъ дьявола по лбу, такъ что эхо отъ удара раздалось, какъ отдаленный раскатъ грома, и дьяволъ со словами: «О ба, батъ! какъ больно кусаются здѣшніе мухи-комары!» сѣлъ и сталъ скрести свой лобъ кривыми, какъ когти *«эксюю-кылъ»*, пальцами.

Устремивъ на Ю. У-на свой, какъ карасья уха, мутный, величиной со слюдяное окно русскаго человѣка, единственный глазъ, дьяволъ улыбнулся и обнаружилъ два ряда, какъ арбыл ([71]), зубовъ.

«Гм., гм., сказалъ дьяволъ, вотъ и отлично—дождался наконецъ? А то я совсѣмъ измучился, ждавши тебя! невѣста моя какая то чудная: все не находится для нее подходящаго *эмня-кулутъ*([72]), а приходило-то ихъ много: придетъ это, да на меня и накинется, точно я виноватъ въ чемъ! А чтожъ я?—съѣдалъ ихъ тотчасъ!.. Невѣста посылаетъ за новымъ, а я, какъ женихъ, не долженъ перечить ей. И живу здѣсь цѣлыхъ девять лѣтъ, и все впроголодь: всего по тридцати штукъ крупнаго и мелкаго скота съѣдаю за одинъ разъ. А тесть и теща, поди-ко, обидятся за то, что пріѣлъ весь ихній скотъ, весь ихній народъ! Да что же дѣлать, коли я голоденъ? Я и ихъ самихъ собирался было съѣсть, хоть мало, а все-бы червяка заморилъ, и зачѣмъ они эдакую своенравную дѣвченку воспитали? Я вотъ уже цѣлый годъ ничего не ѣлъ—все больше сплю отъ голода... Ну, вотъ теперь хорошо, что ты пришелъ, можетъ придешься по нраву, съумѣешь быть подходящимъ *эмня-кулутъ*. А вѣдь меня и дома то

ждутъ: семь плѣшивыхъ сыновей женить, семь плѣшивыхъ дочерей женить не дѣтская игра ([73]). А были и невѣсты и женихи—вотъ ужъ 9 лѣтъ ждутъ меня со всѣми сватовьями и сватьями. И сколько поди-ко добра моего пріѣли—тоже есть между ними ѣдоки не хуже меня. Только желаніе женить сыновей и выдать замужъ дочерей, не будучи вдовцемъ ([74]), заставляетъ меня такъ терпѣливо и съ такими лишеніями ждать срока, назначеннаго невѣстой. Ну, собирайся живѣй въ дорогу. Я человѣкъ старый, а ты молодой—поворачивайся!.. Я, по старости лѣтъ, не могъ присмотрѣть за комароногими дѣтьми моихъ тридевяти тѣнеобразныхъ *каложницъ* ([75]), а ты за ними присмотришь!.. Я, по старости лѣтъ, быть можетъ, кое чего и не смогу съ женой молодой, въ чемъ нибудь сконфужусь, а ты тогда своими совѣтами, своимъ подстрекательствомъ и поддразниваньемъ поможешь мнѣ».

—«Ахъ ты *черный, сажей маранный, четырехлапый песъ* ([76]), осминогій аджарай! Ишь вѣдь какія досадныя рѣчи говоритъ! А вотъ я темя твое на четыре части разрублю, самого—на пять частей!» крикнулъ Ю. У. и бросился на дьявола со своей длинной *дуура батас*'омъ ([77]). Батасъ, какъ о камень, сломался пополамъ, а дьяволъ бросился на Ю. У—на. Человѣкъ отрывалъ отъ дьявола куски желѣза и отбрасывалъ въ сторону, а дьяволъ отрывалъ отъ человѣка куски мяса и тутъ же проглатывалъ. Отъ шума ихъ драки поднялся ураганъ и перекатывалъ камни величиной съ лежачаго быка: *сухопутное ползло въ воду, водное выбросило на сушу* ([78]). Жители неба, услыхали шумъ драки и отворотивъ слои неба, увидали дерущихся и сказали: «надобно плотнѣе закрыться—чего добраго—пожалуй, еще задѣнутъ. Обитатели преисподней тоже услыхали шумъ, выглянули оттуда и поспѣшно сгинули съ перепугомъ ([79]).

Долго они дрались, какъ равный съ равнымъ, но, наконецъ, дьяволъ сталъ одолѣвать человѣка: сталъ Ю. У. спотыкаться, падать на колѣни. Видитъ онъ—дѣло плохо, превратился въ расплавленное олово и провалился сквозь землю ([80]). Дьяволъ потерялъ его съ глазъ, но ему почему-то показалось, что Ю. У. спрятался въ дупло пня и дьяволъ сталъ грызть всѣ пни, взрывать своими когтями всѣ возвышенности. Такъ перегрызъ и перерѣлъ онъ множество пней и кочекъ, обломалъ всѣ свои зубы и когти, а тѣмъ временемъ отдохнувшій Ю. У. снова бросился на дьявола. Но Ю. У. состоялъ изъ плоти и крови, а дьяволъ былъ желѣзный и поэтому снова сталъ одолѣвать его. Вспомнилъ тогда Ю. О., что въ карманѣ его находится кожа съ пальцевъ его сестры. «Будьте десятью бѣлыми медвѣдями!» сказалъ Ю. У. и бросилъ кожицы съ пальцевъ Нурулланъ Ко на дьявола. Какъ сказано, десять злыхъ бѣлыхъ медвѣдей бросились на дьявола. Долго дрался онъ съ ними; они его всего изцарапали, но онъ все-таки всѣхъ ихъ съѣлъ до одного. Но зато не могъ шевельнуться съ мѣста—упалъ на землю, рядомъ съ Ю. У—номъ, который, тоже обезсиленный, лежалъ на землѣ. Лежатъ они рядомъ и смотрятъ другъ на друга мутно-сонными глазами ([81])».

Первый собрался съ силами Ю. У., всталъ, подошелъ къ дьяволу и, свернувъ ему шею, потянулъ голову, чтобы отдѣлить ее отъ туловища. Голова отдѣлилась отъ туловища, но за головой потянулся черный пречерный спинно-хребетный мозгъ. Ю. У. потянулъ голову дьявола дальше, вытянулъ черный тягучій мозгъ до конца и вдругъ этотъ мозгъ обвилъ его кругомъ, какъ какая то длинная веревка, лишила его малѣйшаго движенія, стянула и сжала его въ тиски, а дьявольская голова грохотала—хохотала надъ ухомъ: «теперь ты мой, дружокъ—не отвернешься, попался! ([82])».

Почувствовалъ Ю. У., что солнечный свѣтъ меркнетъ въ очахъ и онъ, собравши послѣднія силы, крикнулъ:

«Эй, Кытыграсъ Бараччи! насталъ послѣдній день моей погибели! гдѣ бы ты ни былъ: летаешь ли по поднебесью, находишься ли на краю земли, ныряешь-ли въ преисподней—поспѣши ко мнѣ, не допусти сгнить мнѣ въ утробѣ дьявольской!»

Не успѣлъ онъ сказать—летитъ затемняющая полнеба баръ-эксюкю птица и кричитъ: «Эй, дьяволъ! твой чередъ насталъ, твоя мѣра переполнилась, твои зарубки наполнились, довольно дѣлать бѣды, было тебѣ сказано: берегись замышлять и дѣлать супротивное противъ созданныхъ Ан чело-

вѣковъ и животныхъ!» и баръ-эксюкю птица въ одно мгновеніе ока разорвала на четыре части перепуганнаго дьявола.

«Ну, прощай, товарищъ, сказалъ Кытыграсъ бараччи, принявъ свой обыкновенный видъ трехграннаго каменнаго человѣка, скоро мы едвали увидимся, а за услугу я что нибудь у тебя попрошу послѣ». «Чтобы ты ни попросилъ, я для тебя ничего не пожалѣю!» сказалъ Ю. У. (83).

Странно уставшій и измученный Ю. У. вышелъ на опушку лѣса, развелъ костеръ, подложилъ подъ голову шубу, раздѣлся, подостлалъ подъ себя одежду и легъ, накрывшись дахой.

Спалъ ли онъ, не спалъ ли, во снѣ, или наяву; поздно ли вечеромъ, раннимъ ли утромъ, вдругъ залѣзла ему подъ одѣяло совершенно голая женщина...

Долго ли, коротко ли спалъ Ю. У., но разбудившись онъ увидалъ, что мѣсто приняло живой видъ: табуны коней ржали, коровы мычали, пастухи и прочій рабочій людъ ѣздили и бѣгали туда и сюда — точно никакой бѣды здѣсь и не случалось (84).

Ю. У. созвалъ свистомъ своего коня и, сѣвъ нанего, поѣхалъ къ дому Хан-хара-хан-тоена. Двѣнадцать молодыхъ парней отодвинули передъ Ю. У—номъ присла воротъ огороди; три почетныхъ мужа встрѣтили его во дворѣ и одинъ изъ нихъ принялъ поводъ коня, двое поддерживали стремяна, пока онъ спускался. Коня его привязали къ Тоенъ-сяргя, откуда до дверей дома была настлана зеленая трава. *Дверной отворялка* распахнулъ дверь и Ю. У. вошелъ въ избу.

Когда онъ сѣлъ, девять сытыхъ парней поднесли на большой доскѣ навареннаго жирнаго мяса девять лѣтъ не жеребившейся кобылы; повернулись они и не дошли еще обратно до угла шестка, Ю. У. сказалъ: «убирайте!»; десять сытыхъ парней обернулись и увидали, что Ю. У. уже все поѣлъ, только кости выпрыснулъ.

Девять сытыхъ дѣвокъ поднесли цѣлый *холлогосъ* кумысу, держа его за девять серебряныхъ серегъ. Не успѣли дѣвки дойти обратно до шестка: «убирайте», сказалъ Ю. У., а *холлогосъ* былъ сухохонекъ.

Напившись и наѣвшись, Ю. У. обратился къ старикамъ хозяевамъ отдать за него ихъ дочь *Ытыкъ-ымыяланъ Ко*. «За кого намъ и отдать, какъ не за тебя», сказали старики.

Послали звать гостей съ близи и изъ далека на свадебное пиршество. И собралось множество народу, набили много скота. Борцы здѣсь боролись, бѣгуны бѣгались, дѣвки и парни въ жмурки играли, на коняхъ бѣги устраивали, прыганья съ ноги, съ двухъ ногъ, на одной ногѣ; мѣрялись силами, тянулись на палкахъ. Сказочники сказывали сказки, прибауточники говорили прибаутки, насмѣшники говорили смѣхотворныя рѣчи, пѣвцы слагали пѣсни и воспѣвали все собраніе. Девять *аи оюна* передъ тремя молодыми березками говорили благословенія(85), три дня и три ночи играли, веселились и смѣялись.

Между тѣмъ, въ первый же вечеръ, втолкнули Ю. У-на за дверь, на кровать дѣвушки Ы. Ы. Ко, которая была положена на рысью постель, подъ соболиное одѣяло, раздѣтая до-гола, какъ весенняя вѣтка ивы съ содранной корой. Ю. У. наглухо завязалъ подъ подбородкомъ свою шапку, застегнулся на всѣ пуговицы, завязался на всѣ ремешки, туго затянулся поясомъ, надѣлъ рукавицы, легъ къ дѣвушкѣ спиной и такъ пролежалъ всю ночь до утра, не сказавъ дѣвушкѣ ни грубаго, ни ласковаго слова, не вздохнувъ даже въ ея сторону, такъ продѣлалъ онъ всѣ три ночи (86).

На четвертый день Ю. У. сталъ собираться домой. Хан-хара-ханъ Тоенъ отдѣлилъ для дочери третью часть всего своего скота, всѣхъ своихъ рабовъ, а та сказала: «мнѣ не надо ни скота, ни рабовъ; ты мнѣ дай только одну обрудь жеребячью, одинъ намордникъ телячій, одну ложку деревянную, одну пуговицу и одну люльку дѣтскую, мнѣ и этого довольно на чужбинѣ, чтобы вспоминать о родной сторонѣ». Ханъ-хара-ханъ Тоенъ согласился и поѣхалъ Ю. У. съ женой. Отъѣхавши на средину поля, Ытыкъ-ымыяланъ Ко помахала по воздуху обрутью, намордникомъ, ложкой и люлькой.

Увидали жеребята свою обруть и сказали: «а мы отъ своей обрути не отстанемъ!» и всѣ пошли

за Ю. У.; увидали это кобылы и сказали: «коли дѣти наши ушли—намъ не зачемъ оставаться» и пошли за Ю. У.; увидали это жеребцы и сказали: «а мы безъ женъ тутъ не останемся» и пошли за Ю. У-номъ. Такимъ же порядкомъ пошли коровы, вся домашняя утварь за ложкой, всѣ рабы за дѣтьми. Остались дома только старики Ханъ-хараханъ, да Симяхсинь-эмяхсинь. Послѣдняя, увидавши, что уходитъ вѣсь народъ и скотъ, даже вѣсь домашній скарбъ, поспѣшно втащила въ избу нѣсколько охапковъ сѣна и старой берестяной посуды и, зажегши это, крикнула что есть мочи: «эй, ты, Ытыкъ-ымыяланъ Ко! повиснувши на шею мужчины и не видишь, что твои родители сдѣлались нищей, добычей огня!» Ытыкъ-ымыяланъ Ко взглянула въ полъоборота и за ней обернулась половина скота, людей, посуды и всего домашняго скарба. Какъ обернулась, такъ и осталась. Съ тѣхъ поръ невѣста, отъѣзжающая отъ дома родителей въ домъ мужа, никогда не оглядывается, чтобы не оставить здѣсь свое счастіе ([87]).

Долго-ли, коротко-ли шли они путемъ-дорогою, однажды, вечеромъ, когда костры были разведены и сдѣлалось уже темно на небѣ, вдругъ, весь народъ и скотъ, испугавшись чего-то, шарахнулся въ одну сторону. Ю. У. сдѣлалъ надъ глазами щитокъ рукой и увидѣлъ по другую сторону костра совершенно голую женщину, которая держала на рукахъ недавно родившагося мальчика.

«Ю. У.! сказала она, если ты имѣешь стыдящееся лице—возьми своего ребенка!» Ю. У. сорвался съ мѣста, схватилъ полѣно съ огнемъ и бросился на женщину, но она съ ребенкомъ мгновенно исчезла.

Когда легли спать, Ы. ымыяланъ Ко спросила его: «Догоръ, (другъ), кто это приходилъ и какія это странныя рѣчи говорилъ?»

—«А почему я знаю, какіе тутъ духи шляются и болтаютъ всякій вздоръ», разсердился Ю. У. и, по обыкновенію, обвязался, застегнулся, затянулся и повернулся къ ней спиной.

На другой вечеръ случилось тоже самое, но только ребенокъ — мальчикъ былъ по второму году, Ю. У. на вопросъ жены отвѣчалъ по вчерашнему.

На третій вечеръ опять народъ и скотъ съ испугомъ шарахнулся въ сторону. На этотъ разъ стояла уже не голая, а прекрасно и богато одѣтая женщина, чрезвычайно красивая и держала за руки трехлѣтняго мальчика. Она говорила Ю. У—ну сквозь слезы гнѣвныя рѣчи:

«Ю. У. ты видно именитъ и славенъ для тѣхъ, кто тебя не знаетъ, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ у тебя стыдящагося лица, нѣтъ въ тебѣ жалѣющаго сердца. Если ты обошелся со мной въ мои темные дни, какъ съ послѣдней дѣвкой, какъ съ грязной посудой, въ которую плюютъ, да къ ней потомъ не оборачиваются, но пожалѣлъ бы хотъ свою плоть и кровь своего сына. На, возьми его! А мнѣ нечего дѣлать на свѣтѣ солнца: есть крѣпкія веревки, острыя лезвія, глубокіе омуты, они мнѣ помогутъ!» и она бросила, чрезъ костеръ, мальчика на колѣни къ Ю. У—ну. Послѣдній вскочивъ на ноги, побѣжалъ и поймалъ женщину и привелъ ее на станъ. «Вотъ предназначенная, равная мнѣ жена моя!» Послѣдняя разсказала ему, что ее болѣе десяти лѣтъ преслѣдуетъ дьяволъ, что она залѣзла ему *тогда* подъ одѣяло безъ всякой задней мысли, просто убѣгая отъ дьявола, что тогда же и забеременѣла, что она и теперь не пришла бы къ нему, еслибъ не ребенокъ, съ которымъ трудно уйдти отъ дьявола, что она старшая сестра Ытыкъ-ымыяланъ Ко, а зовутъ ее «Кюнь-ый кыса, кюнь-дяли-маганъ удаганъ» — «солнца-луны дочь, солнце-блестящая-бѣлая удаганъ».

И пошли они дальше: новая женщина, какъ жена Ю. У—на, а Ы. ымыяланъ Ко какъ свояченница.

Мальчикъ росъ по сказочному, что ни сутки—годъ прибавляется. Сталъ просить отца и мать, дать ему имя. Они его назвали: «Кюню керсе теребютъ, кеньчя-бсге», «на встрѣчу солнца родившійся кеньчя-крѣпкій». Съ 10 лѣтъ мальчикъ уже не шелъ съ ними, а шелъ своей дорогой, по горамъ и каменистымъ мѣстамъ, потому что не могъ идти по слабому грунту, вслѣдствіе своей силы и тяжести.

Долго-ли, коротко-ли шли они, однажды, на дневной остановкѣ услыхали шумъ подъ небесами и увидали, что ястребъ преслѣдуетъ бѣлаго снигиря.

Вдругъ снигирекъ съ звонкимъ крикомъ и плачемъ спустился прямо на колѣни Ю. У—на и превратился въ молодую, перепуганную дѣвушку, сестру Ю. У—на въ Нуруланъ Ко, а ястребъ превратился въ трехгранно-каменнаго человѣка—Кытыграсъ-бараччи.

«Ой, мой братъ, спаси меня! меня преслѣдуетъ дьяволъ!» сказала Нуруланъ Ко.

«Вовсе и не дьяволъ, да вовсе и не преслѣдовалъ, сказалъ Кытыграсъ-барачи. Дѣло вотъ въ чемъ, мой вѣрный другъ, Ю. У-нъ: я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія напугать ее, или сдѣлать ей что нибудь дурное; мнѣ просто пришло въ голову посмотрѣть, въ какомъ положеніи находится твой домъ и огонь, не обидѣлъ-ли кто... А она, вотъ гляди, испугалась и вспорхнула птичкой куда глаза глядятъ. Я подумалъ, что она, съ переполоху можетъ залетѣть ни вѣсть куда, можетъ встрѣтиться съ какимъ обидчикомъ, по неволѣ полетѣлъ за ней, чтобы вернуть ее домой. Вотъ и все. Ну, а затѣмъ вотъ что: ты, Ю. У—нъ, нѣкогда сказалъ, что при случаѣ окажешь мнѣ услугу, какую только можешь; такъ вотъ теперь окажи: отдай мнѣ свою сестру въ жены, а я въ состояніи прокормить и обогрѣть одну жену, да и въ обиду ужь ни кому не дамъ».

—«Возьми, сказалъ Ю. У., пожалѣю ли я для тебя дѣвку!»

—«А я ни за что на свѣтѣ не пойду!» крикнула Нуруланъ Ко, уцѣпившись за брата.

—«А ужь я во что бы то ни стало возьму», сказалъ Кытыграсъ-бараччи и, схвативъ Нуруланъ Ко, улетѣлъ на крыльяхъ орла; только дѣвичій писк раздался въ отдаленномъ концѣ неба.

Конецъ 1-й части.

П. Гороховъ.

Примѣчанія къ сказкѣ „Юрюнгъ-Уланъ“.

(1) „Юрюнгъ-Уланъ“ значитъ „бѣлый юноша“, или сынъ (уолъ-сынъ). Я выбралъ эту сказку, во-первыхъ потому, что она мнѣ кажется болѣе типичной между всѣми другими якутскими сказками: во-вторыхъ, потому что она, несомнѣнно самая популярная между якутами, самая, такъ сказать, обработанная, почти единственная, которую всякій мало-мальски порядочный сказочникъ знаетъ и разсказываетъ почти одинаково съ другими, тогда какъ другія сказки, которыхъ безчисленное множество, всѣ жестоко перевираются, перепутываются и въ 3-хъ я выбралъ эту сказку потому, что разъ уже, давно впрочемъ, лѣтъ 17-ть тому назадъ, записывалъ ее со словъ замѣчательно талантливаго и умнаго сказочника, слѣдовательно, не говоря уже о томъ, что сказку эту приходилось мнѣ прослушать не одинъ десятокъ разъ, она лучше врѣзалась мнѣ въ память. Но, во всякомъ случаѣ, я снимаю съ себя отвѣтственность за собственныя имена: ихъ чрезвычайно трудно помнить по сложности и совершенной неупотребительности въ живомъ обиходѣ. Такъ-же необходимо замѣтить, что въ изложеніи сказки я хотя и старался передать, насколько умѣю, манеру сказочнаго языка якутовъ, но это оказывается дѣломъ чрезвычайно труднымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и невозможнымъ. Изъ сказки я ничего не выбрасывалъ, но ее пришлось сильно сократить, потому что я не имѣю возможности передать подробности всей причудливости сказочнаго языка и, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ читатель и замѣтитъ таковыя, то я ихъ помѣстилъ потому, что хорошо ихъ помнилъ, да еще для того, чтобы дать хотя приблизительное понятіе о сказочномъ языкѣ якутовъ и о тѣхъ подробностяхъ, въ которыя они сплошь и рядомъ вдаются. При этомъ я просилъ бы еще снисхожденія къ моему труду еще и потому, что я рѣшительно не имѣлъ возможности, т. е. времени обработать его хоть мало-мальски тщательно, обдумать и припомнить забытое; а все это пришлось дѣлать урывками, между дѣломъ. Примѣчанія эти пишу прямо на бѣло—за недостаткомъ времени.

(2) *Тогусъ кулгуллахъ халлаанъ—девяти-кольцое небо*, говорится въ сказкахъ. Кольца въ этомъ случаѣ подразумѣваются какъ что то такое, за что нужно браться, чтобы повернуть, открыть и т. п.—нѣчто въ родѣ дверной ручки, или кольца задвижки, крышки чего либо.

(3) *Орто дойду*—среднее мѣсто. Вообще, земной міръ, и въ сказкахъ, и въ жизни назыв. *орто-дойду*, тогда какъ небо назыв. *кеми дойду*—верхнее мѣсто, а преисподняя—*алларо-дойду*—нижнее мѣсто.

(4) Неубывающей луной—въ смыслѣ всегда полной луны, безъ ущерба.

(5) Въ смыслѣ постоянной весны.

(6) Въ сказкахъ, да и вообще на языкѣ якутовъ нѣтъ слова *жизнь*, а только есть слово „*бель-баръ*“ и *жизнь—тынныхъ*, т. е. имѣть дыханіе.

(7) Вещи, вывѣшенныя на весенній вѣтеръ, принимаютъ особый запахъ свѣжести, на который и намѣкаетъ сказка.

(8) Слово „терюдь“—корень, употребл. въ смыслѣ словъ „предки, начало“.

(*) Я перевелъ слово „олохъ" словомъ жилище, жилье, тогда какъ въ буквальномъ переводѣ оно значитъ, *сидѣніе, сидѣлище*.

(10) Описаніе мѣста жительства сказочнаго героя въ якутскихъ сказкахъ занимаетъ самое видное мѣсто и, по подробностямъ, оно весьма любопытно. Здѣсь сказочникъ показываетъ всю силу своего поэтическаго таланта и дара слова. Къ сожалѣнію и не рѣшаюсь на память выписать весь этотъ причудливый разсказъ, а только слегка очертилъ его, чтобы дать понятіе о томъ, о чемъ и какъ говорится. Такъ какъ описаніе сказочнаго мѣста бываетъ очень длинно и иногда сказывается болѣе часу, то и сказочникъ, обыкновенно, ограничивается словами: „на сказочномъ мѣстѣ, при сказочной обстановкѣ".

(11) Одолянной—въ смыслѣ бѣлой. Часто такія слова употребляются ради благозвучія, рифмы, которая въ якутск. дз. ставится въ началѣ словъ. Въ данномъ случаѣ—„*Хорулгамы—олово, хому—волъ*".

(12) Слово „важный"—„улу" употр. въ смыслѣ—священный, почтенный.

(13) Вмѣсто—слова „человѣкъ", въ сказкахъ и въ пѣсняхъ, якуты говорятъ „*сахо—киси*"—*якутъ человѣкъ*.

(14) „Арь" слово неупотреб. въ живой рѣчи, но мнѣ кажется, что его можно было бы перевести словами „удивный, извѣстный", потому что „*арбанар*"—значитъ растрепанный. Слова „*Будукъ*"—не понимаю, „*мосъ*"—*дерево*.

(15) „*Джоронъ*"—жбанъ, изъ котораго якуты пьютъ кумысъ. Большіе обыкновенно вмѣщаютъ отъ 5 до 10 штофовъ жидкости. Самые большіе джороны называются *Лахъ-ронъ*.

(16) Коновязи—столбы ставятся передъ домомъ съ восточной стороны и обыкновенно три въ рядъ, или шесть, девять. Въ первомъ случаѣ, южный столбъ считается первымъ, или главнымъ—„*Тоенъ-серга*",—*господинъ столбъ*, второй—среднимъ *ортоо-серга*,—а третій—*сюлюнъ-серга*—задній столбъ. Иногда, при обширномъ дворѣ ставится другой рядъ столбовъ, но, обыкновенно, тоньше и ниже перваго ряда. Лошадь почетнаго гостя, обыкновенно, привязываютъ къ „тоенъ-серга".

(17) *Уолгуновъ пахтахъ оно усо*. Уолгунъ—передняя часть шеи, ахъ—ротъ, *оно-усо*—родъ, семейство.

(18) Весной считается у якутовъ время съ марта по май мѣсяцъ. Обыкновенно, всѣ якутскія жилища, лицевой стороной, т. е. входной дверью, обращены на востокъ.

(19) Всякій новый поселенъ непремѣнно топитъ въ первый разъ съ чѣмъ нибудь съѣдобнымъ, смотря по достатку хозяина.

(20) Значеніе слова „Алъ" я не съумѣю перевести буквально; но по смыслу рѣчи оно имѣетъ здѣсь значеніе „святой, хранитель". *Уотъ*—огонь. Къ слову домъ—*дже* добавляется слово *аласа* (аласа—дже), что я понимаю какъ тоящійся, или „*мѣстный домъ*". Въ обыденной рѣчи слова эти не употребляются. Буквально *Алъ*—вдоть.

(21) *Ичча*—хранитель, хозяинъ, духъ. Все видимое, неподвижное, имѣетъ *ичча*—горы, лѣса, рѣки, моря, вѣтеръ, оружіе, посуда, жилище—всякая мелочь. Это не душа живыхъ существъ, которая живетъ *куо*. Такъ запрещается ловить бабочекъ, а въ особенности подержавши отпускать ихъ, потому что она можетъ съ собой увести *куо*. (Психею)? Ичча—существа не активныя, по крайней мѣрѣ далѣе границъ своего мѣстопребыванія; ичча можно обидѣть, *огорчить* и они не могутъ мстить, но могутъ жаловаться, плакать, могутъ *бросить* то, что хранили. Относительно домашнихъ животныхъ только пашня, *ичча*. Какого рода бываетъ *куо* живыхъ существъ—не сумѣлъ, кромѣ *Куо'а* сахатыхъ и дьявола. У перваго—волосатая грудь (жуть), а у второго—семиголовая змѣя. Съ послѣдней мы встрѣтимся.

(22) *Юрюнгъ*—бѣлый, *ая*—святой, *тойонъ*—господинъ. Это—Зевесъ якутовъ. Онъ „*ють-тасъ олбоктохъ*"—(*ють*—молоко, *тасъ*—камень, *олбокъ*—сѣдалище)—имѣетъ сѣдѣлье изъ бѣлоснѣжнаго камня и живетъ съ огромной семьей, домашнимъ скотомъ и безчисленнымъ конскимъ и рогатымъ скотомъ. Старъ. Обыкновенно-справедливъ, хотя иногда и ошибается безъ толку. Въ затруднительныхъ случаяхъ спрашиваетъ на совѣтъ почти всѣхъ жителей съ разныхъ концовъ неба, которыя, повидимому, находятся къ нему въ вассальныхъ отношеніяхъ. Но они, иногда, ничего не могутъ подѣлать, даже въ самыхъ простыхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ случаѣ, именно когда представилась надобность дать имя одному сказочному герою, родившемуся на землѣ, это собраніе трое сутокъ толковало и такъ—сякъ на на чемъ не рѣшило—какое имя дать. Это повергло Ю. А. Тоёна въ глубокую печаль; но его выручилъ „*Бо*—*Холлонъ Уолъ*—*сахалъ ичча сонъ*—*Бо-Холлонъ*", старый человѣкъ, одинокъ, бѣдный, который было пошелъ уже домой, но вдругъ остановился, ударилъ себя по лбу и, вернувшись къ Ю. А. Тоёну, посовѣтовалъ, какое имя дать. Ю. А. Тоёнъ очень обрадовался и поручилъ имени именованнаго покровительству „Кеня-джасыкъ". Ю. А. Тоёнъ никуда не ходитъ, никуда не ѣздитъ—все дома сидитъ. Если кто съ земли будетъ молить его о помощи—онъ посылаетъ кого нибудь—либо съ громомъ—молніей, или съ „*Ко-Тоёнъ ампаранъ*",—съ *ампаръ ногоо*, что то въ родѣ убійственной остроги, или трезубца, при видѣ которого дьяволы совершенно теряются, да и не безъ основанія, потому что эта острога безошибочно убиваетъ ихъ на смерть, причемъ посланный, обыкновенно летающій на бѣлымъ летомъ облакѣ, держа въ рукахъ „*ампаръ*", восклицаетъ „Сказано было тебѣ, чтобы ты не смѣлъ замышлять и дѣлать супротивное созданнымъ *ичча* человѣкамъ и скотинѣ. Теперь твой рожонъ наполнился".

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ случается, что битва происходитъ между двумя человѣками, изъ которыхъ одинъ обыкновенно *спускается на землю* сынъ Ю. А. Т—на. Герой этотъ, конечно, сильнѣе своего противника, но онъ, не убивая его, уничтожаетъ, или обидитъ чѣмъ нибудь—напримѣръ высѣчетъ. А такъ какъ высѣченный тоже не простой малый, а родственникъ другихъ небожителей, напримѣръ *кюнъ-сюлюнъ*—*сынъ солнца*, или *ньи-бодонъ*—нѣго-побѣдитъ, то за уваженіе своего родственника они посылаютъ цѣлую кучу богатырей съ конями на бой на конѣ то особенномъ пятнистомъ волѣ, у кого то необыкновенно остраго каменнаго столба. Драться со многими одному не приходится, поэтому герой обращается съ мольбой къ Ю. А. Тоёну. Онъ сзываетъ родственниковъ обиженнаго и предлагаетъ имъ отозвать богатырей, а иначе, говоритъ, „я васъ и богатырей вашихъ изотру въ порошокъ". Приходится послушаться. А герою Ю. А. Тоёнъ чи-

таетъ ротацію и велитъ помириться съ обиженнымъ. Они мирятся, причемъ обыкновенно обиженному герой выдаетъ свою красивицу сестру, или же добываетъ для него невѣсту.

Въ управленіе земнымъ міромъ Ю. А. Тоенъ не вмѣшивается, если только его объ этомъ не попросятъ. Онъ даже терпѣть не можетъ и того, если кто нибудь изъ земныхъ случайно затешется къ нему. Впрочемъ, я только въ одной сказкѣ слышалъ, какъ земной человѣкъ попалъ на небо. Дѣло вотъ какъ было. Герой этотъ имѣлъ лошадь съ четырьмя бѣло-каменными крыльями. На этомъ то конѣ онъ и залетѣлъ на небо. Здѣсь, у Ю. А. Тоена происходилъ большой праздникъ—собрались со всѣхъ концевъ неба, по случаю совершеннолѣтія дочери Ю. А. Тоена, необыкновенно-нѣжной красавицы. А такъ какъ ей нужно было выдать замужъ, то дѣвушкѣ предложили, чтобы она выдумала какое нибудь состязаніе, побѣдитель на которомъ и долженъ былъ на ней жениться. Она въ это время обглодывала какую то кость съ дырой и сказала: „пусть тотъ возьметъ меня, который за семь переѣздовъ разстоянія попадетъ въ эту дыру стрѣлой изъ лука". Отмѣрили разстояніе, поставили кость и цѣлый мѣсяцъ стрѣляли небожители, а попасть въ дыру не могли. Стали они отнекиваться, тогда вызвался стрѣлять герой разсказа. Ему позволили, „смѣха ради", но онъ сразу попалъ въ дыру. Узнавши въ чемъ дѣло, Ю. А. Тоенъ сказалъ: „зачѣмъ онъ тутъ шляется, земной пылью сыплетъ чистыя мѣста? Онъ, глупый, ужь не думаетъ-ли, что я выдамъ за его свою дочь! Да вѣдь онъ—смертный, а дочь моя, сдѣлавшись его женой и спустившись на землю, тоже испачкается въ земной пыли и сдѣлается смертной. Я этого не допущу—гоните его вонъ, ребята". Но дочь его заплакала. „Ишь, дура—дѣвка, сказалъ Ю. А. Тоенъ, позлетилась на бѣлое лицо, а того и не знаетъ, что они тамъ, на землѣ часто забудутъ отъ холоду, да дождь ихъ обмываетъ часто—ну, они и бѣлы". Дѣвка пуще заплакала. „Ну, такъ такъ, сказалъ Ю. А. Т.—пусть онъ тебя съумѣетъ украсть среди бѣлаго дня, среди кучи народа—тогда ты и ступай съ нимъ".

Чрезъ нѣсколько дней, въ стадѣ Ю. А. Тоена появился необыкновенный конь съ бѣлой серебряной шерстью, золотой гривой, золотымъ хвостомъ, съ волчьими глазами и черно-каменными копытами. Конь этотъ искусалъ всѣхъ жеребцовъ Ю. А. Тоена и вообще въ стадѣ произвелъ такой переполохъ, что всѣ народъ высыпалъ ловить арканомъ. Но сколько ни старались—никакъ его поймать не могли. Тогда хочь Ю. А. Тоена сказала: „дайте-ко мнѣ аркамъ—я попробую". Дали ей аркамъ „смѣха ради"—„отойдите въ сторону—я не выношу вашего тяжелаго (смраднаго) дыханія" сказала дѣвушка. Отошли. Она какъ разъ закинула коня, подвела его къ себѣ, погладила по шейкѣ, сѣла на него верхомъ—только и видали ее герой—оборотила уздечку на среднее мѣсто (домой).

Для сношенія земныхъ человѣковъ съ Ю. А. Тоеномъ существуютъ „Ан-оона", шаманы ли, которые никогда, никогда ихъ не могутъ сдѣлать и не дѣлаютъ. Ан-оона не имѣютъ ни какого шаманскаго костюма, не имѣютъ даже бубна, они только благословляютъ и испрашиваютъ милость Ю. А. Тоена. Ан-оона постоянно обращается только къ Ю. А. Тоену, и только въ одномъ случаѣ, когда нужно излечить безплодіе, они обращаются къ мелкимъ сатанамъ, или къ какому нибудь другому небожителю, чтобы испросить сына. Ан-оона жертвоприношеній не дѣлаютъ, т. е. не рѣжутъ скотины въ жертву, а только могутъ посвятить ту, или другую скотину тому, или другому небожителю и тогда на этомъ животномъ ничего не работаютъ, берегутъ и холятъ его по возможности.

Въ настоящее время никто изъ дѣтей Ю. А. Тоена на землю не спускается, а вотъ сыновья Маганъ-сылгылаха, или другихъ, тѣ спускаются и дѣлаютъ иногда скандалы: соблазняютъ дѣвокъ, сводятъ бабъ съ ума. Въ этихъ случаяхъ приходится обращаться къ дьявольскому шаману, который такъ или иначе прогоняетъ скандалиста, а Ан-оона за такія дѣла по своей брезгливости, не берется... Я лично зналъ нѣсколькихъ Ан-оона—это были дѣйствительно прекраснѣйшіе люди—тихіе, кроткіе до нѣжности, безусловно честные и искренно добрые. Глядя на нихъ трудно было бы усумниться въ искренности ихъ вѣры въ свое призваніе, тогда какъ абыс-оона—дьявольскій шаманъ—сплошь и рядомъ плутъ, протобестія, пройдоха, которому небезъизвѣстны, кажись, ядовитость многихъ растеній, употребляемыхъ ими прямо для отравы.

Слово *ан* я перевожу *слово*, *божій*, по противоположности его къ слову *абыс—дьявол*. Вообще, все міросозерцаніе якута дѣлитъ видимый и невидимый міръ на двѣ части: на *ан*—божеское, святое, чистое и доброе и *абыс*—дьявольское, злое, нечистое. Слово *ан* производитъ другое—*анамбыт*—созданный. Но о человѣкѣ, о скотѣ говорится: *ан айбыт* Іисусъ, *ан абыт* сегетъ,—созданный ли человѣкъ, созданная ли скотина".

Въ то время, какъ человѣкъ, скотъ, полезныя животныя и растенія суть созданія *ан*; все вредное и гадкое—растенія, животныя—кажется созданы дьяволомъ—на пакость человѣку. Напримѣръ: лягушки, ящерицы, змѣя, черви—емблемы, олицетвореніе дьявола.

„Юрюнгъ-Ан-Тоенъ" нигдѣ не называется *тангара-бог*. Слово *тангара* употребляется въ сказкахъ въ смыслѣ просто видимаго неба: „*бальчинъ тангарая бытардыгыгъ*"—„облачному небу не показывалъ." Только дьяволы кланутся своими тангара, говоря: „Бальчиръ ого сага масъ тангаракъ-батары кердюнъ, тусъ тангаракъ тобулу керьдюнъ, тасъ тангаракъ, тангаракъ тангары керьдюнъ", т. е. „съ упитаннаго ребенка (ветчиной), мой деревянный богъ пусть посмотритъ на меня на сквозь; берестяный мой богъ пусть сквозь меня посмотритъ; каменный мой богъ пусть посмотритъ мнѣ въ уровъ". Повидимому, слово тангара обозначало первоначально не бога, а фетиша, идола. И якуты, прежде, повидимому, не были фетишистами, или идоловоздвижниками, какими они сдѣлались въ послѣдствіи, что тоже изгладилось съ принятіемъ христіанства. Слѣды фетишизма, впрочемъ, можно замѣтить и теперь въ нѣкоторыхъ глухихъ округахъ Якутской области, если осторожно подойдя къ дѣлу. Этотъ вопросъ долго занималъ меня и вотъ результаты моихъ наблюденій и разспросовъ.

Фетиша, или боги „Тангара", первоначально избирали (не знаю по какому поводу) каждая семья. Изъ этихъ семей теперь создались цѣлые наслѣги (родъ) и фетишъ такого наслѣга—одинъ. Фетишемъ было непремѣнно животное, независимо его силы, или слабости. Напри. мнѣ извѣстны боги—горностай, орелъ, ястребъ, бѣлка, сойка... Фетиша—чучело животнаго украшали бусами, мелкими бубенчиками и вообще всѣмъ, чѣмъ могли. Гдѣ они его прежде держали—не знаю, а

нѣ разумѣется прячутъ, если они есть. Мнѣ разъ пришлось видѣть изукрашеннаго горностая къ берестяномъ туясѣ, подвѣшеннаго къ потолку амбара. Та семья, которая напр. обожала горностая, не должна была называть его по имени, а какъ нибудь иначе и, конечно, не должна была убивать его. Вотъ эти то фетиши и назывались буквально „Тангара", какъ теперь якуты каждую икону тоже называютъ „Тангара".

(23) Дьяволы часто называются восьминогими; слово аджарай я не умѣю перевести.

(24) Хамыхъ—круглая ложка.

(25) Нары кругомъ стѣнъ дѣлятся перегородками, иногда доходящими до потолка.

(26) *Бор-кыс*,—какая-то огромная сказочная птица. Иногда она называется *Бор-экскюк*. Рогъ ископаемаго носорога якуты называютъ „экскюю тыгырага"—коготь экскюю. Иногда, въ сказкахъ, экскюю бываетъ двухъ и трехголовый.

(27) *Кюбай*—въ смыслѣ *матушка*.

(28) Современная мѣра разстоянія *Кесь*, (10 верстъ), первоначально, повидимому, означалъ одинъ переходъ пѣшій, потому что слово *кесь* обозн. переселеніе, перехожденіе съ мѣста на мѣсто. Другая мѣра разстоянія *Кюнюкъ*—значитъ дневной переѣздъ.

(29) Иверъ—лицо, лико; уланъ—бѣлый (о масти лошади). Такимъ образомъ, *Иреулаиъ*-будетъ, пожалуй, *бѣлолицая*. *Ко* слово, неупотребляемое въ живой рѣчи, а въ сказкахъ оно придается только къ именамъ дѣвушекъ. Вообще имена сказочныхъ героевъ отличаются необыкновенной длинотой, которыя весьма трудно упомнить и иногда почти невозможно перевести, потому что смыслъ ихъ утратился.

(30) *Удаганъ*—шаманка. Современная удаганъ отличается отъ шамана только поломъ; сказочная-же шаманка совершенно отличается отъ такого-же шамана. Впрочемъ, во всѣхъ сказкахъ, только въ одномъ случаѣ фигурируетъ шаманъ, да и то дьявольскій „Ярь-Карбаллинь-оюнъ", отличающійся кровожадностью. Дѣло было такъ. На мѣстѣ жительства какого-то богача вдругъ настала совершенная мгла и необыкновенный морозъ. За помощью обратились къ Ярь-Карбаллинь-оюну. Онъ выговорилъ себѣ въ награду „первое, что родится живое" и разогналъ тьму. Первымъ родился у сказанныхъ богачей, бывшихъ до этого бездѣтными—сынъ. Они ему не сказывали объ обѣщаніи шаману, но послѣдній послалъ вѣсть, что ждетъ обѣщанной награды, а то, молъ, опять настанетъ тьма. Услыхавъ это сынъ добровольно пошолъ къ шаману *на съѣденіе*. Шаманъ и его семья страшно обрадовались лакомому куску. Юноша сказалъ шаману: „ты человѣкъ старый—будешь разрѣзать меня—тебѣ мало достанется, видишь какая у тебя большая семья—отнимутъ у тебя. Ты лучше сдѣлай вотъ какъ: разинь пасть, прикрѣпи верхнюю челюсть къ небесамъ, а нижнюю къ преисподнюю, я, не затрудняю тебя, пайду къ тебѣ въ брюхо". Шаманъ обрадовался предложенію—„такой молодой и такой умница"!—и разинулъ пасть, а юноша пустилъ ему чрезъ горло, прямо въ сердце стрѣлу изъ лука. Шаманъ издохъ, а герой перебилъ всю его семью и весь его черношёрстный скотъ. Перебилъ, сжегъ и все развѣялъ по бѣлу свѣту и отъ этого произошли всѣ мелкіе черви, гады, комары, мошки...

Удаганъ, въ сказкахъ, не шаманитъ, но узнаетъ будущее, предчувствуетъ. Далѣе увидимъ, на что была способна Пурулаиъ Ко.

(31) *Симяхсинь эмяхсинь*—(симяхъ—украшенія изъ разныхъ металловъ—эмяхсинь-старуха). Такъ она названа, повидимому, „смѣха ради", потому что С. Э. ничего общаго съ украшеніями не имѣетъ, а описывается, какъ необыкновенно грязная, старая и отвратительная особа. Она, обыкновенно, чиститъ коровникъ (*хотонъ*)—въ этомъ и вся ея обязанность. С. Э. встрѣчается почти во всякой якутской сказкѣ и личность въ высшей степени типическая. Это—сплетница, хитрая, видавшая виды, но невѣроятно хвастливая старушонка: она раньше другихъ увидитъ, раньше другихъ услышитъ. Пріѣздъ сказочнаго героя въ домъ родителей невѣсты, если нѣтъ какихъ либо особыхъ, исключительныхъ обстоятельствъ, непремѣнно первая увидитъ Симяхсинь-эмяхсинь, вбѣгаетъ въ избу, сказываетъ, какого красавца она увидала, при чемъ хвастаетъ: „когда я была молода, то у меня было кое-чего съ господиномъ солнце—а этотъ и того краше; съ господиномъ чолбонъ *) въ молодости и опять таки была не съ проста—а этотъ и того краше и т. д." и затѣмъ падаетъ въ обморокъ. Въ одной сказкѣ она дѣлается посредствомъ вѣроломства невѣстой героя. Для этого, С. Э. усыпила невѣсту героя сказкой, содрала кожу съ лица ея, натянула на свое лицо, а дѣвушку бросила въ огонь, въ которомъ послѣдняя очнулась и вылетѣла въ трубу съ дымомъ, превратившись въ бѣлаго снигиря. С. Э. надѣла платье дѣвушки, только повязала голову, потому что была плѣшивая, а вмѣсто грудей набила тряпушекъ. Когда пріѣхалъ женихъ и они легли спать, женихъ обнялъ ее—хрустнули ея ломающіеся ребра, зашуршала тряпушка.—„Другъ; что это такое"? спросилъ женихъ.

—„А это кровать скрипитъ"! сказала С. Э. Тутъ прилетѣлъ снигирь и сталъ пѣть: „Экій ты безмозглый, безстыдный мужчина—оскверняешь мою постель, мое платье съ гадкой симяхсинь эмяхсинь. А ты, гадкая С. Э. подобранная мной съ навозной кучи, какъ смѣешь осквернять мою постель?—Прочь сейчасъ"!

—„Другъ, кто это поетъ, что за странныя рѣчи"? спросилъ женихъ.

—„Охота тебѣ обращать вниманіе на обманныя рѣчи всякой пролетающей пташки, завидующей моему счастію", отвѣтила С. Э. Женихъ поцѣловалъ ее—обдало его вонью.

—„Другъ, отчего это у тебя изо рта воняетъ, почему голосъ твой измѣнился—сипый какой-то, зачѣмъ голова у тебя повязана"?

—„Голосъ измѣнился отъ того, что я съ тоски все плакала; изъ рта дурно пахнетъ отъ зубной боли, а голова у меня разболѣлась отъ слезъ",—отвѣтила С. Э.

А пташка продолжала пѣть: „Какой же ты дуракъ! Хоть бы посмотрѣлъ, что у ней на головѣ подъ повязкой". Услыхавъ это, женихъ сдернулъ повязку и увидалъ совершенно обнаженный черепъ, съ котораго сползла наброшенная на лицо молодая кожа и обнаружила отвратительное лицо С. Э—ни.

Вообще, на описаніе гадкихъ сторонъ характера и наружности С. Э—ни сказочники не скупятся и ничѣмъ не стѣс

*) Венера, утренняя звѣзда; иногда—Юпитеръ

няются, такъ что дѣйствительно успѣваютъ вызвать не ненависть, а глубокое отвращеніе къ этой старушонкѣ. Описаніе наружности С. Э. я опускаю ради ея крайняго цинизма и полной нецензурности.

(32) *Юрьяк*, букв. булавка, отъ слова *дуй*—юрь. Такъ называется *пасдо*, утичье гнѣздо.

(33) Часто дьявольскій родъ называется джардахъ ага уса—вонючій родъ, вонючая семья.

(34) Тарбасы, или правильнѣе „*Этярбясь*"—сапоги.

(35) *Хотонъ*—коровникъ.

(36) „Кысъ кыкынайдагаръ эльоляхъ"—поговорка: „дѣвокъ больше Кыкынай". Кыкынай чрезвычайно мелкая рыбешка изъ рода форелей.

(37) „*Хак*", не употребляется въ обыденной рѣчи и значеніе этого слова для якутовъ не понятно. *Хара*—*черный*; *Тоюнъ*—господинъ; *Хатынъ*—*госпожа*.

(38) Т. е. дороже глазъ и зубовъ.

(39) Поговорка „Атагаръ иктиръ кысъ ого". Въ сказкахъ часто употребляютъ.

(40) Въ данной сказкѣ, свою одинокость Ю. У. сознаетъ только послѣ сновидѣнія и это, какъ увидимъ ниже, послужило поводомъ къ его отъѣзду за поисками жены. Это наиболѣе часто случающаяся форма. Но есть еще нѣсколько другихъ формъ. Изъ которыхъ я попытаюсь передать нѣкоторыя.

1) Одинокій герой согналъ свой скотъ къ проруби и поитъ его; изъ проруби вынырнуло какое-то чудище, перепугало скотъ и прошѣло почти тоже самое, что и Ю. У—ну.

2) У другого героя кобыла собирается ожеребиться. Герой выводитъ ее во дворъ и караулитъ. Послѣ долгихъ мученій, кобыла родила большую глыбу камня. Герой всячески пытался разбить камень—не могъ. Тогда онъ натаскалъ дровъ, свалилъ на нихъ камень и зажегъ костеръ. Отъ огня камень треснулъ и изъ него вылѣзъ получеловѣкъ, полудьяволъ—одноглазый, однорукій, одноногій. Онъ сталъ просить поѣсть. Герой нашарилъ ему мяса. Чудовище отказалось съ отвращеніемъ, а попросило, чтобы герой наловилъ для него разныхъ гадовъ—лягушъ, ящерицъ, водолюбовъ и проч. Герой наловилъ, сварилъ и поставилъ на столъ. Чудовище все опрокинулъ на полъ, потомъ, ползая по полу, всю эту гадость слизалъ языкомъ. Послѣ этого онъ разсказалъ герою, что его зовутъ въ женихи къ дѣвушкѣ—невѣстѣ.

3) Третій герой, отъ бездѣлья, каждое утро выходитъ и съ четырехъ концевъ неба *викричалъ себѣ бѣду*. Родныя его упрашивали не дѣлать этого—не послушался. Симяхенъ-Эмяхсинъ посовѣтовала ему ѣхать искать себѣ невѣсту—„тамъ бѣдъ себѣ сколько хочешь"—и какъ разъ натакала на такую дѣвушку, у которой уже гостилъ женихъ—дьяволъ. Разумѣется бѣдъ было много.

4) Если есть родители, то иногда и они указываютъ невѣсту. Вообще, приключенія героя начинаются съ отъѣздомъ изъ дома, а отъѣздъ непремѣнно обусловливается поисками невѣсты. Только въ одной сказкѣ, начинающейся съ описанія свадебнаго праздника, что въ другихъ сказкахъ всегда бываетъ въ срединѣ, или въ концѣ, отъѣздъ героя изъ дому обусловился внезапнымъ похищеніемъ его жены чрезъ разобранную стѣну.

(41) *Минъ джебяръ-уоннаръ*—моемъ домѣ-огнѣ. Понятіе о домѣ всегда связывается съ понятіемъ объ огнѣ: *кинидженъ-уоннахъ*—онъ имѣетъ домъ-огонь, *джетя-уота суохъ кинъ*—дома, огня неимѣющій человѣкъ.

(42) Передъ каждой значительной дорогой, якуты сильно вынизываютъ лошадей, часто не менѣе трехъ сутокъ, давая весьма ничтожную перехватку.

(43) *Симиръ*—дорожный мѣхъ изъ черной, особеннымъ родомъ выдѣланной кожи, въ такихъ симирахъ возятъ даже водку.

(44) О тетивѣ лука говорится, что она была скручена изъ спинной жилы какого то необыкн. сказочн. животнаго.

(45) Въ сказкахъ не говорится *объ острыхъ* концахъ стрѣлъ, а болѣе о тяжелыхъ—костяныхъ и деревянныхъ.

(46) *Батасъ*—пальма, родъ огромнаго ножа, около 10 вершк. длиной и не менѣе вершка шириной, лезвее съ одной стороны, рукоятка не менѣе двухъ аршинъ длиной. Въ настоящее время, батасъ—оружіе при охотѣ на медвѣдей.

(47) *Чомю-силлаяхъ*, насколько я могъ понять изъ сказокъ, кажется было что-то въ родѣ шестопера, колотушка съ тяжелымъ концомъ. Ни въ одной сказкѣ не упоминается употребленіе копья, не описывается оно, хотя и говорится: „я тебя сдѣлай ѣдой *мунъ-батасъ*—копья-пальмы".

(48) Подниманіе ушей шапки, повидимому, было особымъ выраженіемъ почтенія, тогда какъ на глухо завязанная шапка выраж. пренебреженіе. Опусканіе острія пальмы внизъ—разумѣется, выражало покорность.

(49) Надобно замѣтить, что всѣ значительныя, по величинѣ, монологи—поются, причемъ поющій старается голосомъ, ритмомъ и выраженіемъ передать, насколько онъ это понимаетъ, душевное состояніе поющаго, его нѣжность, или грубость, доброту, или жестокость.

(50) *Тусахтя*, обыкнов. серебряный кружокъ, около 2—3-хъ дюйм. діаметра, съ различными украшеніями, который пришиваютъ къ верхушкѣ женской шапки.

(51) *Ан, дверь, войдя*, мѣсто.

(52) На якутскомъ языкѣ нѣтъ слова „прощай"; но они совершенно усвоили это русское слово и часто употребляютъ его, конечно, произнося его по своему: „бырастый".

(53) Перевалъ чрезъ хребетъ назыв. „*Артыкъ*", вѣроятно, отъ слова „*Арчы*", *умѣлый*, *упрашиватель*. На всякой значительной вершинѣ, на деревьяхъ, видны пучки конскихъ волосъ, жертвоприношеній горному *иччи*. Поэтому и вершина перевала называется „сіель ыябытъ"—„гдѣ гривы вѣсятъ".

(54) „Кюнъ сырдыгыттанъ сютехьнютъ", потеряемся съ солнечнаго свѣта.

(55) Якуты, вообще, придаютъ большое значеніе снамъ и разнымъ примѣтамъ. Въ числѣ послѣднихъ большую роль играетъ подергиванье разныхъ жилъ и мускуловъ, которыя, по мѣсту ихъ нахожденія означаютъ отрицательный, или положительный отвѣтъ на задуманное или предложенное. Такая примѣта называется „бютъ", или „бить", а человѣкъ, обладающій этой способностью—„бюттахъ киси". Также отрицательный отвѣтъ дастъ и огонь; если что либо задумать, или предположить, и въ это время щелкнетъ огонь—значитъ не сбудется задуманное. Это наз. „Уотъ эття"—„огонь сказалъ".

(56) „Мангнай-кюнюсъ", вмѣсто просто „сначала", въ пѣсняхъ и сказкахъ говорятъ „сначала днемъ", что почти равносильно выраженію „въ одинъ прекрасный день".

(57) „Иккиляхъпяръ кестюмя",—букв. „моей двойкѣ не показывайся".

(58) „*Тобурахтахъ дайды*"—пыльное мѣсто.

(59) Въ жизни якуты чрезвычайно осторожно и бережно относятся къ имени не только дьявола, котораго они тогда зовутъ „кёстюбынь", или Ю. А. Т—на, котораго и называть то нѣтъ надобности, но къ которому они во всякомъ случаѣ относятся съ глубокимъ почтеніемъ, потому что, если онъ пересталъ быть якутскимъ богомъ, то теперь сталъ христіанскимъ богомъ, но якуты не называютъ по имени даже медвѣдя, змѣю и другихъ сильныхъ животныхъ. Другое дѣло въ сказкахъ: здѣсь они даютъ полную волю своимъ словамъ, точно мстятъ за тотъ страхъ, который они испытываютъ въ жизни. Сказочникъ, для краснаго словца, выставленія въ смѣшномъ видѣ не щадитъ даже Ю. А. Тоёна, не говоря уже о дьяволѣ, котораго они шельмуютъ самымъ злымъ образомъ. Нѣтъ ни одной сказки, гдѣ хоть одинъ изъ героевъ былъ бы, такъ сказать, выдержанъ безъ насмѣшки, безъ выставленія смѣшныхъ и слабыхъ сторонъ. Чѣмъ талантливѣе сказочникъ, тѣмъ эта жилка насмѣшливаго отношенія болѣе бьетъ въ глаза, тѣмъ болѣе нравится сказочникъ слушателямъ. Якутъ—по природѣ сатирикъ: онъ не можетъ самой серьезной вещи разсказать безъ насмѣшки; ради послѣдней онъ не щадитъ и себя. И въ этомъ отношеніи якуты необыкновенно наблюдательны: между ними мнѣ случалось встрѣчать замѣчательно способныхъ людей въ передразниваньи другихъ. И что меня при этомъ удивляло болѣе всего,—это именно способность быстро схватывать тѣ типическія и оригинальныя черты, которыми отличалась передразниваемая особа. Замѣтку эту я привелъ, чтобы не ввести читателя въ заблужденіе: онъ, чего добраго, пожалуй, подумаетъ, что насмѣшливое отношеніе къ сказочнымъ героямъ зависѣло болѣе отъ меня, чѣмъ отъ сказочниковъ...

(60) „*Соха сарбата, кнси ата*". Выраженіе это часто употребляется и въ обыденной рѣчи.

(61) „*Катырасъ—баранчи*",—бойко идущій, или шустрый ходокъ.

(62) „Элеръ кямимъ оллята"—настало время (мѣра) смерти.

(63) *Ю. А. Тоёнъ сюлюгяя*, что то въ родѣ живой воды, хотя „живая вода"—„эльбеть менгю ута" самостоятельно упоминается въ сказкахъ. Слово „сюлюгяй" обозначаетъ „сокъ", какъ мнѣ объяснялъ его одинъ сказочникъ; въ обыкновенной рѣчи это слово не употребляется.

(64) Утка, свизь.

(65) „*Холоннохъ*"—подходящую, равную, подъ пару.

(66) „Харахъ-симяръ", букв. „глаза зажмурить". Жмурки очень распространенная игра между якутами; въ жмурки играютъ и дѣти, и взрослые. Въ жмурки играютъ, обыкновенно лѣтомъ, въ какой нибудь огородкѣ. *Жмурка*, поймавши кого-либо, цѣлуетъ пойманнаго, или предоставляетъ это право другому, а потомъ отводитъ пойманнаго въ сторону. Такъ онъ продѣлываетъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не переловитъ.

(67) Эти три дѣвушки часто встрѣчаются въ сказкахъ. Въ большинствѣ случаевъ, сказочникъ герой не обращаетъ на нихъ вниманія и дѣвушки вѣшаются, или съ высокаго берега бросаются въ омутъ. Иногда герой тронетъ одну, болѣе красивую изъ трехъ, сонмъ хлыстомъ и она забеременѣетъ отъ этого. Только въ одной сказкѣ, „*Норин-нурустай*"—*нежный нурустай* (пройдоха?), развратнѣйшій, хвастливѣйшій и трусливѣйшій изъ сказочныхъ героевъ изнасиловалъ всѣхъ трехъ дѣвушекъ среди бѣлаго дня, за что и былъ преобильно высѣченъ.

(68) По якутскому этикету требуется, чтобы заговорилъ, или привѣтствовалъ хозяевъ гость; но такъ какъ Ю. У. былъ женихъ, да къ тому же еще и званный, то начать разговоръ должны были домашніе.

(69) Нара дѣвушки невѣсты дѣлается въ родѣ алькова, съ заборкой и дверью, которую, въ старину очень затѣйливо украшали разными привѣсками и побрякушками.

(70) Подробное описаніе наружности дьявола я опускаю, по причинѣ ея крайней сложности и вычурности, также какъ и описаніе женской красоты... Я было попытался перевести и то, и другое, но не могъ справиться: частью выходитъ безсмыслица, частью не понятно, да мѣстами скабрезно и цинично очень, въ особенности описанія дьявола.

(71) *Арбыя*, желѣзный инструментъ, которымъ выдалбливаютъ деревянныя чаши.

(72) *Эмня*—приданое; *кулутъ*—рабъ. *Эмня кулутъ*—приданый рабъ, есть полная собственность жены. Такое рабство практиковалось якутами до послѣдняго времени, только въ приданное давали обыкновенно дѣвушекъ-сиротъ.

(73) „Да будетъ у тебя семь плѣшивыхъ сыновей и семь плѣшивыхъ дочерей"—шуточное благожеланіе, часто высказываемое якутами.

(74) Т. е. будучи и самому въ то же время женатымъ. Повидимому, дьяволу кажется предосудительнымъ, когда вдовецъ женитъ своихъ дѣтей.

(75) *Керсю*, любовница.

(76) „Тердь харахтахъ, харыалахъ—хара ытъ"! Ругательство, нерѣдко употребляется

(77) Слово „дуура" я не понимаю; ни который изъ сказочниковъ не могъ мнѣ объяснить его; но очевидно, что оно поставлено не для рифмы, или благозвучія, что тоже часто дѣлается.

(78) Поговорка: „утаты тыэта тахсыбытъ, тыалагы ута кирбитъ", поговорка, часто употребляемая.

(79) Притомъ, въ одной сказкѣ зрители рѣшили, что „подобной драки не происходило еще сначала установленія земли и неба" (отъ сотворенія міра).

(80) Для сказочнаго героя, превратиться во что бы то ни было—въ звѣрька, въ птицу, въ деревцо и т. п.—сущій пустякъ. Съ такими превращеніями мы еще встрѣтимся.

(81) По нѣкоторымъ сказочникамъ, медвѣди съѣдаютъ дьявола.—Другой варіантъ:

„Лежатъ другъ противъ друга, не шевелясь. Дьяволъ говоритъ: а стану ко я пѣсни пѣть, сказки сказывать!"—Ну, сказывай, ной,—согласился Ю. У. и началъ дьяволъ сказки сказывать, пѣсни пѣть. Ни одинъ пѣвецъ, или сказочникъ средняго мѣста не сравнился бы съ нимъ, до того онъ былъ *пре-*

восходенъ (усулуччу ордукъ). Ю. У. не могъ прослѣдить о чемъ сказываетъ и поетъ дьяволъ, а только онъ былъ очарованъ ловкостью рѣчи, выразительностью пѣнія. Вдругъ надъ нимъ раздался голосъ „кытыграсъ барачи": „ты совсѣмъ съ ума сошелъ, бѣдный другъ мой Ю. У—нъ! вынуча глаза ты слушаешь пѣніе и замысловатыя рѣчи дьявола, а смысла ихъ не понимаешь. А о чемъ онъ поетъ? онъ призываетъ на помощь къ себѣ дьяволовъ и—вонъ видишь, изъ моря высунулась дьявольская ладонь и только два шага осталось ей добраться до тебя"...

(83) Варіантъ: „говоритъ ему дьяволъ: силы у насъ равныя, а вотъ ты попробуйко разорвать эту веревочку: если ты ее перервешь, то будешь побѣдителемъ и господиномъ надо мной. И онъ бросилъ къ Юр. У—ну саженную, толщиной въ мизинецъ черную веревочку. Ю. У. сталъ тянуть веревочку—онъ наступилъ на одинъ конецъ ея, сталъ тянуть—тянуть—веревочка выхлестнулась изъ подъ ноги, захлестнула его кругомъ и обмотала, затянула его такъ, что Ю. У. не могъ ни шевельнуться, ни вздохнуть"...

(84) Въ рѣдкихъ случаяхъ, безъ посторонней помощи человѣкъ осиливаетъ дьявола, который не столько побѣждаетъ силой и ловкостью, сколько своей неуязвимостью и неутомимостью. Въ большинствѣ случаевъ онъ погибаетъ по своей глупости и наивности. Напримѣръ въ одной сказкѣ дьяволъ съѣлъ цѣлую каменную гору, отыскивая героя, превратившагося въ мышь и спрятавшагося въ гору.—Въ одной сказкѣ дьяволъ ушолъ, даже не подравшись: онъ согласился съ человѣкомъ, что они начнутъ бой стрѣльбой изъ лука. Начали. Выстрѣлилъ первымъ дьяволъ,—человѣкъ нагнулся и стрѣла пролетѣла мимо. Выстрѣлилъ человѣкъ, дьяволъ привскочилъ на верхъ, но—стрѣла *во корень сиесла его стыдливое мужское тѣло!* Дьяволъ заплакалъ: „что же такое я теперь?—ни мужчина, ни дѣвка! теперь мнѣ и драться то не изъ чего. Нѣтъ, лучше я отправлюсь къ кузнецамъ и заставлю приварить—припаять мое мужское тѣло—авось удастся". И съ этими словами онъ уходитъ съ поля битвы.—Въ другомъ случаѣ, обезсиленный герой призываетъ свою лошадь, которая не смотря на восклицанія дьявола: „Ап огото ба! ап огото ба!"—„дитя ап тиру!"—залягала его черно-каменными копытами. Побѣжденный дьяволъ постоянно проситъ прощенія, клянется своими богами больше не вредить, соглашается быть вѣрнымъ слугой. Если герой послушается его и отпуститъ, то дьяволъ обыкновенно сдерживаетъ свое слово и, при случаѣ, можетъ пригодиться; если же герой сдѣлаетъ дьявола своимъ рабомъ, то въ первое время онъ прекрасно исполняетъ свои обязанности, отличается неутомимой дѣятельностью, а потомъ все-таки воруетъ его жену, если не для себя, такъ для другого. Иногда борьба дьявола и человѣка ни въ чью заставляетъ ихъ для суда спуститься *внизъ* къ „*Усъ ханъ тердюгяръ*"—„къ почтеннымъ начальникамъ кузнецовъ". Ихъ тамъ семъ человѣкъ и всѣ они что то постоянно куютъ. Спорящіяся стороны являются къ нимъ и кузнецы, безъ словъ, понимаютъ въ чемъ дѣло, бросаютъ ихъ въ горнъ, раздуваютъ, плавятъ и цѣлый мѣсяцъ бьютъ молотами. Дьяволъ весь превращается въ окалину, отъ него ничего не остается, а отъ человѣка остается только осердіе, которое и выбрасывается на среднее мѣсто кузнецами. Здѣсь осердіе находитъ невѣста, сестра, или братъ, мажутъ его испрошеннымъ отъ Ю. А. Тоена *сюлюгя* и оживляютъ.

(85) Въ другой сказкѣ говорится, что когда герой распоролъ брюхо дьявола, то весь поѣденный имъ народъ и скотъ вылѣзъ оттуда живехонекъ.

(86) Въ весенній якутскій праздникъ „ысыахъ", гдѣ главное угощеніе состоитъ изъ кумыса, передъ холлогасами съ кумысомъ, съ восточной стороны ставятъ три молодыя березки—„*чаміръ*".

(87) Это совершенно исключительный случай первой ночи, обусловливаемый фабулой сказки; а обыкновенно первая ночь описывается, не стѣсняясь чьимъ бы то ни было присутствіемъ, съ необыкновенной реальностью и подробностями, хотя и безъ намѣреннаго цинизма. Послѣдній проявляется большею частью при описаніи похотливости чертей. Впрочемъ, мы еще встрѣтимся съ подобными вещами.

(88) Самое обыкновенное описаніе отъѣзда невѣсты изъ родительскаго дома. Въ настоящее время, когда поѣздъ отправляется, тоже никто не оглянется до перваго лѣса и стараются уѣхать возможно скорѣе. Со стороны родителей невѣсты приготовляется лихой наѣздникъ, который, пропустивъ впередъ послѣдняго поѣзжанина, старается, скача во весь опоръ, обогнать всѣхъ и объѣхать кругомъ. Но на этотъ случай, со стороны жениха, впередъ пускается тоже не послѣдній Іздокъ, задача котораго, до перваго лѣсу не дать возможности переѣхать свою дорогу. При большомъ поѣздѣ, разумѣется, это удается, тѣмъ болѣе, что послѣдніе поѣзжане намѣренно замѣдляютъ отъѣздъ, чтобы переднему „со счастіемъ", дать возможность отъѣхать подальше.

Н. Гороховъ.

22 Іюля 1884 года.

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

ОКТЯБРЬ 1884 ГОДЪ.

Число.		Барометръ при 0°. Миллиметры.					Температура воздуха. Цельзія.					Смоченный термометръ		
Старый стиль.	Новый стиль.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9
	1	727.0	725.6	724.5	2177.7	725.9	— 4.7	+ 6.9	+0.3	+ 2.5	+0.83	— 1.2	+2.0	+0.4
	2	726.2	726.0	729.0	2181.2	727.1	— 5.3	4.9	0.3	— 0.1	—0.03	— 0.8	1.2	0.2
	3	729.2	727.6	726.3	2183.1	727.7	— 4.7	6.7	1.7	+ 3.7	+1.23	— 1.8	1.8	0.8
	4	726.3	725.2	724.1	2175.6	725.2	— 5.3	4.1	2.7	1.5	0.5	— 3.1	4.0	2.2
	5	726.2	725.9	725.9	2178.0	726.0	— 4.3	8.5	2.9	7.1	2.36	— 2.0	3.4	2.4
	6	725.5	724.7	723.2	2173.4	724.5	— 2.9	10.5	2.9	10.5	3.5	— 1.4	4.6	1.4
	7	724.7	725.5	725.7	2175.9	725.3	— 1.7	7.5	3.5	9.3	3.1	— 0.2	4.6	2.4
	8	728.8	729.7	729.5	2188.0	729.3	— 7.5	7.5	1.7	1.7	0.56	— 9.2	5.4	7.8
	9	728.8	726.9	726.1	2181.8	727.3	— 4.5	6.7	2.1	4.3	1.43	— 2.0	3.4	1.6
	10	725.6	722.6	722.0	2170.2	723.4	— 2.7	10.3	3.7	11.3	3.76	— 2.8	5.8	2.4
	11	726.7	728.5	727.2	2182.4	727.5	— 1.7	— 1.5	—6.1	— 9.3	—3.1	+ 2.4	—2.0	—6.2
	12	730.5	733.3	737.1	2200.9	733.6	—10.5	— 3.7	—7.9	—22.1	—7.36	—10.6	—3.8	—8.0
1	13	737.0	733.9	732.5	2203.4	734.5	—16.5	— 1.9	—1.9	—20.3	—6.76	—16.8	—2.2	—2.2
2	14	729.6	731.5	731.6	2192.7	730.9	— 1.3	+ 2.6	+2.9	+ 4.2	—1.4	— 1.4	+2.6	+2.0
3	15	732.0	729.1	726.2	2187.2	729.1	+ 1.5	8.1	2.1	11.7	+3.9	+ 1.0	5.8	1.2
4	16	722.0		724.4	1446.4	482.1	1.1		2.5	3.6	1.8	0.4		—0.6
5	17	732.2	729.6	729.3	2191.1	730.4	—10.9	— 4.1	—4.7	—19.7	—6.56	—10.8	—4.2	—4.8
6	18	728.2	726.5	725.7	2180.4	726.8	— 4.9	+ 3.3	+0.5	— 1.1	—0.36	— 4.8	+1.2	—0.6
7	19	725.6	728.7	731.6	2185.9	728.6	— 1.3	3.9	0.3	+ 2.9	+0.96	— 1.0	2.2	—0.2
8	20	738.9	724.8	723.3	2187.0	729.0	— 6.1	5.7	2.7	2.3	0.76	— 5.0	2.6	+2.2
9	21	726.8	724.1	724.8	2175.7	723.2	+ 3.1	2.5	—0.3	5.3	1.76	+ 2.6	1.6	—1.0
10	22	729.5	738.1	727.7	2195.6	731.9	— 8.9	— 0.9	—4.3	—14.1	—4.7	— 9.0	—1.6	—4.0
11	23	728.1	728.0	727.0	2183.1	727.7	— 9.1	— 0.3	—1.5	—10.9	—3.63	— 9.0	—0.2	—0.4
12	24	722.8	721.1	718.7	2162.6	720.9	+ 0.3	+ 3.5	—0.3	+ 3.5	+1.16	+ 0.2	+1.6	—0.2
13	25	717.7	718.6	718.8	2166.1	722.0	— 3.1	5.9	+0.3	3.1	1.03	— 1.4	2.2	—0.2
14	26	719.2	721.3	721.2	2161.7	720.6	+ 0.1	2.5	1.5	4.1	1.36	— 0.2	—1.2	+0.8
15	27	722.3	723.5	725.1	2170.9	723.6	— 2.5	1.9	0.7	0.1	0.03	— 0.8	+0.4	0.4
16	28	731.5	729.8	730.4	2191.7	730.6	+ 0.5	1.7	0.3	2.5	0.8	+ 0.2	0.8	0.2
17	29	733.3	735.8	737.8	2206.9	735.6	— 0.9	— 1.5	—3.1	— 5.5	—1.8	0.6	—1.0	—2.0
18	30	737.1	737.9	738.5	2214.5	738.2	— 6.1	— 2.5	—6.5	—15.1	—5.0	— 6.0	+2.6	+6.0
19	31	735.5	733.3	732.7	2281.5	733.8	— 5.9	— 3.7	—3.5	—13.1	—4.4	— 6.2	—4.1	—2.2
Сумма.		22575.5	21837.4	21847.9	66972.6	22323.2	— 126.7	+95.1	—4.5	—36.2	—14.09	—100.1	+39.5	—1.2
Среднее.		728.2	704.4	704.7	2160.4	720.0	—40.9	+3.17	—0.14	—1.1	—0.45	—3.22	+1.3	—0.04

Абсолютная влажность. Миллиметры.					Относительная влажность. Проценты.					Гигрометръ.				
7	1	9	Сумма.	Среднее	7	1	9	Сумма	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.
	2.5		2.5	0.8		33		33	33	92	52	82	226	75.3
	2.9	4.6	7.5	2.5		44	98	142	71	103	65	105	273	91.0
3.2	2.4	4.3	9.6	3.2	100	52	84	236	79	102	50	75	227	75.6
2.9	3.8	5.1	11.8	3.9	95	61	91	247	82	95	60	91	246	83
3.3	2.9	5.2	11.4	3.8	98	35	91	224	75	98	56	79	233	77.6
3.5	2.9	4.2	10.6	3.5	96	31	74	201	67	97	50	72	219	73
3.5	4.7	4.8	13.0	4.3	90	61	82	233	78	90	61	80	231	77
1.3	5.5	5.1	11.9	3.9	52	70	98	220	73	101	71	94	266	88.6
3.8	9.4	4.9	17.6	5.8	100	54	91	245	81	105	72	95	273	91
3.7	4.3	4.7	12.7	4.2	98	46	78	222	74	98	53	79	220	73.3
3.5	3.7	2.8	10.0	3.3	86	92	98	276	92	99	55	75	229	76.3
1.9	3.4	2.4	7.7	2.5	97	98	79	274	91	96	60	63	219	73
1.0	3.7	3.7	8.1	2.8	85	94	94	273	91	86	50	68	204	68
2.7	4.0	1.4	8.1	2.5	54	61	24	139	46	77	75	96	248	83.6
2.9	5.5	4.5	12.9	4.3	57	68	84	209	70	101	69	79	249	83
3.7		2.8	6.5	2.1	73		50	123	61	76		60	136	68
	3.3	3.1	6.4	2.1		98	98	196	98	76	62	61	199	66.3
	3.8	3.8	7.6	2.5		65	80	145	72	72	75	89	239	79.6
	4.4	4.2	8.6	2.8		72	90	162	81	97	80	100	278	92.6
	3.7	5.1	8.8	2.9		54	91	145	72	99	59	103	258	86
5.2	1.9	3.9	11.0	3.3	91	35	87	213	71	102	87	98	287	95.6
2.2			2.2	0.7	97			97	97	94	65	80	236	78.6
		3.4	3.4	1.1			67	67	67	93	82	100	275	91.6
4.5	4.0		8.6	2.8	98	69		167	83	102	95	101	298	99.5
		4.2	4.2	1.4			90	90	90	103	72	95	270	90
		4.5	4.5	1.5			87	87	87	93	100	100	293	97.6
	3.8	4.6	8.4	2.8		78	94	167	82	106	95	106	307	102.3
4.5	4.3	4.6	12.4	3.1	94	84	98	276	92	105	97	99	301	100.3
										98	72	89	259	86.3
								98	98	91	82	86	259	86.3
	3.7		3.7	1.2						90	81	82	253	84.3
						98								
										2038	2301	2682	7711	25924
56.9	95.5	101.9	252.3	81.5	1561	1458	2038	5178	2247	9.4	9.3	9.8	249	83.7
3.2	4.0	4.07	8.7	2.8	86.7	61.0	83.9	178.5	77.4					

Число. Стар. стиль.	Число. Новый стиль.	Направленіе и сила вѣтра. Метры въ секунду. 7	1	9	Направ. облаков. 1	Облачность. 7	1	9	Осадки. Миллиметр. 7	Термограф. Цельзія. Maxim.	Minim.	ПРИМѢЧАНІЯ.
	1	1 ESE	3 WNW	0	0	2 sc,c	1 Cu,c	5 s	—		— 4,6	□
	2	0	3 WNW	2 SSW	WNW	2 cs	6 Cu,s	1 cs	—		— 5,0	
	3	2 ESE	2 SSW	2 ESE	WNW	1 sc	2 Cu,s	1 s	—		— 5,0	□
	4	1 ESE	2 SWS	3 ESE	0	2 s	4 cs	1 c	—		— 5,4	□
	5	0	1 WNW	0	0	1 s	3 cs,Su	10 n	—		— 4,4	
	6	0	2 WWS	3 ESE	0	2 s	6 cc,Cu	8 s	—		— 3,0	□
	7	0	2 WSW	0	0	5 sc	8 s,Cu	9 s	—		— 2,8	□
	8	1 SSW	2 WSW	0	WNW	3 s	6 s,Cu	4 s	—		— 2,6	□
	9	0	2 WSW	3 ESE	ESE	0	3 Cu	4 s	—		— 5,4	8 □ □
	10	4 ESE	2 ESE	3 ESE	0	8 s	6 s	5 s	—		— 2,6	□
	11	14 WNW	7 WNW	0	0	0	9 s,Cu	2 s	—		— 2,4	✳ ✳
	12	0	10 WNW	8 WNW	ESE	9 s	9 s	7 s	—		—13,4	
1	13	4 ESE	2 ESE	2 ESE	0	2 s	4 s	5 s	—		—17 0	
2	14	3 ESE	4 WNW	1 ESE	0	10 n	10 s	8 s	—		— 1,6	
3	15	3 ESE	0	3 ESE	0	8 s,Cu	2 s,Cu	2 s	—		+ 1,2	
4	16	3 ESE		18 WNW	0			10 n	—			
5	17	0	0	0	0	1 s	4 s	10 s	—		—10,4	□
6	18	0	0	3 ESE	0	10 n	8 s	10 s	—		— 5,6	
7	19	0	6 WNW	0	WSW	10 n	10 n	6 s	—		— 1,8	
8	20	4 ESE	0	6 WNW	0	9 s	10 n	10 s	—		— 6,0	□
9	21	6 WNW	4 WNW	4 WNW	ESE	10 n	10 n	3 s	0,2		+ 2,8	
10	22	0	2 WSW	3 ESE	0	1 s	2 sc	0	—		— 9,0	□
11	23	2 ESE	1 W	0	0	9 sc	10 s	10 s	—		—10,2	□ ✳ 1 ч. 30 м.ª — ✳6 ч.
12	24	0	2 ESE	3 S	0	10 n	10 s	0	—		— 1,2	
13	25	2 ESE	3 ESE	5 ESE	0	5 s	4 cuS	1 s	—		— 5,2	
14	26	2 ESE	1 WSW	0	0	4 s	10 n	10 s	—		— 2,0	
15	27	0	3 WNW	2 n	ESE	0	10 n	10 n	—		— 2,8	□ ∞
16	28	5 WNW	1 WNW	4 WNW	ESE	10 n	10 n	10 n	1,4		+ 0,4	✳1 ч. 40 м.ª —✳2 ч. 30 м.
17	29	2 WNW	3 ENE	3 WNW	0	10 n	10 ns	10 n	—		— 1 0	
18	30	3 W	1 WNW	3 ESE	0	9 s	4 sCu	10 w	—		— 6,0	
19	31	1 W	2 WNW	4 WNW	0	10 n	9 s	10 w	—		— 7,2	
Сумма.		63	73	88		166	200	192	1,6		148,0	
Среднее.						5	6	6	0,0		4,1	

СОКРАЩЕННЫЯ ОБОЗНАЧЕНІЯ ДЛЯ ПРИМѢЧАНІЙ.

♀ = Роса. ● = Дождь. ⊘ = Вѣнецъ около солнца. ⊠ = Сѣверное сіяніе. ∞ = Атмосферн. дымъ.

□ = Иней. ✳ = Снѣгъ. ⊙ = Кругъ около луны. ⚡ = Гроза. ✳ = Метель.

V = Изморозь. △ = Крупа. ◡ = Вѣнецъ около луны. σ_{γ} = { Молнія безъ грома или зарница. |·| = { Столбы около солнца.

∞ = Гололедица. ▲ = Градъ. ✳ = Ледяныя иглы.

≡ = Туманъ. ⊛ = Кругъ около солн. ⌒ = Радуга. ⚡ = Сильный вѣтеръ.

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

НОЯБРЬ 1884 ГОДЪ.

Число		Барометръ при 0°. Миллиметры.					Температура воздуха. Цельзія.					Смоченный термометръ.		
Старый стиль.	Новый стиль.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9
	1	733.1	733.0	732.5	2198.6	732.8	— 4.9	— 4.1	— 5.3	—14.3	— 4.76	— 5.0	— 4.2	— 5.4
	2	731.9	731.5	728.1	2191.5	730.5	— 5.1	— 1.9	— 2.7	— 9.7	— 3.23	— 4.6	— 2.0	— 2.8
	3	727.2	728.5	728.0	2184.3	728.1	— 4.1	— 2.3	— 3.7	—10.1	— 3.37	— 4.4	— 2.4	— 3.8
	4	730.0	728.8	728.8	2187.6	729.2	— 9.7	— 2.3	— 5.1	—17.1	— 5.7	— 9.8	— 2.6	— 5.1
	5	719.8	723.8	722.8	2166.4	722.1	—12.7	— 5.1	— 7.7	—25.5	— 8.5	—12.4	— 5.6	— 7.8
	6	721.9	722.2	723.6	2167.7	722.6	— 7.3	— 8.5	—10.5	—26.3	— 8.76	— 6.8	— 8.6	— 9.8
	7	722.8	724.1	723.9	2170.8	723.6	—12.9	— 5.9	— 9.5	—28.3	— 9.43	—12.4	— 6.6	— 9.6
	8	728.1	731.9	734.9	2191.9	731.6	— 8.7	— 6.1	— 9.5	—24.3	— 8.1	— 4.6	— 6.8	— 9.6
	9	728.4	723.2	721.1	2172.7	724.2	—13.9	— 4.5	— 5.3	—23.7	— 7.9	—14.2	— 5.2	— 5.8
	10	718.2	716.0	711.0	2145.2	715.1	— 8.7	— 1.7	— 3.5	—13.9	— 4.63	— 8.8	— 2.4	— 3.8
	11	721.5	731.0	741.2	2193.7	731.2	—11.7	—17.3	—21.3	—50.3	—16.76	—12.0	—17.2	—21.0
	12	743.4	741.1	737.9	2222.4	740.8	—25.1	—17.9	—20.3	—63.3	—21.1	—24.6	—18.2	—20.4
1	13	731.1	729.1	727.0	2187.2	729.1	—22.3	—13.1	—15.7	—51.1	—17.03	—22.6	—13.8	—15.8
2	14	728.1	738.1	726.1	2181.3	727.1	—16.1	— 8.7	—11.9	—36.7	—12.23	—16.0	— 9.6	—12.2
3	15	722.2	720.2	723.2	2172.6	724.2	—12.5	— 9.3	—11.5	—33.3	—11.1	—12.8	— 9.8	—14.6
4	16	721.4	721.5	723.1	2166.0	722.0	—14.7	—14.1	—14.7	—43.5	—14.5	—14.8	—14.4	—15.0
5	17	725.3	724.6	722.2	2172.1	724.0	—19.7	— 9.9	—10.5	—40.1	—13.36	—14.2	—10.2	—10.2
6	18	723.3	719.0	724.1	2164.4	721.5	—12.4	— 7.7	— 7.1	—26.9	— 8.96	—12.6	— 8.4	— 7.8
7	19	729.0	732.2	735.9	2197.1	732.4	—13.3	— 8.7	— 8.1	—30.1	—10.03	—13.6	— 9.4	— 9.8
8	20	729.2	728.2	728.0	2185.4	728.4	—12.7	— 4.5	— 4.1	—21.3	— 7.1	—13.2	— 5.0	— 4.1
9	21	731.1	728.4	725.0	2184.5	728.2	— 2.7	— 1.9	— 4.5	— 9.1	— 3.03	— 3.4	— 2.0	— 4.2
10	22	730.6	731.2	730.0	2191.8	730.6						— 2.0	— 4.1	— 5.2
11	23	731.4	723.4	733.1	2187.9	729.3						— 4.2	— 4.2	—12.4
12	24	732.7	731.7	733.4	2197.8	732.6						—16.2	—10.6	—11.0
13	25	734.3	732.7	731.4	2198.4	732.8						—10.0	— 4.0	
14	26	728.5	728.3	728.3	2185.1	728.3								
15	27	728.5	729.4	730.4	2188.3	729.4								—11.0
16	28	733.7	732.1	734.3	2200.1	733.3	—17.7	—14.2	—19.5	—51.4	—17.13	—17.6		—19.4
17	29	738.3	738.3	741.5	2218.1	739.4	—22.7	—21.1	—23.3	—67.1	—22.36			—23.0
18	30	741.9	742.0	739.3	2223.2	741.1	—26.7	—25.0	—29.1	—80.8	—26.83	—27.6	—24.8	—29.0
Сумма.		21866.0	21855.5	21870.7	65593.1	21865.5	—328.4	—219.9	—286.6	—798.2	—265.17	—329.4	—212.1	—396.6
Среднее.		728.9	728.5	729.0	2185.4	728.8	—13.1	— 8.8	—11.0	—33.13	11.09	—12.0	— 8.2	—10.9

Абсолютная влажность. Миллиметры.					Относительная влажность. Проценты.					Гигрометръ.				
7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.
3.1	3.3	3.0	9.4	3.1	98	98	98	294	98	89	87	89	265	88
2.9	3.9	3.6	10.4	3.5	96	98	94	288	96	90	76	81	247	82
3.1	3.8	3.4	10.3	3.4	93	98	98	289	96	91	87	90	268	89
2.1	3.6	3.1	8.8	2.9	97	94	100	291	97	99	91	87	277	92
	2.7	2.4	5.1	2.6	100	88	97	285	95	96	92	100	288	96
	2.3		2.3	2.3	98	97	99	294	98	98	95	97	290	97
1.4	2.4	2.1	5.9	1.9	92	82	97	271	90	91	85	93	269	90
	2.3	2.1	4.4	2.2	98	82	97	277	92	98	66	61	225	75
1.3	2.7	2.7	6.7	2.2	87	84	88	259	86	79	63	65	208	69
2.2	3.5	3.3	9.0	3.0	97	86	93	276	92	86	76	71	233	78
1.6			1.6	1.6	89	73	85	247	82	76	73	85	234	78
	0.9	0.8	1.7	0.9	86	84	93	263	88	86	74	78	238	79
0.6	1.2	1.3	3.1	3.0	76	72	99	247	82	88	92	96	276	92
	1.7	1.6	3.3	1.6	97	72	89	258	86	97	89	91	268	89
1.5	1.9	1.8	5.2	1.7	88	84	97	269	90	93	94	97	284	95
1.3	1.3	1.2	3.8	1.2	91	88	87	266	89	98	98	99	295	98
	1.9	1.6	3.5	1.6	95	93	80	265	88	95	97	80	272	91
1.4	2.0	2.1	5.6	1.9	81	81	81	243	81	93	80	80	253	84
1.4	1.8	1.5	4.5	1.5	88	79	55	222	74	95	84	81	260	86
1.4	2.8	3.4	7.6	2.5	80	88	100	268	89	86	81	100	267	89
3.2	3.9		7.1	2.3	85	98	74	257	86	67	59	73	199	66
					69	82	99	250	83	69	82	100	251	84
					99	90	95	284	95	99	90	95	284	95
					98	94	94	286	95	98	94	94	286	95
					96	81	95	272	91	96	91	95	272	91
					96	92	97	285	95	96	92	97	283	94
					95	96	93	284	95	95	96	93	284	95
					92	85	91	268	89	98	85	91	274	91
					93	82	91	266	88	93	82	91	266	88
					90	92	89	271	90	90	92	89	271	90

Число.		Направленіе и сила вѣтра. Метры въ секунду.			Направ. облаков.	Облачность.			Осадки. Миллиметр.	Термограф. Цельзія.		ПРИМѢЧАНІЯ.
Стар. стиль.	Новый стиль.	7	1	9	1	7	1	9	7	Maxim.	Minim.	
	1	5 WNW	4 WNW	2 WSW		9 s	10 s	10 n			— 5,0	
	2	1 WNW	0	0		10 sn	9 s	10 s			— 4,8	
	3	4 WNW	2 WNW	0		10 s,Cu	10 sCu	5 s			— 4,2	
	4	2 ESE	0	4 ESE		9 s	3 s	3 s			—10,4	□
	5	0	0	1 WSW		4 s	9 s	5 Cu			—12,4	
	6	2 ESE	2 WNW	2 ESE		0	10 n	9 s			—12,2	∞
	7	0	2 SE	1 ESE		5 s	5 s	9 s			—12,8	
	8	3 ESE	10 WNW	2 WSW		6 s	9 s	0	0,1		— 8,6	✳ 9 ч. 5 м.* — ✳12 ч.
	9	2 ESE	3 ESE	4 ESE		0	0	0			—15,2	
	10	0	0	2 ENE		9 ns	8 sCu	1 Cu			— 9,8	
	11	18 WNW	19 WNW	12 WNW		10 n	9 s	0			—12,0	✳
	12	2 ESE	1 WSW	4 ESE		0	5 s	0			—25,0	
1	13	0	1 WNW	0		0	0	1 Cu			—23,2	
2	14	0	0	2 ESE		8 Cu	6 c,s	0			—17,6	
3	15	0	2 WNW	2 ESE	E	8 c,Cu	10 s	0			—14,8	
4	16	1 ESE	0	0		10 Cu	2 s	0			—16,4	
5	17	0	0	2 WNW		0	1 s	0			—16,8	≡
6	18	0	1 WSW	3 WNW	E	8 s,Cu	10 c,Cu	0			—12,6	
7	19	0	1 W	1 ESE		0	10 n	0			—13,4	∞ 11 ч.* — 2 ч.*
8	20	3 ESE	2 ESE	0		0	10 Cu	0			—13,0	
9	21	1 WSW	0	2 ESE	E	9 Cu	9 c,Cu	5 s,Cu			—11,8	
10	22	9 WNW	7 WNW	0	E	10 Cu	10 n,Cu	10 n			—14,0	
11	23	7 WNW	2 WNW	0	E	10 n	10 n	3 Cu			—11,8	
12	24	1 ESE	1 WNW	1 ESE	W	10 n	8 s	7 Cu			—23,0	≡
13	25	3 ESE	0	0	S	10 n	8 s,Cu,c	1 c			—19,0	
14	26	2 ESE	3 ESE	0	n	10 n,Cu	4 s,Cu	10 s,Cu			—19,4	
15	27	0	0	2 WNW	WE	10 s,Cu	9 s,c	4 s,Cu			—20,2	∞
16	28	2 WNW	2 ESE	1 WNW		10 s,Cu	4 s	9 n			—25,0	
17	29	3 WSW	3 WNW	4 WSW	E	4 Cu,c	4 s	7 n			—19,0	
18	30	0	0	0		≡	0	0			—35,8	∞
Сумма.											459,2	
Среднее.												

СОКРАЩЕННЫЯ ОБОЗНАЧЕНІЯ ДЛЯ ПРИМѢЧАНІЙ.

Роса. = ♀ Дождь. = ● Вѣнецъ около солнца. = ⊛ Сѣверное сіяніе. = ⌓ Атмосферн. дымъ. = ∞
Иней. = □ Снѣгъ. = ✳ Кругъ около луны. = ⊙ Гроза. = ⚡ Метель. = ✱
Изморозь. = V Крупа. = △ Вѣнецъ около луны. = ◡ Молнія безъ грома или зарница. = ⚡ Столбы около солнца. = |·|
Гололедица. = ∞ Градъ. = ▲ Ледяныя иглы. = ⊸
Туманъ. = ≡ Кругъ около солн. = ⊕ Радуга. = ◠ Сильный вѣтеръ. = ↙

ТАБЛИЦА

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

ДЕКАБРЬ 1884 ГОДЪ.

Число		Барометръ при 0°. Миллиметры.					Температура воздуха. Цельзія.					Смоченный термометръ.		
Старый стиль.	Новый стиль.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9
	1	738.4	739.3	738.5	2216.2	738.7	—32.5	—27.7	—29.5	—89.7	—29.9	—32.2	—27.7	—28.5
	2	739.6	741.2	741.4	2222.2	740.7	—34.1	—28.1	—28.1	—90.3	—30.1	—34.1	—27.8	—28.3
	3	741.6	741.7	738.7	2222.0	740.6	—33.1	—26.9	—27.7	—87.7	—29.2	—32.0	—25.6	—28.0
	4	741.7	742.4	737.4	2221.5	740.5	—25.5	—21.1	—23.5	—70.1	—23.3	—25.0	—21.2	—23.2
	5	729.7	725.3	724.2	2179.2	726.4	—22.5	—16.6	—15.8	—54.9	—18.3	—22.8	—16.6	—15.8
	6	727.5	729.2	732.3	2189.0	729.6	—14.1	— 9.2	—13.5	—36.8	—12.2	—14.4	— 9.6	—13.8
	7	729.5	725.8	725.3	2180.6	726.8	—22.8	—19.3	—15.3	—57.4	—19.1	—22.8	—19.6	—15.4
	8	726.3	725.8	725.8	2177.9	725.9	—16.4	— 9.7	— 9.1	—35.2	—11.7	—16.6	—10.4	— 9.4
	9	728.0	730.0	731.2	2189.2	729.7	— 8.7	—10.2	—16.5	—35.4	—11.8	— 9.4	—10.6	—16.6
	10	729.2	726.1	726.0	2181.3	727.1	—23.3	—17.3	—15.3	—55.9	—18.6	—24.0	—17.6	—15.8
	11	726.1	725.1	721.0	2172.2	724.0	—10.9	— 7.8	— 7.1	—25.8	— 8.6	—11.2	— 8.2	— 7.3
	12	721.1	725.0	726.9	2173.0	724.3	—13.1	— 9.1	—10.9	—33.1	—11.0	—13.4	— 9.4	—11.2
1	13	727.1	724.7	718.9	2170.7	723.5	—15.9	— 7.1	— 7.7	—30.7	—10.2	—16.2	— 7.6	— 8.2
2	14	714.0	716.9	722.1	2153.0	717.6	— 3.7	— 3.7	— 3.5	—10.9	— 3.6	— 4.4	— 4.0	— 4.8
3	15	729.0	733.0	735.0	2197.0	732.3	— 9.8	—11.8	—17.7	—39.3	—13.1	—10.8	—12.4	—18.2
4	16	735.3	736.0	733.9	2205.2	735.0	—20.7	—18.2	—22.1	—61.1	—30.3	—21.0	—18.5	—22.4
5	17	730.2	730.0	731.0	2191.2	730.4	—20.8	—10.7	—15.7	—47.2	—15.7	—20.9	—11.5	—15.8
6	18	739.1	730.5	730.3	2199.9	733.3	—18.9	—15.8	—14.5	—49.2	—16.4	—19.2	—16.0	—15.8
7	19	726.4	722.2	720.1	2168.7	722.9	—14.2	—10.9	— 5.6	—30.7	—10.2	—14.4	—11.0	— 5.8
8	20	715.9	716.8	720.8	2153.5	717.8	— 5.4	— 4.9	— 6.3	—16.6	— 5.5	— 5.8	— 4.6	— 6.5
9	21	733.0	735.2	735.3	2203.5	734.5	—14.5	—17.3	—24.1	—55.9	—18.6	—15.0	—17.7	—23.8
10	22	728.0	726.1	725.0	2179.1	726.3	—30.1	—25.3	—24.9	—80.3	—26.7	—30.1	—25.4	—24.7
11	23	729.6	730.1	734.1	2193.8	731.2	—25.3	—21.6	—17.8	—64.7	—21.5	—25.6	—21.8	—18.0
12	24	735.2	734.9	732.5	2202.6	734.2	—21.5	—19.5	—25.4	—66.4	—23.1	—21.4	—19.6	—26.0
13	25	730.3	727.2	725.2	2182.7	727.5	—33.3	—26.5	—27.2	—87.0	—29.0	—31.8	—26.8	—27.2
14	26	729.6	731.4	734.3	2195.3	731.7	—30.1		—28.1	—58.2	—29.1	—28.4		—28.0
15	27	734.5	734.2	736.4	2205.1	735.0	—24.1	—20.5	—23.9	—68.5	—22.8	—24.4	—20.4	—24.2
16	28	735.6	735.6	735.6	2206.8	735.6	—25.7	—21.3	—23.4	—70.4	—23.4	—25.6	—21.4	—23.4
17	29	730.6	728.3	724.2	2183.1	727.7	—24.1	—18.2	—19.1	—61.4	—20.4	—24.4	—18.4	—19.4
18	30	718.5	710.1	716.1	2144.7	714.9	—20.6	—13.7	—13.1	—47.4	—15.8	—40.7	—14.0	—12.8
19	31	718.0	720.2	722.2	2160.4	720.1	—13.0	—10.7	—19.0	—42.7	—14.2	—13.2	—10.9	—19.2
Сумма.		22518.6	22600.3	22601.7	67830.6	22605.8	—628.7	—480.8	—551.4	1660.9	583.4	—631.2	—486.3	—558.7
Среднее.		726.4	729.0	729.1	2188.1	729.2	—20.3	—15.5	—17.8	53.6	18.5	—20.4	—15.7	—18.0

Абсолютная влажность. Миллиметры.					Относительная влажность. Проценты.					Гигрометръ.				
7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.	7	1	9	Сумма.	Среднее.
					88	89	89	266	88	88	89	89	266	88
					97	90	89	276	92	87	90	89	276	92
					82	90	90	262	87	88	90	90	268	89
	0.8		0.8	0.8	91	93	88	272	90	91	94	88	273	91
0.5	1.2	1.3	3.0	1.0	76	100	100	276	92	88	96	97	281	93
1.3	2.0	1.4	4.7	1.5	88	88	88	264	88	98	87	89	274	91
0.7	0.8	1.3	2.8	0.9	100	81	95	276	92	87	86	89	261	87
1.1	1.7	2.0	5.8	1.9	90	77	91	258	86	93	85	100	278	93
1.8	1.8	1.2	4.8	1.6	79	87	95	261	87	94	86	96	276	92
0.3	1.0	1.0	2.3	0.8	42	84	77	203	67	85	83	95	263	87
1.7	2.2	2.5	6.4	2.1	90	89	95	274	91	100	85	100	285	95
1.4	2.0	1.7	5.1	1.7	88	91	90	269	89	100	100	97	297	99
1.1	2.3	2.2	5.6	1.8	85	87	86	258	86	96	92	89	277	92
2.9	3.2	2.5	8.6	2.8	84	93	75	252	84	92	100	72	264	88
1.4	1.4	0.8	3.6	1.2	67	78	73	218	72	57	69	80	206	68
0.7	0.9	0.6	2.2	0.7	79	89	77	245	81	92	96	95	283	94
0.8	1.4	1.2	3.4	1.1	93	73	95	221	87	96	82	82	260	86
0.8	1.2	1.1	3.1	1.0	82	90	86	258	86	89	98	100	287	95
1.4	1.9	2.8	6.1	2.0	92	97	96	285	95	100	100	100	300	100
2.7		2.7	5.4	2.7	90	78	95	263	87	93	78	100	271	90
1.1	0.9		2.0	1.0	78	79	81	238	79	61	61	81	203	67
					84	85	84	253	84	84	85	84	253	84
	0.7	1.0	1.7	0.5	91	93	89	273	91	91	83	95	269	89
	0.9		0.9	0.9	95	94	87	278	92	95	94	87	276	92
					85	89	89	266	88	88	89	89	266	88
					88	88	88	264	88	88		88	176	88
0.5		0.5	1.0	0.5	73	92	74	239	79	87	92	91	270	90
	0.8	0.7	1.5	0.7	92	93	100	285	95	92	93	93	278	92
0.5	0.9	0.8	2.2	0.7	73	89	81	243	81	92	96	96	284	94
0.8	1.4		2.2	1.1	93	88	100	281	93	97	95	96	288	96
1.5	1.8	0.9	4.2	1.4	92	94	88	274	91	97	98	98	293	97
31.0	33.2	30.2	89.4	32.6	2630	2728	2721	8091	2688	2786	2671	2835	8302	2687
1.0	1.1	0.9	3.5	1.3	84	97	87	261	89	89	86	92	269	89

Число.		Направленіе и сила вѣтра. Метры въ секунду.			Направ. облаков.	Облачность.			Осадки. Миллимет.	Термограф. Цельзія.		ПРИМѢЧАНІЯ.
Стар. стиль.	Новый стиль.	7	1	9	1	7	1	9	7	Maxim.	Minim.	
	1	0	0	0							33,8	≡
	2	0	0	1 ESE							33,0	≡
	3	3 ESE	2 SE	0		3 s,Cu	6 s,Cu				32,2	
	4	1 WNW	1 SE	6 ESE		10 n	6 sCu	8 c,Cu			31,0	≡
	5	0	1 WNW	3 WNW			8 s	10 Cu			23,8	≡
	6	2 ESE	10 WNW	0	E	10 s,c	10 Cu	6 n			16,2	
	7	1 ESE	2 NE	1 WNW		0	0	10 n			22,8	✳ съ 8 ч.р—п. ч.а
	8	3 ESE	0	0		10 n,Cu	10⁰ s	6⁰ s,c	6,5		18,0	✳ съ 6⁷/₁₂ ч.р—8³/₄ ч.р
	9	6 WNW	4 WNW	0		10 s	6 c,s,Cu	6 sCu			8,6	
	10	0	1 WNW	0		5 sc	9 cs	2 Cu			23,8	
	11	0	2 SE	6 ESE		10 n	3 Cu,s	4 Cu	0,9		15,2	✳ съ п. ч.—10 ч. 30 м.
	12	0	0	5 ESE			10 n	6 sCu			15,0	≡ п. ч.—9 ч. 10 м. ✳ съ 10 ч. 40 м. —2 ч. 20 м.
1	13	2 ESE	1 SE	4 ESE		3 s,c	8 Cu	3 s			16,4	
2	14	3 ESE	6 NS	10 NW		10 Cu,c	10 n	2 s			7,2	✳ 8 ч.а 40 м. —11 ч.а 20 м.
3	15	7 NW	9 WNW	0	E	10 s	8 sc,Cu	4 s			11,0	✳ съ 3 ч.р 10 м.—4¹/₂ ч.р
4	16	0	0	2 ESE		0	0	0			22,8	
5	17	6 ESE	3 ESE	1 ESE		0	1 sc	5 Cu			23,2	
6	18	2 WNW	0	0		6 sc	1 s	10 n			20,8	≡ съ 8³/₄—1 ч. 20 м.
7	19	0	3 ESE	1 ESE		10 s	5 sc	6 s			15,4	
8	20	1 ESE	6 WNW	9 WNW		4 s	9 s,c	10 Cus			6,0	
9	21	6 WNW	0	0		10 s,Cu	3 s,c	0			14,2	
10	22	0	0	0		0	10 n	0			30,6	
11	23	0	3 WNW	0	E	8 s,Cu	6 CuC	6 s,Cu			25,6	
12	24	1 WSW	4 ESE	3 ESE	S	3 s	8 cs	0			21,2	
13	25	0	0	0		0	0	0			32,3	
14	26	0		1 ESE		4 s		6 Cu			33,2	
15	27	0	0	0		3 s,c	4 s,c	9 sc			27,4	
16	28	0	1 WSW	0		0		0			26,0	
17	29	0	0	1 ESE			5 sc	2 sc			25,4	
18	30	0	0	2 WNW	E	5 sCu	10 s,Cu	7 csCu			22,8	
19	31	0	1 ESE	0	E	9 s,Cu	9² s,Cu	0	0,1		13,4	✳ съ п. ч.—а² ч.
Сумма.												
Среднее.												

СОКРАЩЕННЫЯ ОБОЗНАЧЕНІЯ ДЛЯ ПРИМѢЧАНІЙ.

ᴿ = Роса.
□ = Иней.
V = Изморозь.
s = Гололедица.
≡ = Туманъ.
● = Дождь.
✳ = Снѣгъ.
△ = Крупа.
▲ = Градъ.
⊛ = Кругъ около солн.
◍ = Вѣнецъ около солнца.
⊙ = Кругъ около луны.
◡ = Вѣнецъ около луны.
⊸ = Ледяныя иглы.
◠ = Радуга.
⌓ = Сѣверное сіяніе.
⤳ = Гроза.
Молнія безъ грома или зарница.
⤱ = Сильный вѣтеръ.
∞ = Атмосферн. дымъ.
⁂ = Метель.
| · | = Столбы около солнца.

ПРОТОКОЛЫ

Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Іюня 7 дня 1884 г.

Присутствовали: Н. И. Витковскій, С. И. Коссовичъ, М. Я. Писаревъ, А. А. Шамаринъ, А. В. Федоровъ, Н. И. Агапитовъ.

1) Прочитано отношеніе типографіи Окружнаго Штаба, сообщающее объ отпечатаніи составленной покойнымъ И. В. Щегловымъ работы подъ заглавіемъ: „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири съ 1032 по 1882 годъ", причемъ Распорядительный Комитетъ запрашивается: 1) не имѣется-ли въ виду какихъ либо дополненій къ труду г. Щеглова или онъ можетъ быть признанъ законченнымъ и 2) какъ поступить съ тѣми 125 экземп. сочиненія г. Щеглова, которые имъ были заказаны лично для себя по частному соглашенію съ типографіей.

Постановили: 1) такъ какъ, судя по заключительнымъ словамъ отпечатаннаго труда, къ нему должны быть приложены алфавитный указатель географическихъ названій и именъ, упоминаемыхъ въ трудѣ, то войти въ сношеніе съ женою покойнаго г. Щеглова о розысканіи въ бумагахъ его таковаго указателя и по доставленіи его въ Комитетъ вопросъ о печатаніи указателя подвергнуть обсужденію; 2) такъ какъ отпечатанныхъ листовъ „хронологическаго перечня 48⁵/₈, а не 43, какъ это было предложено типографія въ послѣднемъ отношеніи Отдѣла за № , то просить типографію не ставить отпечатаніе этихъ излишнихъ противъ 43 листовъ на счетъ Отдѣла; 3) по отношенію къ излишне отпечатаннымъ 125 экземплярамъ, противъ заказанныхъ 400, въ слѣдствіе отпечатанія ихъ типографіею безъ разрѣшенія Отдѣла - опредѣлили: а) просить типографію доставить письмо И. В. Щеглова, на основаніи котораго приступлено было къ отпечатанію этихъ 125 экземпляровъ и б) увѣдомить типографію, что при разсчетѣ за эти экземпляры Отдѣлъ можетъ уплатить только стоимость бумаги; 4) такъ какъ по уставу Общества на каждомъ томѣ изданій Общества должны быть напечатаны имена тѣхъ лицъ, подъ наблюденіемъ которыхъ каждый томъ печатался, и имѣя въ виду, что при печатаніи труда г. Щеглова на него лично и было возложено наблюденіе, вслѣдствіе смерти автора, просить В. И. Вагина принять на себя трудъ просмотрѣть работу г. Щеглова и дать свое заключеніе.

2) Прочитаны письма наблюдателя Верхоленской станціи, въ которомъ г. Гамкрелидзе проситъ выслать ему minimum-термометръ и увѣдомить, закроется-ли станція въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда истекаетъ срокъ контракта на квартиру, или станція сохраняется, и тогда необходимо заключить новое условіе.

Постановили: увѣдомить г. Гамкрелидзе а) что станція будетъ поддерживаться Отдѣломъ до Января 1885 года и дальнѣйшее ея существованіе будетъ подлежать особому обсужденію Комитета осенью, вслѣдствіе чего контрактъ необходимо продолжить; б) minimum—термометровъ было на станціи испорчено два, чтобы выслать третій, потребуется разрознить единственную полную серію инструментовъ и потому въ просьбѣ отказать въ настоящее время, но такой термометръ просить выслать въ Главную Физическую Обсерваторію и поручить это сдѣлать лично Правителю дѣлъ, пользуясь его командировкой въ Европейскую Россію.

3) Предъявленъ счетъ типографіей Синицына на 226 руб. за отпечатаніе „Извѣстій" т XIV №№ 4—5 и за мелкія типографскія работы.

Постановили: уплатить типографіи Синицына 226 руб.

Соглашаясь съ соображеніями, высказанными въ этомъ протоколѣ относительно труда И. В. Щеглова „Хронологическій перечень" и пр., я полагаю, однако, что Комитету надлежало разсмотрѣть вопросъ не только о покрытіи расходовъ на напечатаніе этого труда, но и о вознагражденіи за этотъ трудъ наслѣдниковъ покойнаго. *М. Писаревъ.*

---

4 Августа 1884 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича, присутствовали: Н. П. Рагинскій, М. Я. Писаревъ, А. А. Шамаринъ и Н. И. Витковскій.

1) Прочитано сообщеніе Окружнаго Штаба отъ 23 Іюля с. г. за № 657, что по вопросу о печатаніи труда покойнаго Щеглова: „Хронологическій перечень главнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири" Типографія Штаба рѣшила: 1) не дѣлать никакихъ уступокъ за лишне-отпечатанные, безъ разрѣшенія Отдѣла, 5⁵/₈ листа, а прямо предать ихъ уничтоженію, въ случаѣ несогласія со стороны Отдѣла уплатить причитающіяся за нихъ деньги; 2) что за 125 экземпляровъ упомянутаго сочиненія, отпечатанныхъ лишь на основаніи личнаго соглашенія съ авторомъ, она желаетъ получить только стоимость бумаги.

Постановили: въ виду такого заявленія, грозящаго уничтожить цѣлость сочиненія, признать необходимымъ уплатить за все сочиненіе, но принимая во вниманіе полнѣйшую невозможность произвести разсчетъ въ текущемъ году, просить Штабъ часть платежа отсрочить до будущаго года.

2) Выслушано письмо Войсковаго Старшины Путилова, которымъ онъ спрашиваетъ Отдѣлъ, какая судьба постигла его статью: „О новомъ пути отъ гг. Кяхты, Селенгинска и Читы до ст. Боярской", каковую статью онъ выслалъ въ Отдѣлъ еще въ Февралѣ мѣсяцѣ с. г. съ просьбою напечатать ее въ „Извѣстіяхъ" и появленіе въ свѣтъ которой для него теперь особенно важно въ виду того обстоятельства, что изслѣдованный имъ уже путь Министерство Путей Сообщенія поручило въ нынѣшнемъ году изслѣдовать П. А. Кельбергу.

Постановили: вопросъ о печатаніи сказанной статьи отложить до возвращенія редактора „Извѣстій" г. Агапитова, краткое же извлеченіе изъ оной, согласно заявленія М. Я. Писарева, напечатать въ мѣстной газетѣ „Сибирь".

---

24 Августа 1884 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича, присутствовали: Н. И. Раевскій, В. И. Вагинъ, А. А. Шамаринъ, А. М. Шестаковъ, А. В. Федоровъ и Н. И. Витковскій.

1) В. И. Вагинъ прочелъ свое заключеніе о сочиненіи покойнаго Щеглова „Хронологическій перечень главнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири". Опредѣливъ значеніе сочиненія, какъ важной справочной книги для всѣхъ занимающихся исторіею Сибири и указавъ на главнѣйшія въ ней неѣрности, В. И. въ заключеніе заявилъ, что такъ какъ книга печаталась подъ наблюденіемъ самаго автора, то, по его мнѣнію, было-бы несправедливо отнимать у него честь редактированія, потому только, что онъ умеръ, но если Комитету будетъ угодно означить на книгѣ другаго редактора, то онъ соглашается принять на себя это званіе съ тѣмъ только, чтобы были исправлены указанныя имъ ошибки и присоединены составленные Щегловымъ указатели.

Постановили: благодарить В. И. за трудъ разсмотрѣнія упомянутой книги и просить его принять на себя и званіе редактора ея, такъ какъ Комитетъ считаетъ это необходимымъ. Вопросъ о печатаніи указателей къ книгѣ оставить не рѣшеннымъ, въ виду словеснаго заявленія жены покойнаго автора, что составленіе таковыхъ было имъ начато только не задолго передъ смертью.

2) При обсужденіи вопроса объ устройствѣ музея къ предстоящему зимнему сезону нѣкоторыми изъ членовъ Комитета было заявлено, что всѣ коллекціи по этнографіи было бы цѣлесообразно перенести въ залъ верхняго этажа, а естественно-историческія размѣстить тамъ же въ шкапахъ, оставивъ въ нижнемъ этажѣ только библіотеку. Большинствомъ присутствующихъ мнѣніе это признано основательнымъ, посему.

Постановили: поручить консерватору музея исполнить вышесказанное перемѣщеніе и ассигновать ему до ста рублей на устройство временныхъ шкаповъ и столовъ.

Раздѣляя все изложенное въ этомъ протоколѣ, имѣю заявить свое желаніе, во-1-хъ, чтобы настоящій протоколъ былъ дополненъ подробнымъ перечисленіемъ высказанныхъ Всеволодомъ Ивановичемъ Вагинымъ главнѣйшихъ неѣрностей въ сочиненіи покойнаго П. В. Щеглова, и во-2-хъ, чтобы были приняты мѣры къ своевременной подписи гг. Членами Распорядительнаго Комитета протоколовъ засѣданій, а не черезъ 2½ мѣсяца, какъ показываетъ этотъ протоколъ. Ноября 8 дня 1884 г.

Членъ Распорядительнаго Комитета *А. Шестаковъ.*

---

4 Сентября 1884 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: Н. И. Раевскій, В. И. Вагинъ, В. В. Сукачевъ, А. В. Федоровъ, А. М. Шестаковъ и Н. И. Витковскій.

1) В. В. Сукачевымъ прочитана копія съ письма Г. Н. Потанина къ Секретарю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, писаннаго 25 Іюля с. г. изъ Гуй-Хуачена (въ Китаѣ). Въ письмѣ этомъ Г. Н. довольно подробно излагаетъ какъ ходъ работъ экспедиціи, такъ и путь, по которому она прошла: описаніе нѣкоторыхъ, болѣе замѣчательныхъ, мѣстностей и были демонстрированы фотографическими снимками. Письмо и снимки переданы В. В. въ Отдѣлъ.

Постановили: краткое извлеченіе изъ письма путешественника напечатать въ „Извѣстіяхъ" Отдѣла, а снимки передать въ библіотеку.

2) Консерваторъ музея Н. И. Витковскій заявилъ, что въ ночь съ 2 на 3 Сентября изъ подвала, имѣющагося при домѣ Отдѣла, похищенъ, кромѣ нѣкоторыхъ вещей Витковскаго, одинъ ящикъ консервовъ, высланныхъ изъ Петербурга для Лепской экспедиціи; фактъ похищенія констатированъ полицейскимъ чиновникомъ и разбитый ящикъ найденъ въ прилегающемъ саду Благороднаго Института, причемъ по нѣкоторымъ остаткамъ можно было заключить, что въ похищенномъ ящикѣ находились флаконы съ клюквеннымъ экстрактомъ.

Постановили: въ виду возможности похищенія нетолько остальныхъ ящиковъ съ консервами изъ подвала, но и болѣе цѣнныхъ вещей изъ музея, остающагося ночью безъ всякой охраны, нанять, вмѣсто одного, двухъ служителей, съ платою по 15 руб., на обязанности которыхъ долженъ быть какъ постоянный ночной караулъ, такъ соблюденіе чистоты и отопленіе зданія. Наемъ служителей и наблюденіе за ихъ исправностью поручить консерватору музея.

Что-же касается обязанностей разсыльнаго, лежащихъ нынѣ на одномъ служителѣ, получающемъ 20 руб. въ мѣсяцъ, то таковыя распредѣлить пока между двумя служителями, а въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій Комитета обсудить вопросъ о замѣнѣ доставки повѣстокъ и другой корреспонденціи чрезъ служителя, посредствомъ городовой почты или объявленій въ мѣстной газетѣ.

3) Въ виду того, что въ пожаръ, уничтожившій столярную мастерскую Капереваго, сгорѣли заказанные ему и уже начатые постройкою шкафы для библіотеки Отдѣла, постановили: возобновить заказъ потому же проэкту какой былъ данъ Капереваго, въ другой мастерской, поручивъ исполнить это консерватору музея Витковскому.

---

11 Сентября 1884 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: А. В. Федоровъ, Н. И. Раевскій, В. И. Вагинъ, М. Л. Писаревъ, А. М. Шестаковъ и Н. И. Витковскій.

1) Прочитано предложеніе Дерптской метеорологической обсерваторіи производить постоянный обмѣнъ изданіями, причемъ Обсерваторія проситъ выслать ей и всѣ изданные уже до сихъ поръ томы Извѣстій Отдѣла, съ тѣмъ что и она вышлетъ всѣ свои изданія.

Постановили: принять предложеніе и исполнить просьбу Обсерваторіи.

2) Консерваторъ музея заявилъ, что постоянно пребывающія, не рѣдко весьма цѣнныя коллекціи, не имѣя должнаго помѣщенія, т. е. шкафовъ и витринъ, очень скоро подвергнутся порчѣ и потеряютъ свое значеніе, поэтому онъ просилъ Комитетъ обсудить вопросъ о изысканіи средствъ для постройки шкафовъ для музея.

Постановили: составить предварительно проэктъ и смѣту стоимости необходимыхъ шкафовъ, вопросъ о постройкѣ ихъ и изысканіи средствъ представить для обсужденія въ Общее Собраніе Членовъ Отдѣла.

3) Выслушано заключеніе Ревизіонной Коммисіи, разсмотрѣвшей отчетъ Отдѣла за 1883 г.

Постановили: по возвращеніи изъ отпуска Правителя дѣлъ еще разъ прочесть сказанное заключеніе и дать нужныя объясненія.

25 Сентября 1884 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: А. В. Федоровъ, Н. И. Раевскій, А. А. Шамаринъ, В. П. Ватинъ, А. М. Шестаковъ и Н. И. Витковскій.

1) Прочитана телеграмма отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, сообщающая о переводѣ въ Иркутскъ на имя Отдѣла шести тысячъ руб., предназначенныхъ для Ленской метеорологической станціи.

Постановили: согласно содержанію телеграммы просить Якутскаго Губернатора, въ случаѣ надобности, открыть кредитъ Начальнику станціи, г. Юргенсу, въ 6000 руб.; переведенныя же деньги положить на текущій счетъ Отдѣла, впредь до полученія какихъ либо требованій отъ г. Юргенса или Якутскаго Губернатора.

2) Въ виду того, что бывшій Предсѣдатель Отдѣла Н. Ф. Унтербергеръ получилъ новое назначеніе и уѣхалъ уже въ Хабаровку, постановили: приступить къ выбору новаго Предсѣдательствующаго, руководствуясь при этомъ тѣми же правилами объ избирательныхъ правахъ, какія изложены въ протоколѣ 26 Ноября 1883 г., т. е. посылать выборные листы только тѣмъ изъ вновь избранныхъ членовъ Отдѣла, которые внесли членскій взносъ; но чтобы при этомъ избѣгнуть могущихъ возникнуть недоразумѣній, постановили: поручить исполняющему должность Правителя дѣлъ составить списокъ членовъ, неуплатившихъ взносъ и по разсмотрѣніи таковаго въ Комитетѣ послать съ разсыльнымъ къ каждому изъ членовъ съ просьбою уплатить причитающійся взносъ и принять такимъ образомъ участіе въ предстоящихъ выборахъ.

8 Октября 1884 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: М. Я. Писаревъ, Н. И. Раевскій, А. В. Федоровъ, А. А. Шамаринъ, С. А. Штеръ, В. П. Сукачевъ и Н. И. Витковскій.

1) Предъявленъ счетъ Типографіи Штаба на 1046 руб., слѣдуемыхъ за напечатаніе труда покойнаго Щеглова: „Хронологическій перечень главнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири".

Постановили: уплатить пока по упомянутому счету только 500 руб., а остальные 546 руб. доплатить, по соображенію съ наличными средствами Отдѣла, въ концѣ текущаго или въ началѣ будущаго года.

2) Библіотекарь Отдѣла Н. И. Витковскій доложилъ, что выше упомянутое сочиненіе Щеглова доставлено уже Типографіею въ Отдѣлъ въ количествѣ 525 экземпляровъ и просилъ о назначеніи продажной цѣны и о выборѣ способа скорѣйшей распродажи его.

Постановили: чтобы сдѣлать книгу доступною большому кругу читателей, назначить за нее, по возможности, не высокую цѣну, а именно 3 руб.; въ зданіи Отдѣла, на видномъ мѣстѣ, вывѣсить объявленіе о выходѣ въ свѣтъ книги и цѣны ея, такое же объявленіе просить напечатать и редакцію газеты Сибирь; кромѣ того, просить дѣйствительнаго члена Отдѣла Н. Н. Синицына, имѣющаго книжную торговлю, принять участіе въ продажѣ упомянутаго сочиненія.

3) При дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о предстоящихъ выборахъ Предсѣдательствующаго нѣкоторыми изъ присутствующихъ членовъ было высказано мнѣніе, что Комитетъ, ограничивая избирательныя права вновь избранныхъ членовъ, не уплатившихъ взноса за тотъ годъ, въ которомъ предстоятъ выборы должностныхъ лицъ, нарушаетъ уставъ, дающій § 37-мъ двухлѣтнюю льготу каждому изъ членовъ касательно уплаты взноса и что объясненіе 27 § того же устава, послужившее основаніемъ для протокола отъ 29 Ноября 1883 г. то-же несогласно съ уставомъ, такъ какъ въ упомянутой статьѣ ясно высказано, что вновь поступающій, хотя бы въ концѣ года, членъ долженъ уплатить взносъ за весь этотъ годъ, но не то, что онъ, не уплативъ взноса до выборовъ, не имѣетъ правъ участвовать въ нихъ. Исполняющій обязанность Предсѣдателя, С. И. Коссовичъ, въ виду несогласія мнѣній присутствующихъ по этому вопросу, предложилъ его на баллотировку; четверо изъ присутствующихъ остались при своемъ особомъ, при семъ приложенномъ мнѣніи, а остальные четверо съ голосомъ Предсѣдателя, составивъ большинство, заявили, что лица, оказавшіяся по баллотировкѣ на Общемъ Собраніи выбранными въ дѣйствительные члены Отдѣла, считаются пока только выбранными, а не вступившими, такъ какъ вступившими, т. е. сдѣлавшимися членами Общества, могутъ считаться только тѣ изъ выбранныхъ, которые исполнятъ обязательства, возлагаемыя на нихъ 27 § устава, т. е. внесутъ членскіе взносы; не сдѣлавшіеся членами Общества, понятно, не могутъ принимать и участія въ дѣлахъ Общества, а слѣдовательно и имѣть голосъ на выборахъ. Что же касается 37 § устава, то, по мнѣнію помянутыхъ четырехъ членовъ, въ этомъ § нѣтъ и рѣчи о какой либо двухлѣтней льготѣ для внесенія членскихъ взносовъ, какъ это полагаютъ другіе четыре члена. Въ немъ говорится только о срокѣ, съ котораго вступившій дѣйствительнымъ членомъ въ Общество перестаетъ быть таковымъ, а не о времени, съ котораго долженъ вступившій членъ вносить членскій взносъ. При 2-хъ лѣтней отсрочкѣ членскихъ взносовъ для вступающихъ членовъ немыслимо было бы осуществленіе дѣятельности Общества въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ его существованія, такъ какъ нельзя же безъ денегъ приступать къ какимъ либо предпріятіямъ. Кромѣ этого, 2-хъ лѣтняя отсрочка повела бы къ расположенію и безъ того имѣющихся у насъ въ достаточномъ количествѣ фиктивныхъ членовъ.

—

Въ засѣданіи Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 8-го сего Октября, между прочимъ, возникъ вопросъ, руководствоваться ли при выборѣ должностныхъ лицъ уставомъ

названнаго Общества, или же тѣми правилами, которыя изложены въ протоколѣ засѣданія Распорядительнаго Комитета 26-го Ноября 1883 г. При обсужденіи этого вопроса гг. С. А. Штернъ, Н. И. Витковскій, В. Н. Сукачевъ и М. Я. Писаренъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались, что правила, изложенныя въ указанномъ протоколѣ, не согласуются съ уставомъ Общества, по которому каждому члену предоставляется двухлѣтняя льгота для взноса 10 р. съ тѣмъ однако-же ограниченіемъ, что если вновь избранный членъ поступилъ въ Общество и въ концѣ года, онъ обязанъ сдѣлать полный годичный взносъ. Независимо этого, протоколъ отъ 26-го Ноября 1883 г. не подписанъ двумя членами Распорядительнаго Комитета, и потому не можетъ быть считаемъ за документъ, на который можно было бы ссылаться въ послѣдующей дѣятельности Комитета. Кромѣ того, Распорядительному Комитету, по уставу, не предоставлено права не только измѣнять его, но и входить въ разъясненіе какихъ либо статей его; подобные вопросы, на основаніи § 6-го устава Отдѣла и § 61-го устава Общества, могутъ быть разрѣшаемы въ чрезвычайномъ Общемъ Собраніи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы полагаемъ, что если выборы г. Предсѣдательствующаго будутъ произведены на основаніи правилъ, изложенныхъ въ протоколѣ Распорядительнаго Комитета отъ 26-го Ноября 1883 г., то они не могутъ считаться дѣйствительными; имѣетъ съ тѣмъ мы считаемъ необходимымъ созваніе чрезвычайнаго Общаго Собранія.

Члены Распорядительнаго Комитета: *М. Писаренъ. С. Штернъ. Н. Витковскій. В. Сукачевъ.*

Г. Иркутскъ, 11-го Октября 1883 г.

---

10 Октября 1884 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: С. А. Штернъ, Н. И. Раевскій, А. М. Шестаковъ, П. Н. Лялинъ, А. А. Шамаринъ, А. И. Бобровниковъ, Н. И. Витковскій, Начальникъ Ленской метеорологической станціи Н. Д. Юргенсъ и дѣйствительный членъ Ячевскій.

1) С. И. Коссовичъ привѣтствовалъ отъ имени Комитета Н. Д. Юргенса съ благополучнымъ окончаніемъ возложенныхъ на него важныхъ порученій.

2) Вмѣсто выбывшаго члена Распорядительнаго Комитета К. П. Свѣтлицкаго, постановили: пригласить къ участію въ занятіяхъ Комитета Кандидата въ члены А. И. Бобровникова.

3) По разсмотрѣніи алфавитнаго списка дѣйствительныхъ членовъ Отдѣла, постановили:

а) Тѣхъ изъ членовъ, которые, въ теченіе двухъ лѣтъ, согласно § 37 устава, не доставили никакихъ свѣдѣній или не внесли установленнаго членскаго взноса, считать сложившими съ себя званіе членовъ и исключить ихъ изъ списковъ. Равнымъ образомъ исключить изъ списковъ и умершихъ членовъ.

б) Тѣмъ изъ членовъ, которые, въ силу вышеприведеннаго § 37 устава, не потеряли еще право на званіе члена Общества, послать приглашеніе о скорѣйшемъ выполненіи ими своихъ обязательствъ, т. е. внести слѣдующіе съ нихъ членскіе взносы или же доставить требуемыя уставомъ свѣдѣнія.

---

25 Октября 1883 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовали: Н. И. Раевскій, А. А. Шамаринъ, П. Н. Лялинъ, А. И. Бобровниковъ, А. В. Федоровъ, А. М. Шестаковъ, Н. И. Витковскій и Начальникъ Ленской полярной станціи Н. Д. Юргенсъ.

1) По просьбѣ Н. Д. Юргенса разсмотрѣны денежные разсчеты Отдѣла съ Ленской экспедиціей. Изъ представленной г. Казначеемъ выписки изъ приходо-расходныхъ книгъ оказалось, что на имя Отдѣла въ разное время поступило для Экспедиціи 14,493 р. 3 к., изъ этой суммы израсходовано на потребность экспедиціи въ теченіе 2 лѣтъ 6,525 руб. 81 коп. и затѣмъ остается въ наличности 7,967 р. 22 к. Остатокъ этотъ г. Юргенсъ просилъ распредѣлить слѣдующимъ образомъ: 5000 р. выдать лично ему, 1,500 руб. выдать доктору Бунге по пріѣздѣ его въ г. Иркутскъ, уплатить также г. Малыхъ за доставку консервовъ, а остальныя затѣмъ деньги употребить согласно указаніямъ, какія будутъ присланы имъ изъ Петербурга.

Постановили: удовлетворить просьбу г. Юргенса; представленную же г. Казначеемъ выписку при семъ прилагаемую прихода денегъ просить Правителя дѣлъ Н. Н. Агапитова, по возвращеніи его изъ отпуска, свѣрить съ имѣющимися документами.

2) Выслушано словесное заявленіе г. Юргенса о томъ, что имъ вскрыты и осмотрѣны всѣ ящики съ консервами, бывшіе на храненіи въ помѣщеніи Отдѣла. По мнѣнію Николая Даниловича, цѣнность утеряннаго въ дорогѣ ящика не можетъ превзойти 100 р. и посему онъ полагалъ бы возможнымъ уплатить доставщику деньги, удержавъ съ него лишь 100 р., впредь до полученія подробныхъ свѣдѣній о стоимости утеряннаго, каковое свѣдѣніе будетъ немедленно выслано Н. Д. по возвращеніи его въ С.-Петербургъ. Что-же касается консервовъ, то таковые Н. Д. проситъ хранить и далѣе до пріѣзда члена экспедиціи Доктора Бунге.

Постановили: уплатить г. Малыхъ слѣдуемыя за доставку деньги съ удержаніемъ 100 руб., а консервы сдать на храненіе консерватору музея.

3) Выслушано письмо Н. Д. Юргенса на имя Распорядительнаго Комитета, въ которомъ онъ, указывая на заслуги наблюдателя Олекминской метеорологической станціи г. Серебрякова, проситъ Отдѣлъ о поощреніи его какъ къ дальнѣйшему веденію наблюденій, такъ и вообще къ служенію цѣлямъ науки.

Постановили: выдать г. Серебрякову денежное вознагражденіе, сообразуясь съ наличными средствами Отдѣла, но не менѣе 100 руб. и кромѣ того просить Императорское Русское Географическое Общество о награжденіи его медалью.

4) Выслушано заявленіе Н. Д. Юргенса о томъ, что въ проѣздъ его съ устьевъ Лены въ Якутскъ ему были вручены Старшиною 2-го Хатыгинскаго рода, Петромъ Отекасъ Хатыгинымъ, нѣкоторые бумаги, свидѣтельствующія о немаловажныхъ заслугахъ, оказанныхъ имъ еще Олекминской Экспедиціи, причемъ упомянутый старшина жаловался, что за всѣ труды и заботы при экспедиціи онъ не получилъ никакой награды, тогда какъ его сотоварищи удостоились таковой.

Постановили: въ виду несомнѣнности заслугъ Петра Отекасъ Хатыгина, что явствуетъ изъ представленныхъ г. Юр-

писомъ бумагъ, и принимая въ соображеніе, что невниманіе къ заслугамъ мѣстныхъ жителей въ оказаніи содѣйствія ученымъ экспедиціямъ не можетъ не отразиться вредно на успѣхъ будущихъ экспедицій, просить Императорское Русское Географическое Общество, съ препровожденіемъ копій съ имѣющихся бумагъ, не найдетъ ли оно возможнымъ наградить чѣмъ либо Петра Хатыгина. Подлинныя бумаги Хатыгина, согласно просьбѣ Н. Д., постановили: выслать обратно ихъ владѣльцу.

5) Н. Д. Юргенсъ просилъ Комитетъ принять отъ него на храненіе нѣкоторыя изъ принадлежащихъ экспедиціи вещей, а именно: три берданки съ принадлежностями, 2 револьвера и стѣнныя часы, а также вытребовать изъ Якутскаго Городскаго Полицейскаго Управленія и принять на храненіе еще одну берданку, которая была утеряна наблюдателемъ станціи унтеръ-офицеромъ Никифоромъ Пущинымъ и впослѣдствіи найдена.

Постановили: исполнить просьбу г. Юргенса, а вещи сдать на храненіе консерватору музея.

6) Выслушано письмо наблюдателя Верхоленской метеорологической станціи, г. Гамкеридзе, въ которомъ онъ, сообщая, что, хотя Комитетъ и предлагалъ ему нанять квартиру для станціи только до 1 Января 1885 г., но онъ нашелъ удобнымъ нанять ее на цѣлый годъ, т. е. до 1 Сентября будущаго года за 40 руб. съ тѣмъ однако условіемъ, что Отдѣлъ платитъ за квартиру лишь за время существованія станціи, проситъ выслать слѣдуемыя за квартиру деньги, а также книжки и таблицы для записыванія наблюденій.

Постановили: выслать просимыя г. Гамкеридзе деньги, за время отъ 1 Сентября с. г. до 1 Января будущаго года, а также книжки и бланки и просить члена Комитета А. М. Шестакова поручить кому либо изъ ѣдущихъ попутно горныхъ инженеровъ осмотрѣть Верхоленскую станцію и провѣрить дѣйствія наблюдателя.

7) Прочитано письмо Редактора „Восточнаго Обозрѣнія" г. Ядринцева, которымъ онъ извѣщаетъ Отдѣлъ о желаніи одного изъ сибиряковъ внести 120 руб. на продолженіе изданія И. В. Щеглова и проситъ доставить свѣдѣніе, въ какомъ положеніи находится изданіе сказаннаго сочинителя и имѣется-ли надобность въ средствахъ.

Постановили: сообщить г. Ядринцеву, что трудъ покойнаго Щеглова уже изданъ въ количествѣ 525 экз. и что вслѣдствіе увеличенія объема труда противъ предположеннаго авторомъ Отдѣлъ задолжалъ типографіи Штаба 546 руб., на покрытіе каковаго долга и могутъ быть обращены упомянутые 120 р., если на то будетъ согласіе жертвователя. Кромѣ того, просить г. Ядринцева напечатать въ издаваемой имъ газетѣ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ книги и выслать ему 2 экземпляра ея.

8) Выслушано заявленіе Н. И. Раевскаго о томъ, что для Отдѣла было бы не безъинтересно имѣть у себя всѣ наблюденія, производимыя какъ на Олекминской, такъ и на Верхоленской метеорологическихъ станціяхъ, въ виду того, что въ обработанномъ видѣ онѣ появляются въ свѣтъ очень поздно и что поэтому Отдѣлъ лишенъ всякой возможности пользоваться ими теперь.

Постановили: просить гг. наблюдателей упомянутыхъ станцій присылать, кромѣ назначеннаго для Главной Физической Обсерваторіи, еще одинъ экземпляръ наблюденій для Отдѣла, а г. Серебракова просить выслать и всѣ наблюденія, имѣющіяся у него, по словамъ г. Юргенса, со дня основанія станціи.

9) Въ виду предстоящаго зимняго сезона и болѣе частыхъ Общихъ Собраній, постановили: просить дѣйствительнаго члена Отдѣла Я. И. Дуброва извѣстить Комитетъ, когда онъ намѣренъ представить отчетъ о своихъ лѣтнихъ занятіяхъ и можетъ ли сдѣлать сообщеніе о добытыхъ имъ результатахъ въ одномъ изъ Общихъ Собраній.

10) Читанъ и подписанъ протоколъ прошлаго засѣданія.

ПРОТОКОЛЪ

Общаго Собранія Членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

30 Октября 1884 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. И. Коссовича присутствовало 52 дѣйствительныхъ члена и 35 постороннихъ лицъ.

1) Выслушано сообщеніе Начальника Ленской метеорологической станціи Н. Д. Юргенса, въ которомъ онъ изложилъ вкратцѣ весь ходъ снаряженія, путешествія и дѣйствій ввѣренной его руководству экспедиціи.

2) Произведены выборы въ дѣйствительные члены нижепоименованныхъ въ приложенномъ спискѣ лицъ.

—

Предлагаются въ дѣйствительные члены Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества:

1) Управляющимъ Кутумарскимъ заводомъ Нерч. Горн. Округа Горный Инженеръ Владиславъ Михайловичъ Левицкій.

2) Управляющій Алтачинской дистанціей рудниковъ Нерч. Горн. Окр. Горный Инженеръ, Михаилъ Васильевичъ Нестеровъ.

3) Докторъ Медицины Горбацевичъ въ г. Читѣ.

ПРОТОКОЛЫ

Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

12 Ноября 1884 года.

Присутствовали: А. В. Федоровъ, А. А. Шамаринъ, Н. И. Раевскій, В. И. Вагинъ, В. П. Сукачевъ, А. М. Шестаковъ, Н. И. Витковскій, А. И. Бобровниковъ и Правитель дѣлъ Н. И. Агапитовъ, Н. Д. Юргенсъ и члены Отдѣла: И. С. Боголюбскій, Л. А. Ячевскій, Ф. Франковскій и И. Т. Сапешковъ.

На текущее засѣданіе Предсѣдателемъ избранъ Н. И. Раевскій.

1) Н. И. Раевскій по поводу произведеннаго имъ разбора гербарія г-на Гартунга, предлагаемаго Отдѣлу для покупки, сообщилъ слѣдующее: Гербарій заключаетъ болѣе 1500 видовъ и 430 родовъ. На сколько вѣрно они опредѣлены, онъ не рѣшился сказать, такъ какъ не считаетъ себя знатакомъ здѣшней флоры; тѣмъ не менѣе судя потому, что знакомыя ему растенія опредѣлены вѣрно, полагаетъ, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, значительное большинство опредѣлены точно. Помимо цвѣтковыхъ есть нѣсколько экземпляровъ папоротниковъ, плауновъ и хвощей. Нѣкоторыя семейства очень богаты видами напр. Papilionaceae, Ranunculaceae; изъ этихъ семействъ нѣкоторые роды изобилуютъ видами изъ Papilionaceae—Oxytropis и Astragalus; у Турчанинова всѣхъ видовъ Oxytropis 24, въ гербаріи же ихъ 33 вида. Изъ Ranunculaceae: Ranunculus, Clematis, Anemone, Thalictrum; затѣмъ изъ другихъ семействъ роды Viola, Saxifragu, Cerastium.

Къ сожалѣнію много неопредѣленныхъ экземпляровъ, при томъ растенія высушены не особенно тщательно, стары, обветшалы, обезцвѣтились. Не увеличиваетъ достоинства гербарія, а скорѣе вредитъ ему—множество растеній не изъ Иркутской губерніи и Забайкальской области; такъ встрѣчаются экземпляры изъ Охотска, съ Амура, (Phelodendron amurense, Vitis, amurensis, Maackia amurensis), изъ монгольскихъ степей: Alhagi songoricum, изъ Туранскихъ степей Alhagi Kirgisorum; китайскихъ—Deutzia grandiflora, Indigofera, Celtis kinensis. Наконецъ жаль, что именно трудныя для опредѣленія растенія и въ этомъ гербаріи остались неопредѣленными, напр. сем. Labiatae, Umbelliferae, Compositae.

Во всякомъ случаѣ пріобрѣтеніе гербарія желательно; онъ можетъ дать возможность приготовить новое собраніе изъ опредѣленныхъ и свѣжесобранныхъ растеній и положить начало хорошему мѣстному гербарію.

Постановили: предложить г. Гартунгу за гербарій заключающій до 11½ сотенъ видовъ—50 р.

2) Дѣйствительный членъ Отдѣла И. Т. Савенковъ въ живомъ разсказѣ передалъ о произведенныхъ имъ осмотрѣ писаницъ, могилъ бронзоваго вѣка и столпокъ каменнаго вѣка по рѣкамъ Манѣ и Енисею; сообщеніе сопровождалось показаніемъ снимковъ съ писаницъ, рисунковъ костяковъ, вырытыхъ изъ кургановъ и нѣкоторыхъ каменныхъ орудій со столпокъ по р. Енисею.

Постановили: выразить признательность И. Т. Савенкову за сдѣланное сообщеніе и просить доставить для „Извѣстія" краткій отчетъ, помимо обѣщаннаго г. Савенковымъ подробнаго описанія своей поѣздки.

3) Прочитано письмо Секретаря Гаврскаго Общества коммерческой Географіи съ предложеніемъ обмѣна изданіями.

Постановили: высылать „Извѣстія" Отдѣла съ 1883 года въ обмѣнъ на бюллетени общества.

4) И. Т. Савенковъ просилъ выдать ему на время одну серію антропометрическихъ инструментовъ для измѣренія имѣющихся въ его коллекціи череповъ.

Постановили: поручить Н. И. Витковскому выдать серію инструментовъ.

5) Н. Н. Агапитовъ сообщилъ, что не имѣя возможности быть лично на съѣздѣ археологовъ въ Одессѣ, онъ взятыя имъ вещи представилъ чрезъ г. Директора Императорской Публичной Библіотеки. О каменной рыбѣ, доставленной имъ, и неизвѣстныхъ орудіяхъ изъ раскопокъ г. Витковскаго—сообщилъ на съѣздѣ Д. Н. Анучинъ; снимки съ такъ называемыхъ руническихъ письменъ Минусинскаго края, снятыхъ Н. С. Боголюбскимъ, обратили на себя вниманіе извѣстнаго археолога Аспелина и съ нихъ были имъ сдѣланы копіи; снарядъ для добыванія огня треніемъ дерева, присланный членомъ Отдѣла И. Заяхановымъ и употребляемой Кударинскими бурятами нашелъ себѣ мѣсто на выставкѣ, открытой во время съѣзда.

---

23 Ноября 1884 года.

Присутствовали: П. Н. Лазинъ, Н. И. Раевскій, А. И. Бобровниковъ, М. Я. Писаревъ, Н. И. Витковскій, А. В. Федоровъ, Н. Н. Агапитовъ.

Предсѣдателемъ на засѣданіе избранъ Н. И. Раевскій.

1) Н. И. Витковскій сообщилъ, что Ст. Андр. Гартунгъ изъявилъ намѣреніе подарить Отдѣлу гербарій, принадлежащій его брату.

Постановили: благодарить г. Гартунга за сдѣланное пожертвованіе.

2) Въ виду необходимости озаботиться продажей книги И. В. Щеглова: „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири" для покрытія издержекъ по печатанію и для распространенія книги въ средѣ сибирскаго общества, постановили: напечатать объявленіе о продажѣ книги въ газетѣ „Сибирь".

3) Прочитано письмо Л. А. Ячевскаго, предлагающаго сдѣлать на ближайшемъ Общемъ Собраніи сообщеніе о своей поѣздкѣ въ Забайкальскую область.

Постановили: предложить черезъ Правителя дѣлъ доставить Комитету если не рукопись, то подробную программу сообщенія.

4) Прочитано циркулярное письмо Александровской Публичной Библіотеки въ г. Самарѣ съ просьбой снабдить библіотеку Извѣстіями Отдѣла.

Постановили: выслать въ библіотеку Извѣстія Отдѣла съ 1879 года.

5) Прочитано письмо Генеральнаго Секретаря Средне-швейцарскаго Общества Коммерческой географіи въ Аарау съ предложеніемъ дружественныхъ сношеній и обмѣна изданіями.

Постановили: выслать Извѣстія съ 1884 года.

6) Прочитано письмо члена Отдѣла Ф. В. Рудакова съ приложеніемъ записки о сборѣ кошенили въ Тобольской губерніи; записка составлена А. И. Афонинымъ, который долго жилъ въ округахъ, населенныхъ инородцами, и можетъ доставить интересныя свѣдѣнія о бытѣ инородцевъ.

Постановили: благодарить Ф. В. Рудакова за доставленіе записки г. Афонина и просить его передать автору желаніе Отдѣла имѣть самые объекты сбора (называемые авторомъ кошенилью) въ разныхъ степеняхъ развитія, а также просьбу Отдѣла къ г. Афонину заняться описаніемъ бытъ инородцевъ по прилагаемымъ при семъ программамъ.

7) Прочитано письмо учителя Западно-Кангальскаго улуса Якутскаго округа Н. Принузова съ приложеніемъ отвѣтовъ на программу Н. Н. Агапитова о шаманствѣ.

Постановили: поручить Н. Н. Агапитову разсмотрѣть записку Н. Принузова и Якутскую сказку съ примѣчаніями Д. С. Горохова, доставленную Отдѣлу ранѣе; и представить Комитету свое мнѣніе; Принузову же выслать по 5 шт. конвертовъ и наклеекъ съ печатями Отдѣла для доставленія имъ обѣщанныхъ въ письмѣ коллекцій по этнографіи.

8) Прочитано письмо Воейкова съ просьбой доставить библіографическія свѣдѣнія о напечатанныхъ въ изданіяхъ Отдѣла статьяхъ по метеорологіи Сибири для одного американскаго изданія по библіографіи, предпринятаго Signal office въ Вашингтонѣ.

Постановили: собрать свѣдѣнія и выслать въ Вашингтонъ.

9) Общее Собраніе для выборовъ Предсѣдателя назначить на 10 Декабря.

---

27 Ноября 1884 года.

Присутствовали: В. И. Вагинъ, А. А. Шамаринъ, Н. И. Витковскій, А. В. Федоровъ, С. А. Штернъ, Н. И. Раевскій, П. Н. Лянинъ, М. Я. Писаревъ, Н. Н. Агапитовъ и члены Отдѣла: Л. А. Ячевскій, Я. П. Дуброва и С. І. Москвинъ.

Предсѣдателемъ на засѣданіе избранъ Н. И. Раевскій.

1) Прочитали и подписали протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Вслѣдствіе письма Воейкова, просившаго Отдѣлъ составить списокъ сочиненій по метеорологіи Сибири для Signal Office въ Вашингтонѣ, задумавшаго обширный трудъ по библіографіи метеорологіи.

Постановили: просить В. И. Вагина и Н. И. Раевскаго заняться составленіемъ упомянутаго списка сочиненій, на что и было названными членами Комитета изъявлено согласіе.

3) Прочитано письмо наблюдателя Верхоленской метеорологической станціи спрашивающаго, слѣдуетъ ли ему присылать въ 2-хъ экземплярахъ, какъ просилъ Отдѣлъ, только таблицы или и книжки наблюденій и можетъ ли Отдѣлъ отпустить ему 10 руб. на переписку таблицъ, такъ какъ эту переписку придется ему поручить другому лицу.

Постановили: увѣдомить наблюдателя, что достаточно присылать однѣ мѣсячныя таблицы въ 2-хъ экземплярахъ и выслать 10 руб. и бланки для таблицъ.

4) По возбужденному вопросу о печатаніи метеорологическихъ наблюденій станціи Иркутской Учительской Семинаріи и Верхоленской постановили: печатать только первыя, начиная съ Іюля 1884 года.

5) Г. Витковскимъ были прочитаны, составленныя имъ правила для пользованія книгами изъ библіотеки, принадлежащей Отдѣлу.

Постановили: составленныя правила для просмотра и замѣчаній разослать къ Членамъ Комитета.

6) Г. Ячевскій представилъ для предполагаемаго имъ сообщенія въ общемъ собраніи слѣдующую программу краткій историческій обзоръ естественно-историческихъ изысканій въ Забайкальской области. Значеніе избраннаго имъ маршрута экскурсіи на кони лазуреваго камня и на рѣ. Сводянку. Разрѣзъ Хамаръ-дабана, долина Гусинаго и Селенгинскаго озеръ. Маршрутъ отъ Тарбагатая на Хилокъ и Чикой. Разрѣзъ Яблочнаго хребта. Сѣрные ключи системы рѣки Онона и ея пріиски. Оловянный рудникъ. Борщевское озеро. Адунъ-Челонскій хребетъ. Р. Соктуй.

Постановили: просить Л. А. Ячевскаго сдѣлать свое сообщеніе по представленной программѣ въ Общемъ Собраніи 10 Декабря.

7) Я. П. Дуброва прочиталъ перечень тѣхъ разработанныхъ имъ вопросовъ, относящихся до историко-этнографическаго изслѣдованія бурятъ Иркутской губерніи, которые входили въ программу порученнаго ему изслѣдованія инородцевъ Иркутской губерніи и Забайкальской области и которые онъ хотѣлъ бы видѣть напечатанными.

Постановили: имѣя въ виду обширность предполагаемаго труда Я. П. Дуброва, просить его составить предварительный отчетъ, который обнималъ бы въ общей картинѣ всѣ разработанные вопросы и затѣмъ уже представить подробный трудъ; рѣшеніе же вопроса о печатаніи этого труда предоставить Редакціонной Коммиссіи.

---

12 Декабря 1884 года.

Присутствовали въ засѣданіи: А. В. Федоровъ, А. П. Бобровниковъ, А. М. Шестаковъ, А. А. Шамаринъ, М. Я. Писаревъ, В. И. Вагинъ, С. П. Коссовичъ и Н. И. Витковскій.

1) Предсѣдателемъ единогласно избранъ на засѣданіе А. А. Шамаринъ; доложить бумаги поручено Н. И. Витковскому.

2) Постановили просить Правителя дѣлъ оповѣщать членовъ за два дня о имѣющемъ быть засѣданіи; внезапно же назначать засѣданіе только въ экстренныхъ случаяхъ.

3) Прочитано отношеніе Распорядительнаго Комитета „Общества изученія Амурскаго края" вновь образовавшагося въ Владивостокѣ, съ предложеніемъ тѣснаго сближенія и сотрудничества и съ просьбой снабдить библіотеку Общества всѣми изданіями Отдѣла и программами, выработанными спеціалистами-практиками для изученія отдѣльныхъ отраслей знанія.

Постановили: установить сношенія съ „Обществомъ изученія Амурскаго края", препроводить изданія Отдѣла и просить выслать проектъ устава.

4) Читано письмо Директора Русскаго Энтомологическаго Общества, полученное 3 Декабря съ увѣдомленіемъ о празднованіи 4 Декабря с. г. съ Высочайшаго соизволенія 25-ти лѣтняго юбилея со дня возникновенія Общества.

Постановили: не смотря на то, что срокъ юбилея минулъ, все-таки привѣтствовать Общество, объяснивъ причину, почему это привѣтствіе является запоздалымъ.

5) По предложенію А. В. Федорова постановили: завести книгу, въ которую записывались бы всѣ входящіе въ Общее Собраніе члены, а также и приходящіе ими гости, о чемъ и увѣдомить гг. членовъ Отдѣла въ повѣстяхъ на ближайшее собраніе.

6) Общее Собраніе постановили назначить на вторникъ 18-е Декабря: внести въ списокъ пропущенныхъ членовъ; во-избѣжаніе недоразумѣній, на выборныхъ листахъ сдѣлать надпись о выборѣ трехъ кандидатовъ въ Предсѣдатели.

7) Для разсмотрѣнія статей, назначаемыхъ къ печати или для прочтенія на Общихъ Собраніяхъ, постановили: избрать, согласно устава, постоянную Редакціонную Коммисію.

ПРОТОКОЛЫ

Общаго Собранія Членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

10 Декабря 1884 года.

1) Выслушано было сообщеніе дѣйствительнаго члена Л. А. Ячевскаго о поѣздкѣ въ Забайкальскую область.

2) Выслушанъ отчетъ о лѣтней экскурсіи д. чл. Я. П. Дуброва.

3) Произведены выборы въ дѣйствительные члены Николая Семеновича Буддакова, Николая Васильевича Максимовича.

4) Произведена повѣрка избирательныхъ списковъ для выбора Предсѣдателя Отдѣла.

Всѣхъ представленныхъ избирательныхъ списковъ—восемьдесятъ три (83).

Большинство голосовъ получили:

Н. И. Раевскій 54.

В. П. Вагинъ 33.

Но такъ какъ нѣкоторые списки не могутъ быть признаны дѣйствительными вслѣдствіе того, что на однихъ четыре кандидатовъ въ предсѣдатели отмѣчено четыре, на другихъ два или одинъ, то постановили произвести новые выборы, по возможности устранивъ повтореніе упомянутой неправильности.

---

18 Декабря 1884 года.

1) Произведена повѣрка избирательныхъ списковъ для выбора Предсѣдателя.

Большинство голосовъ получили:

Н. И. Раевскій—сорокъ восемь (48).

А. А. Шамаринъ—сорокъ пять (45).

В. П. Вагинъ—сорокъ одинъ (41).

С. И. Коссовичъ—двадцать четыре (24).

А. М. Шестаковъ—семнадцать (17).

В. П. Сукачевъ—шестнадцать (16).

Всѣхъ избирательныхъ листовъ девяносто семь, по двѣ безъ отмѣтокъ, а потому всѣхъ избирательныхъ листовъ *девяносто пять*.

На основаніи устава избраннымъ признается Н. И. Раевскій, какъ получившій больше половины наличныхъ голосовъ.

[illegible]

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географичес